

Юлия АЛЕВА

ЛЫЛЬ И БИСЕР

Исторический детектив

Вот зайди сейчас в любой книжный, а там куда ни плюнь — попаданцы. Мужественно и задорно перекраивают они историю, объединяя империи, покоряя моря и далекие Галактики, к их ногам так и складываются богатства и прекрасные девы. А если ты попаданка — то непременно к эльфам, и чтоб сразу принцессой. Если с эльфами перебои — то в волшебную школу, где твоим талантам все моментально, или через пару недель будут поклоняться, и опять же пара принцев ждут с букетами под дверью. Можно еще сразу в богини или высшие демонессы. А уж если автор в дурном настроении, или просто с реальностью связь окончательно не утерял — то с упорством патентного бюро наша героиня строчит изобретения, подтягивая к себе верных союзников и несметные богатства. Опять же на горизонте пересекаясь с изумленным королем или сыном его. И вот у всех так — пошатаешься по свету, заполучишь армию в поддержку, всех победишь и почиваешь на лаврах. И только я сижу в грязном подвале и думаю, как оформить себе паспорт в жандармском управлении, да чтоб ни в дурку, ни на каторгу не попасть.

Юлия Алева
Пыль и бисер

ПРОЛОГ

Когда я таки собралась выйти из квартиры, то впечатление производила неизгладимое. На улице на меня косились, а детки помладше показывали пальцем и говорили, что тетя снимается в кино. На мне шляпка-ток, яркая шаль, короткая дубленка и юбка в пол. Хоть в храм, хоть на концерт художественной самодеятельности можно идти. Причем на концерт — солисткой. Но у всего есть свои причины, особенно занимательные они у глупостей.

В наш регион пришел жирный и заманчивый инвестор, на охоту за которым устремилось множество паразитирующих конторок всех мастей, и моя не исключение.

Концерн «Имперские продукты» широко известен в очень узких кругах как соцпакетом для сотрудников, так и духовным мировоззрением руководителя. Борис Андреевич Углич-Спасский — человек верующий, воцерковленный, высокодуховный. И духовность эту он внедряет всюду, куда дотянется, поэтому сотрудники его сплошь крещены, обвенчаны, причащены, соблюдают посты, целомудренно одеваются, платят десятину и еженедельно посещают «Курс молодого бойца православной культуры». Помимо прочего в его коллективе народ бодро стучит друг на друга по вопросам контрацепции, нарушения заповедей и кощунственных высказываний. Сказочное местечко.

Волшебным образом подобная тирания личного пространства сочетается с высоким качеством продукции, так что, когда компания пришла в наш город, моя консалтинговая контора решила заполучить его в свои сети. Поначалу решили заслать к нему Игоря, импозантного красавчика, чьи черные кудри и томные глаза очаровывали всех дам от 20 и до гробовой доски, но тот отказался жертвовать маникюром, который у лиц мужского пола Борис Андреевич почитал за паскудство и ересь. Дамира не снимает хиджаб, Лёню хоть в косоворотку обряди, а иудейство не спрячешь, Настя после очередной пластики плохо шевелит губами. В общем, короткая соломинка досталась мне. Добрый вождь посоветовал засунуть мой феминизм куда поглубже и стать кроткой и смиренной. Мечтатель, тоже мне.

Я долго трамбовала юбку так, чтобы она не мешала ни ремню, ни ручнику, смирилась с неизбежными морщинками и двинулась в путь. Города-спутники с долгой и мутной историей соединяет старый двугорбый мост. Полоса в областной центр, полоса в районный, реверс, на котором удачно развернуло автобус, и никто никуда уже не спешит. 3 километра за 4 часа и вот я почти что в обители зла. Империя господина Углич-Спасского разместилась неподалеку от центра, но в месте, несколько избалованном вниманием градостроителей — ему удалось за копейки арендовать здание полузаброшенного комбикормового завода, построенного еще в XIX веке. Кто-то от большого ума решил построить Копакану на Волге, растянув имеющиеся 3 километра набережной до 20, но пока начался кризис, потом кончились деньги, а достроенная часть под жиденькие аплодисменты зрителей и громкие расследования на федеральных телеканалах сползла в воду... В общем здания сносить пока не спешили, чем и воспользовался наш герой.

Идти пришлось через огромный пустырь, ибо парадный вход парадный въезд — это два очень разных места. Деревья высоченные, сугробы, прикрывающие вековые залежи мусора и я, бредущая куда попало.

Нежно матеря самодура-директора, лентяев-коллег и чертову приличную одежду я отвлеклась от пейзажа и не заметила, что снегом припорошен не только асфальт, но и плохо закрепленный лист жести, который не захотел выдержать мои честные 58 килограмм плюс

косметика. Ладно, пусть 65. В общем, лист не выдержал, я ощутила передаваемый восторг свободного падения.

— .... - не буду цитировать то, что произносит человек, падающий в бездну. Но мне немного стыдно, что в Вечность я могла бы уйти с этой фразой.

Не сказать, что падала я высоко. Приземлилась на какую-то шелуху, судя по запаху — гречишную, вообще практически как на перину. Но головой ударилась наверняка, потому что стало темно. Я нащупала сумку, на ощупь нашла телефон — а вот экран как раз светился. Значит не с глазами беда. Фонариком осветила помещение, оказавшееся просторным — метров тридцать в ширину — квадратным подвалом с низким сводчатым потолком, изрядно захламленным вдоль стен. Дыру в потоке обнаружить не удалось, хотя не могло там смеркнуться — как было 13 с копейками, когда я прошла мимо проходной, так и оставалось. Сеть почему-то не ловила, но то ж смартфон, а не моя старенькая Nokia с черным щупальцем антенны — та даже на перегоне под Черной речкой уверено ловила все возможные сети. Разумно предположив, что где-то должен быть и вход, я обошла помещение по периметру и почти вернулась к первоначальной точке, когда между ящиками с неустановленным, но довольно тяжелым содержимым, обнаружилась дверь. О, чудо, она была не заперта. Ну то есть как... Там была щель в двери, через которую можно было подобранным с пола гвоздем подцепить крючок, запиравший дверь снаружи.

Я оказалась в коридоре, долго брела по нему, прежде чем уперлась в лестницу — добротную такую, каменную, с резными дубовыми перилами. Поднялась на добрых два десятка ступеней, толкнула тяжелую дверь, зажмурилась от яркого дневного света и лишь через несколько секунд открыла глаза.

И снова закрыла дверь. Конечно, я готовилась к поездке, но меня не предупредили, что с одеждой все так сложно. Все как будто ушли в XIX век и забыли дорогу обратно. Ну ничего, я в цыганском поселке однажды исхитрилась контракт продать, так что и тут справлюсь.

Подхожу к первому же мужчине в сюртуке, с тросточкой, бородкой и шляпой-котелком.

— Добрый день! Вы не подскажете, где офис господина Углич-Спасского? — ну ряженые-то все должны шефа знать.

— Не имею знать, сударыня. Первый раз слышу об этом господине. — Приподнял шляпу. — Честь имею кланяться.

И, вы не поверите, чуть поклонился и пошел дальше.

Еще двое практически полностью повторили этот монолог, и я перестала приставать к прохожим, понадеявшись на себя.

Что ж я, сколько раз уже без навигатора из степей вырубивала, а тут, посреди миллионного почти города потеряюсь? Да ни в жизнь! Ну или легко и непринужденно: оглядевшись, чтобы сориентироваться я не увидела самого главного — гордости нашего губернатора, пятидесятиэтажной башни небоскреба, гордым шпилем встречающая каждого, въезжающего в город. Эту халабудину видно с любой точки близлежащих районов, и странно, что она мне не попадается, куда ни повернись. Да и вообще тут как-то все запущено. Я давно на другом берегу живу, здесь бываю нечасто, но не до такой же степени. И вот дошла до первого же перекрестка, свернула направо — рельеф местности явно шел под уклон и минут через 10 оказалась прямо на льду. Миновав новую, широко распиаренную набережную, которой не было. И в ошеломлении наблюдая за множеством рыбаков, возле которых были припаркованы сани с лошадьми. Моста с любимым городом на привычном

месте не обнаружилось.

* * *

Я машинально повернулась и на автопилоте пошла обратно. На ощупь практически нашла нору, из которой вылезла — это подвал в непримечательном доме с заколоченными окнами и скрылась в нем. Поразмышляв чуть-чуть (здорово не вышло), поднялась по лестнице внутрь дома и устроилась у окна. Доски пригнаны друг к другу неплотно, есть куда подглядывать.

Мне открылась широкая улица с нечищеными тротуарами и множеством следов от полозьев саней. Вот и очередные, кстати, с очень живописным и не очень трезвым кучером. Ни одного признака электрических проводов. Я в разное могу поверить, но в то, что кто-то успел так хорошо поправить городок за полчаса — нет.

Ветер носит мусор, и среди всякого — обрывок газеты. Нужно незаметно вытянуть руку из подвала — да, вот так, и схватить. Прочитать и долго-долго подбирать цензурные слова.

* * *

1893 год. Моей прабабушке исполнилось 3 года. (Съездить бы, познакомиться — в XX веке мы не пересеклись). Где-то в Самаре молодой помощник адвоката пишет в стол свои первые труды, мечтая создать идеальное общество рабочих и крестьян. Четырехлетний карапуз в Браунау только учится рисовать. Летом грузный нервный юноша в третий раз пойдет на экзамены в Сэндхерст и наконец поступит. Сирота, сын сапожника оканчивает духовное училище в Гори. У них все только начинается.

А у меня все закончилось. Эта мысль идет фоном с тех самых пор, как я рассмотрела отсутствие набережной. Мозг еще цепляется за пустые надежды, но все в любом случае кончилось. И ежели я просто сошла с ума — а мозг наш очень хрупок на самом-то деле, и ежели произошло немыслимое — тем более. Мой мир, моя двадцатисемилетняя жизнь пошли прахом. Надежды и мечты — все нужно похоронить прямо вот под этим девственным, экологически чистым снегом. Планы все рассыпались в труху. Все закончилось и впереди чистый лист. Позади, впрочем тоже. Ну ладно, не самый чистый лист впереди, контуром обрисовано такое, из-за чего я даже фильмы об этой поре смотреть не люблю, так как даже благополучные финалы намекают, что лет через немного все умрут в страшных муках.

И вот теперь я оказалась в настоящей беде, которая куда хлеще несчастливой любви и оскорбленных чувств.

Через 10 лет грянет русско-японская война и первая революция. Через 20 — страшнейшая война в мировой истории, а потом и весь этот неуютный мирок накроется медным тазом. То есть к этому моменту мне, даме хорошо за сороковник, нужно будет свалить отсюда на безопасное расстояние. Еще лучше не откладывать это дело в долгий ящик и вернуться домой прямо сейчас.

Я прогулялась по подвалу, но нужной комнаты не нашла. За дверью оказался обычный чулан.

Здесь я бы взяла паузу на пару часов, потому что пересказывать данный отрезок моей жизни немного неловко.

* * *

Предположим, что назад я не попаду. И хотелось бы прожить свой век по возможности долго и спокойно. Значит, не в этой стране. Хотя...

* * *

Кабы знать, где соломку расстелить... Я вот знаю, а толку? Можно, конечно, денег поднакопить, приобрести хуторок во Франции. Или, для надежности, в Новой Зеландии, и организовать потом, в июне-июле 1917, ознакомительный тур для обеспеченных людей. Так-то оно задворки мира, а все катаклизмы мимо пройдут. Но накопить денег с нуля всегда непросто, а до революций еще надобно дожить.

* * *

Золотое правило менеджмента — алгоритм «Целеполагание-Планирование-Организация-Мотивация-Контроль». Я буду переживать о своих бедствиях только после того, как окажусь в безопасности. Поэтому цель — выжить. План — элементарно выжить, обеспечив себе кров, еду и социализацию. Мотивация — сильнейшая. Контроль — непрерывный. Осталось дело за организацией.

* * *

Начнем с ресурсов. Материальные не радуют — одежда моя смотрелась старинной только в начале XXI века, тут я мгновенно спалюсь, а увлекательная история моего появления вряд ли тронет полицейских. Начинать жизнь с воровства у местных — чревато. Можно продать что-нибудь ненужное, и на вырученные средства купить что-нибудь нужное. Что у нас в сумочке? Телефон, айпад, зарядка на солнечных батареях, водительское удостоверение. Косметичка осталась в бардачке, зато есть флешка, обширная коллекция дисконтных карт магазинов, о существовании которых планета пока еще не догадывается, спрей от кашля, влажные салфетки, ключи от дома и машины, купленная вчера, но благополучно забытая японская плитка для лица, пакетик с соленым арахисом. Сдается мне, ничего из вышперечисленного не заинтересует моих далеких предков. На шее крестик и семейная реликвия, которые тут тоже особо не котируются. Часы вот есть. Китайский Китай, но выглядят умирительно. Их можно попробовать продать, но вряд ли вырученного хватит на двадцать лет.

Теперь адекватно оценим интеллектуальные. Бездарностью и неудачницей я себя не считала никогда, да и не попался мне на пути человек, в этом способный обвинить. Но что

же можно использовать с некоторой выгодой для себя в нынешних условиях? Я прокручивала в уме свое резюме и с трудом сдерживалась от слез. Диплом ВУЗа, который будет основан через пятнадцать лет по специальности, которую тоже еще не придумали — не вариант. Все навыки по организации дистанционных переговоров, владения офисными пакетами программ и управления любимыми гаджетами — в топку. Я даже на родном языке грамотно писать не смогу — ибо грамматика тут совсем не та. О, английский подойдет. IELTS, не зря столько денег и времени на тебя потрачено. Хотя кому он тут нужен? Они же в основном французский предпочитали.

Математика — в плюс. Школьный курс биологии... я помню плохо. Физику и химию ненамного лучше. Из изобретений будущего могу предложить (и нарисовать как сделать) только мясорубку и миксер, но они у них уже есть. Мясорубка — точно. Водительские права будут годны еще 130 лет, но то мне тоже сегодня не поможет. Все, что можно делать руками — тут делают намного лучше и изящнее, чем мои современники. Вышивкой и шитьем, помнится, великокняжеские женщины кормили свои семьи в эмиграции. Я конкуренцию не потяну. И это у меня за плечами 11 лет школы, высшее образование и незаконченная диссертация. Никчемность.

При таком раскладе нужно только замуж. Ведь каждый уважающий себя мужчина мечтает жениться на подкустовом выползне без денег, связей и документов, что уж говорить. Можно, конечно, выйти за неуважающего... Что там было про среднюю продолжительность жизни женщины в крестьянской семье? 32 или 34 года? Бесконечные роды, отсутствие контрацепции, побои мужа, свекра, прочих родственников, обязанности и никаких прав. К чертям такие скрепы. Или искать работу... Тогда барышни где могли работать? Машинистками, секретарями, телеграфистками. И для всего нужно иметь образование и документы.

Можно пойти в революционеры, благо фамилии тех, с кем это выгорит, я знаю. Опять же, что мне Надежда Константиновна, она пока еще не жена... Каких-то 24 года — и квартирка в Кремле с видом на Красную площадь. Но как-то это не мое. С таким везением я точно окажусь с бомбой, которая взорвется раньше времени.

Или вот можно пойти в проститутки. Я не урод, не писаная красавица, да и по здешним стандартам имею слишком высокий рост в 170 см, большеватый рот, чересчур длинную шею, слишком дерзкий взгляд и короткие рыжевато-каштановые волосы. Как раз для такого бизнеса. Там оформляют желтый билет и.... Сифилис, гонорея, герпес — это только то, что к этой поре открыли — а антибиотиков еще полвека не будет. Тоже не хочется как-то. В самом крайнем случае — подамся в юродивые и пристроюсь при монастыре. Буду иногда излагать пророчества, а в остальное время побираться. Не жизнь — мечта.

Вот мне бы домой. Совсем хорошо, если эта история окажется горячечным бредом, но если мирозданию так уж хотелось пошутить с петлями времени, то хоть на несколько минут — забрать шкатулку с антресоли, где хранятся семейные реликвии — желто-коричневые фотокарточки давно ушедших предков, прабабушкин заварочный чайничек — белый, с синими цветами, полустертой позолотой и гербом Поставщика Императорского двора, дедушкины медали и старые письма. Там на дне лежит паспорт совершенно чужого нам, но очень значимого человека — девицы Ксении Александровны Нечаевой, дочери потомственного дворянина Александра Георгиевича Нечаева, родившейся в 1872 году в имении Вязовка Сызранского уезда Симбирской губернии. (Да, я — Мэри-Сью¹¹, только вся моя мэрисюшность лежит в 120 годах отсюда, в доме, который еще не построен, улица не

размечена, в стране, которой пока еще нет).

Мои предки по наиболее изученной линии обитали в славной, в ваше время затопленной Саратовским водохранилищем, деревне Малая Федоровка. И вот, когда властями было принято решение о переселении жителей, наша хозяйственная прабабка двинулась в путь вместе с домом и амбаром. Если кто не в курсе, то бревенчатые здания неплохо переживают перемену места. Мама десятилетней девчонкой принимала участие в общесемейном деле перевоза, и именно она обнаружила тайник под самой крышей амбара, где кроме нескольких купюр времен Александра III, проржавевшего ножа и непристойных фотографических карточек (вот же раритет был, наверное!), нашелся медальон с эмалевым портретом полной брюнетки, паспорт и письма на имя вышеозначенной девицы. А заодно и высокопарное письмо, в котором она прощалась с жизнью. Я потом по нему писать училась — и почерк у нас очень похож.

А теперь несколько слов о самой деревеньке. Славна она была не только преимущественно старообрядческим населением, но и тем, что течение делало у околицы некоторый финт ушами, и в результате значительная часть того, что несла Река, оказывалось на берегу. Еще моя тетка помнила, как издали определяли пол утопленников, которых во множестве выносило по весне: мужчины обычно плыли лицом вниз, а женщины — вверх. И если даже в спокойные советские годы жители окраинных домов частенько держали наготове багор — оттолкнуть очередной водный дар, дабы все хлопоты, связанные с ним, упали на чужую голову, что уж говорить о старых временах, когда визиту полицмейстера и без того задерганном новациями Победоносцева селении точно рады не были. Почему дядя моего прадеда позарился на утопленницу, да еще прибрал ее бумаги, установить сейчас уже невозможно. Сам он был призван в армию, где и сгинул в Русско-Японскую войну, не оставив ни семьи, ни мемуаров.

Моя родительница прибрала бумаги девицы Ксении себе и частенько их перечитывала. Образ юной утопленницы поражал воображение впечатлительной девочки и в какой-то момент она стала кем-то вроде семейного привидения. По-моему, мама даже за отца вышла из-за сочетания имени и фамилии. Когда она забеременела у меня не осталось выбора — я могла стать только девочкой и назвать меня могли только Ксюшей.

В век научно-технического прогресса и оцифровки информации нам удалось обнаружить кое-какую информацию относительно девицы Нечаевой. Та родилась в семье небогатого дворянина, мать умерла родами, жила безвылазно (и крайне небогато) в родительском имении. Господин Нечаев же был неводержан в расходах, отчего к 1892 году совершенно разорился, и дабы не переживать позорного пришествия кредиторов, ясным воскресным сентябрьским утром отправил дочь к заутрене в церковь и поджег усадьбу вместе с собой. По некоторым сведениям, он сначала застрелился, а пожар начался сам собой, но это роли уже не играет. Вот все правильно сделал, черт возьми. Ксения, оставшись в чем была, дождалась похорон и вместе с врученными ей душеприказчиком бумагами об изъятии всех земель и паспортом отправилась топиться. Мама ни разу не смогла дать внятного ответа, почему меня назвали в честь столь никчемной особы.

Хотя время от времени я думаю, что мамочке просто хотелось дать Ксении Александровне прожить более счастливую жизнь. Поэтому у меня было хорошее образование, даже танцы бальные, стресс устойчивое воспитание и свобода самовыражения. И тот самый медальон на шее. Моей младшей сестре Люське не пришлось проживать чужую жизнь, а теперь, видимо, придется быть за двоих.

И начиная с этого места я перестала быть суперженщиной, которой нипочем путешествия во времени и кардинальные повороты судьбы, и заревела. Те, кто утверждают, что оказаться в абсолютном, безнадежном отрыве от семьи и привычного мира, полезно и увлекательно — врут.

1. Бакалейщик

Пакет орешков закончился еще с утра, откуда-то черт принес ветер с мелкой крупой, и непринужденно прогуливаться стало совсем не с руки.

Я шла по Вольской улице, находя до обидного мало знакомых домов. Зато к каждому найденному хотелось припасть грудью и не отпускать до тех пор, пока рядом не остановится машина ППС. Жаль, что это бесплодная мечта.

— Бесовы дети, что ж такое. — Высокий рыхлый юноша с неравномерно пробивающейся белесой бородой обходил по кругу несколько ящиков, один из которых точно шел на выброс, ибо в момент выгрузки упал и издал обреченное звяканье. — Ни слова на русском языке.

Я постаралась максимально безразлично пройти мимо, и лишь поравнявшись с ним оборонила:

— Сударь, Вам ящик с сухими специями в лужу поставили, а с бутылками разбили.

— Барышня, а Вы... Иностранным языкам обучены? — потерянный было взгляд как-то сразу воспарил.

— Да, неплохо могу переводить...

Неужели так и оставит на улице?

— Так, может, зайдете?

Я по возможности степенно проследовала в лавку. А интересно у них тут, без евроремонтов и кондиционеров. Потолки только на первый взгляд кажутся низкими, а так метра три точно. Вдоль двух стен углом идет прилавок, за которым полки со всякой бакалеей. Очень вкусно пахнет. Где-то здесь еще ренсковый погреб (что это?), если верить вывеске.

Хозяин метался вокруг, пытаюсь одновременно устроить меня за круглым столом, покрытым кружевной скатертью, достать какие-то бумаги, которые кучно рассыпались прямо на пол и угостить чаем.

— Уж не побрезгуйте. — Огромная, с два кулака чашка, почти доверху наполненная горячим сладким чаем, опустилась прямо перед моим носом. Я задумчиво покосилась на прилавок и тут же образовались три пряника.

— Благодарю. — Вот как-то надо теперь удержаться от того, чтобы не кинуться на все это богатство, и чинно набивать себе цену. Я сдержанно улыбнулась своему собеседнику.

— Я, это, купец третьей гильдии, Калачев, Фрол Матвеевич... Вот, как видите, барышня, бакалеей торгую. От батюшки дело перенял. А с языками... как-то не очень.

— Нечаева, Ксения Александровна. — я протянула руку, которую купец неловка чмокнул (все утро вспоминала, как это делали в кино, но получилось все равно так себе).

С накладными я управилась довольно-таки быстро. Сама не ожидала. А уходить не очень хотелось: руки отогрелись, в ногах появилась ломота — первый признак, что этот мороз меня не любит. Я по крошке поглощала пряник, наслаждаясь каждой крупинкой. То ли от голода, то ли от других стандартов качества, но вкус не как в XXI веке.

— Да, и, Фрол Матвеевич, обращаю Ваше внимание, что продукты измерены в английских фунтах, а не в российских. — О, как круто быть эрудированной.

— Это что же, товара больше, чем я думал, выйдет? — расцвел ликом хозяин.

— Только если все в целости доехало. — остудила энтузиазм я.

Тут с улицы, заноса снежные брызги и холод, залетел мальчишка лет четырнадцати.

— Фрол Матвейч, Фрол Матвейч, там товар.... - он осекся, глядя на меня.

— Да знаю уж. Ты сам где был, оглоед, когда встречать надо было? — привычно проворчал хозяин и оба они отправились заносить свои сокровища.

* * *

Хозяин лавки вызывал у меня сложные смешанные чувства. Сто двадцать лет спустя я пойму, как по малейшим нюансам в поведении, взглядам, жестам, едва уловимым флюидам определять тех мужчин, с которыми не стоит связываться. Не потому, что मुдаки — этих-то я заранее определять так и не научилась, а потому что шансов нет от слова совсем. Такой навык я приобрела, вращаясь в компании, где оказалась сексуальным меньшинством. Очень, знаете ли, быстро ставит на место расклад, когда ты одна, а лиц, отдающих предпочтение своему полу — раз в 15 больше. С тех пор я не оцениваю людей по их ориентации, зато четко выделяю их из толпы. И пусть Фрол Матвеевич имел более чем брутальную внешность, повадки домашнего медведя и ни малейшего намека на жеманность — играть ему в другой команде, посему в работодатели он мне идеально подходил. Вопрос в том, зачем бы ему сдалась я.

Вскоре Фрол Матвеевич присоединился к трапезе.

— А Вы, Ксения Александровна, не из местных? Ни разу к нам не заходили. — во память!

С Богом, Ксюха, твой выход.

— Нет. Мы из Симбирской губернии. У папеньки там именье. Было. Он скончался осенью. — Я потупилась и всхлипнула.

Фрол Матвеевич покраснел, пошел пятнами, забормотал что-то утешительное и протянул мне большой, с две ладони пряник. Забавный он.

— Горе-то какое. Мой батюшка тоже в том году представился.

— Ах, я Вас так понимаю.... — И снова дозированная дрожь в голосе. — Маменька моя давно уже на Небесах...

— Ох... — нет, ну если он искренен, то как вообще с такой доверчивостью дела вести можно?

Где-то наверху послышался грохот, ругань и вой, безысходный человеческий вой.

— Матушка моя, Анфиса Платоновна, болеет, не в разуме. — отводя глаза произнес хозяин.

— Сочувствую Вам. — а маму-то он любит. Не просто почитает, а любит, как в наше время принято. Все, что я читала о девятнадцатом веке, предполагало покорность родителям, но не привязанность. А тут чувствительная натура.

Вой не прекращался, изменяя лишь тональность. Мы продолжали сидеть неподвижно.

— Возможно, помощь нужна... — я осторожно коснулась ладони моего vis-a-vis.

— Да там прислуга... — Он помялся. — Я на минуточку-с.

И сорвался с места.

Шум наверху обогатился увещаниями мужского голоса, вой сменился невнятным бормотанием и стих.

— У нашей дальней родственницы была подобная хворь. — Я осторожно отхлебнула

чай, пытаясь не сварить внутренности. Как-то наши предки имели иные пищевые привычки. — Все дело в том, как уход организован.

— Так я ей служанку нашел. — быстро ответил Фрол.

— Возможно, ей бы помогла не просто сиделка, но компаньонка. — я очень грубо закидываю удочку, но ночевать где-то надо уже сегодня.

— Так то у господ. Ей к чему, теперь-то?

— Здоровье психическое — материя малоизученная. Кто знает, что поможет. — Я допила чай и мне тут же налили новую чашку. — Иногда массажи, иногда упражнения всякие.

2. За гранями реального

Мягко надавливая на моего гостеприимного хозяина, я вынудила его привести меня в спальню матери. Полагаю, он сам не понял, как это случилось. Может, все же пойти более простым путем и попрошусь в продавщицы? Но ладно, нужно работать с тем, что в руки само идет.

Комната просто выносила дух спертым воздухом и запахом немытого больного тела и еще чем-то сладковато-тошнотворным. В углу, на высокой перине, обложенная пуховыми подушками лежит грузная лохматая женщина в криво повязанном чепце и желтоватой сорочке. Стараясь не дышать, подхожу ближе. Смерд усиливается, хотя казалось бы, куда дальше-то?

А вот куда — под одеялом мало того, что неубранные продукты жизнедеятельности, так и в складках тела неестественное шевеление. Я инстинктивно хватаюсь за лицо и чудом нахожу ночную вазу — тоже не первой свежести, куда и отправляется чай с пряником.

— Воля Ваша, Фрол Матвеевич, но служанку я бы заменила. — оттираю платком рот.

— Дарья! — взревел купец, покрытый красными и белыми пятнами так, что я всерьез испугалась за его здоровье.

А ну как инсульт и этого накроет — а я только-только нащупала свой шанс. Нет уж, дорогой мой, теперь я тебя беречь буду, как лотерейный билет с комбинацией джек-пота.

— Фрол Матвеевич, здесь еще можно попробовать что-то исправить. — осторожно трогаю его за рукав.

А на пороге возникает черноглазая дородная девица с пышным бюстом, криво надетой юбкой и чуть припухшими губами. Интересно, с кем в этом доме принято проводить время подобным образом?

— Я тебя зачем держу?! — грохотал Фрол, а девица, хоть и потупила взор, но страха или уважения перед ним не испытывала. Да, вертикаль власти в этом доме хлипкая.

— Я все делаю, снадобья даю, порядок блюду. — бубнила горе-сиделка.

— Милая, то, что ты тут блюдешь, лучше в приличном обществе не озвучивать. — проговорила я, заслужив острый взгляд, полный ненависти. — А хозяйку запустила хуже последней собаки на псарне.

Могла бы и не влезать, но этой реплики хватило, чтобы разразился безобразный скандал. Имущество Дарьи летело по лестнице, девица скулила, давешний оглоед бессильно сжимал кулаки (вот кто автор засосов, ну и ладно), на шум подошли еще две женщины: служанка, худощавая рослая баба лет тридцати с большим родимым пятном на шее и вспотевшая кухарка — пожилая уже обрюзгшая женщина с испачканными мукой руками. Они без эмоций наблюдали низвержение юной прохиндейки.

После этого двери резко захлопнулись и очнулась больная, разбавив тишину тихим скулежом. Я прикрыла интимные части одеялом и автоматически погладила по давно не мытой голове.

— И я не видел. — хозяин оперся на косяк. — Это что же, ее заживо черви едят?

Я только руками развела. Честно говоря, до сих пор мутит от увиденного.

— Пожалуй, тут с уборки и большого мытья начинать надо. Прикажите горячей воды нести, мыла и уксуса что ли. — я беспомощно оглянулась в поисках места, куда пристроить дубленку, но так и пришлось свалить ее на руки хозяину. Тот машинально кивнул и вышел.

— Фекла, Никитишна, воды горячей, мыла и всего, что барышня попросит.

Покорность — это хорошо. Вот если бы Фекла еще и смотрела без неприязни — вообще бы дело наладилось.

Часа через три, когда заменили постель, проветрили помещение, отмыли больную и удалили всю живность из ее пролежней — с пустым желудком это делать оказалось проще — мы вновь увиделись с Фролом Матвеевичем.

— Ксения Александровна. — он оценивающе посмотрел на меня: взмокшую от пара и усталости, с испачканной юбкой и скособоченной блузкой. — Могу ли я предположить, что у Вас особенного багажа нет?

Развела руками. Инициативу в беседе я утеряла, зато некоторую ценность приобрела.

— А с полицией проблемы есть?

— Нет! — я перекрестилась. Откуда ж проблемы, если они обо мне даже не догадываются.

— Оставайтесь у нас пока. Насчет жалованья договоримся.

* * *

Дверь закрылась, и я осталась наедине с полубезумной старухой, чью жизнь теперь следовало максимально растянуть.

Спустя бесконечно долгие полчаса появилась Фекла.

— Барышня, Фрол Матвеевич приказал Вам комнату показать.

И губы поджала. Конечно, в их мирке и без меня хорошо, но покуда придется смириться.

— Здесь Фрол Матвеевич раньше жили.

Тесная комнатка с одним мутным окном. Из обстановки — кровать, сундук и простая табуретка. На стене полка с несколькими потертыми книжками — гимназическими учебниками моего нового хозяина, среди которых затесался томик стихов неустановленного автора и бульварный роман в порванной обложке. Не очень респектабельно.

— И это... Вам бы одеться попрстойнее.

Чем же мой наряд плох? Между прочим, в сумме баксов на триста тянет.

— Я не планировала сегодня устраиваться на работу.

— Оно и видно. — хмыкнула прислуга и ушла, чтобы вскоре вернуться с ворохом тряпок. — Вот пока барыни старое накиньте, а завтра надо хорошее купить.

Если сказать, что малиновый сатиновый мешок сидел на мне, как на корове седло — это унижить парнокопытное. Зато к нему прилагалось нецензурное количество юбок, слава Богу, чисто отстиранных, пусть и не новых. И еще один странный предмет гардероба — две полотняные трубы на общем шнурке. Я повертела-повертела и не поняла, куда их приспособить.

Перед ужином мы снова обработали раны купчихи и тут до меня доперло — это же панталоны. Отдельные штанины, а между ними прореха для физиологических потребностей.

Так что стирала себе я тайком, первую пару недель обходясь единственными трусами и колготками, а потом плюнула и на первое жалованье купила и корсет, и несколько панталон, и чулки.

Митяй меня невзлюбил сразу и бесповоротно. Полагаю, отдельно за это стоит поблагодарить Дашутку, которая так и не сумела найти себе подходящего места и уехала в Царицын. Поэтому не стоило удивляться, когда обнаружила разбитый камнем айпад и осколки ключа от жука. Хорошо хоть зарядник за иконы спрятала, а телефон все время при себе ношу.

До слез обидно — там и фотографии, и музыка были из моего времени. Я редко-редко, но смотрела на живое доказательство того, что была же и другая жизнь, в которой я не пряталась от городских и свободно дышала без корсета. А теперь все это осколками стекла, пластика и микросхем лежит на полу.

Первым порывом было бежать к купцу Калачеву и ябедничать. Но не пойман — не вор, да и объяснять, что именно у меня пострадало непросто будет, так что пришлось стиснуть зубы, нацепить непроницаемое выражение лица и выйти к ужину.

Пару дней спустя в конторке обнаружилась недостача денег, которые странным образом торчали из-за подкладки Митяева тулупчика. Скандал! Фрол Матвеевич обошелся без полиции, но парня мы больше не видели, а на смену ему появились двое: худощавый, остроглазый, с мелкими чертами лица и неопределенным цветом волос Данила и рослый, широкоплечий Авдей. Данилка был местным, рос без отца, мать пробавлялась поденной работой, а Авдей приехал в большой город из Аткарского уезда. Теперь они были новенькими, а я уже старожилом, так что притирка прошла безболезненно. Понаблюдав за нами с Фролом Матвеевичем, мальчишки сделали свои выводы и общались довольно уважительно, да и женщины быстро поняли, что меня не в постельные грелки взяли.

А вот что касается самого начальника, то я напрягалась. Он наблюдал за мной со стороны, очень мало разговаривал и еще меньше спрашивал. Раз зашел Иван Степанович Дунаев, околоточный надзиратель, в мундире, при полном параде. Я только скорбно вздыхала, пока Фрол Матвеевич излагал историю моих злоключений и пятирублевой купюрой заменял мой паспорт.

Завтракали, обедали и ужинали мы с ним вдвоем, атмосфера поначалу царила натянутая, но я постаралась быть милой и безобидной. Настолько, что к концу третьей недели мне привели в компанию аптекаря Антона Рябинкина — соседа и, по совместительству, сердешного друга. Этаким открыточный чернявый мальчик с завитыми усиками и жидкими кудряшками. Этот меня вообще принял в штыки — ревновал. Но я включила абсолютную дуру, чем обескуражила шефа, а повышенный уровень восторженности от красивого банта, шелкового жилета и бездарных стишков подкупил и красавчика. Теперь ужинали мы троим, а после чая я тактично удалялась, оставляя товарищей наедине.

А неделю спустя шеф выдал и вовсе дикое:

— На неделе к исповеди пойдем. Вас в исповедную роспись внесут.

Оказывается, в эти благословенные времена именно Церковь контролировала местоположение людей в большей степени, чем полиция. Так что каждый православный хотя бы раз в году был обязан исповедаться, о чем составлялась специальная бумага. Их отсылали в епархиальное управление и это был один из инструментов контроля за населением. Покруче Большого Брата получается.

3. Исповедь

Как я уже упоминала, Фрол Матвейч книги выбирал хаотично и нерегулярно, а батюшка его, судя по всему, имел склонность к духовному чтению. Именно в конторке я и нашла шаблон исповеди.

Исповедую я, многогрешная раба божия Ксения Господу Богу Вседержителю, во Святей Троице славимому и покланяемому Отцу и Сыну и Святому Духу, и тебе, честный отче, все мои грехи вольные и невольные, содеянные словом, или делом, или помышлением.

Согрешила несохранением обетов, данных мною при крещении, но во всем солгала и преступила, и непотребным себя соделала пред лицом Божиим. Да уж, и непотребства по нынешним временам, и лжи хватает.

Согрешила маловерием, неверием, сомнением, колебанием в вере, замедлением в помыслах, от врага всеваемых, против Бога и Святой Церкви, кощунством и насмешками над святыней, сомнением в бытии Божьи, суеверием, гаданием, игрою в карты, самонадеянностью, нерадением, отчаянием в своем спасении, надеждою на самого себя и на людей более, чем на Бога, забвением о правосудии Божиим и неимением достаточной преданности воле Божией, не благодарила Бога за все. Ну маловерием я не грешила. Более того, иначе чем Божьим промыслом и его благодатью то, что я выжила и сравнительно благополучно существую сейчас, объяснить нельзя. Но расскажем про гадание и отчаяние. Все-таки врать Всевышнему как-то неловко, поэтому надо соблюсти баланс между правдой и тем, что нужно знать священнику.

Согрешила непокорностью к действиям промысла Божия, упорным желанием, чтобы все было по-моему, человекоугодием, пристрастной любовью к вещам. Не старалась познавать волю Божию, не имела благоговения к Богу, страха пред Ним, надежды на Него, ревности о славе Его, ибо Он прославляется чистым сердцем и добрыми делами. Согрешила, конечно. Но не раскаиваюсь. Значит и исповедовать этот грех не буду.

Согрешила неблагодарностью к Господу Богу за все Его великие и непрестанные благодеяния, забывая о них, ропотом на Бога, малодушием, унынием, ожесточением своего сердца, неимением к Нему любви и неисполнением Его святой воли. Унынием. Было дело в первые недели.

Согрешила порабощением себя страстям: сладострастию, корыстолюбием, гордости, лени, самолюбию, тщеславию, честолюбию, любостыжанию, чревоугодию, лакомству, тайноядению, объядению, пьянству, курению, пристрастию к играм, зрелищам и увеселениям. Лакомство и корыстолюбие. Чревоугодие и тщеславие.

Согрешила божбою, неисполнением обетов, принуждением других к божбе и клятве, благоговением к святыне, хулою на Бога, на святых, на всякую святыню, кощунством, призыванием имени Божия всуе, в плохих делах, желаниях, мыслях. Оставим поминание имени Господнего всуе.

Согрешила непочитанием праздников церковных, не ходила в храм Божий по лености и нерадению, в храме Божиим стояла неблагоговейно; согрешила разговорами и смехом, невниманием к чтению и пению, рассеянностью ума, блужданием мыслей, суетными воспоминаниями, хождением по храму во время богослужения без нужды; выходила из храма до окончания службы. Будем уповать на рассеянность ума и суетные воспоминания.

Согрешила нерадением к утренним и к вечерним молитвам, оставлением чтения

Святого Евангелия, Псалтири и других Божественных книг, святоотеческих поучений. Нерадение в молитвах — это звучит как-то не очень, а вот оставление чтения Псалтири — достаточно.

Согрешила забвением грехов на исповеди, самооправданием в них и умалением их тяжести, сокрытием грехов, покаянием без сердечного сокрушения; не прилагал старания о должном приготовлении к причащению Святых Тайн Христовых, не примирившись со своими ближними приходила на исповедь и в таком греховном состоянии дерзала приступать к Причастию. Вот как сказать, что это моя первая исповедь? Епитимью наложат и Фролушке проблемы будут. Так что покаюсь оптом. Позже. Не здесь. Поэтому вычеркиваем это из исповеди.

Согрешила нарушением постов и нехранением постных дней — среды и пятницы, которые приравниваются к дням Великого поста, как дни воспоминания страданий Христовых. Согрешила невоздержанием в пище и питии, небрежным и неблагоговейным осенением себя крестным знаменем. Невоздержание в пище. Скорбно, но в меру.

Согрешила непослушанием начальству и старшим, самоволием, самооправданием, леностью к труду и недобросовестным исполнением порученных дел. Согрешила непочитанием родителей своих, оставлением молитвы за них, не воспитанием детей в вере православной, не почитанием старших себя по возрасту, дерзостью, своеобразием и непокорством, грубостью, упрямством. Как-то совсем некрасиво получается с этим пунктом.

Согрешила неимением христианской любви к ближнему, нетерпеливостью, обидчивостью, раздражительностью, гневом, причинением вреда ближнему, драками и ссорами, неуступчивостью, враждою, воздаянием злом за зло, непощением обид, злопамятством, ревностью, завистью, мшелоимством, зложелательством, мстительностью, осуждением, оклеветанием, воровством. Нетерпеливость. Насчет мшелоимства — даже догадываться боюсь, что это за напасть. И христианская любовь к ближнему... Я привязалась к Фролушке. Он тут мой самый ближний пока.

Согрешила немилосердием к бедным, не имела сострадания к больным и калекам; согрешила скупостью, жадностью, расточительностью, корыстолюбием, неверностью, несправедливостью, жестокосердием, помыслами и попытками к самоубийству. А вот насчет суицида я пока не задумалась. Это в той, другой жизни было. Так и скажем, что в момент отчаяния после смерти папеньки хотела за ним последовать, но быстро одумалась.

Согрешила лукавством в отношении ближних, обманом, неискренностью в обращении с ними, подозрительностью, двоедушием, сплетнями, насмешками, остротами, ложью, лицемерным обращением с другими и лестью, человекоугодием. Лукавство. Назовем все, что я о себе рассказала и чем на жизнь зарабатываю, именно так.

Согрешила забвением о будущей вечной жизни, непамятованием о своей смерти и страшном суде и неразумной, пристрастной привязанностью к земной жизни и ее удовольствиям, делам. Да, к земной жизни я так привязана, что не отрежешь. В одном времени оторвали, так тут прилепилась.

Согрешила невоздержанием своего языка, пустословием, празднословием, сквернословием, смехотворством, согрешила разглашением грехов и слабостей ближнего, соблазнительным поведением, вольностью, дерзостью. Невоздержание языка. Корень всех зол в любые времена.

Согрешила невоздержанием своих душевных и телесных чувств, пристрастием, сладострастием, нескромным воззрением на лиц другого пола, вольным с ними обращением,

блудом и прелюбодеянием, невоздержанием в супружеской жизни, различными плотскими грехами, желанием нравиться и прельщать других. Вот считать ли мое обращение с Фролушкой и Антуаном вольным? По меркам моего мира — вообще избыточно трепетно и тактично себя веду. А здесь хоть и не глухое Средневековье, но все же репутация моя выглядит как потрепанная паутина.

Согрешила неимением прямодушия, искренности, простоты, верности, правдивости, уважительности, степенности, осторожности в словах, благоразумной молчаливости, не охраняли и не защищали честь других. Согрешила неимением любви, воздержания, целомудрия, скромности в словах и поступках, чистоты сердца, нестяжательности, милосердия и смиренномудрия. Как в одном предложении сетовать на отсутствие прямодушия и благоразумной молчаливости я не понимаю, но посетуем на дефицит смиренномудрия. И на отсутствие скромности в приезде к Фролушке. Глядишь, священник что дельное посоветует и слухи какие пресечет.

Согрешила унынием, тоской, печалью, зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием, похотью, нечистотой и всеми нашими чувствами, помышлениями, словами, желаниями, делами. Каюсь и в прочих моих грехах, которые я забыла и не вспомнила. Хорошая формулировка.

Каюсь, что прогневала Господа Бога моего всеми своими грехами, искренно об этом жалею и желаю всевозможно воздерживаться от грехов моих и исправляться. Господи Боже наш, со слезами молю Тебя, Спаса нашего, помоги мне утвердиться в святом намерении жить по-христиански, а исповеданные мною грехи прости, яко Благ и Человеколюбец. Аминь.

Теперь вот это вот все надо на шпаргалку написать и выучить.

* * *

В церкви мне было малость не по себе: врать священнослужителям априори нехорошо, утаивать информацию — тоже, да и вообще жутковато. Но повезло еще больше, чем с Фролушкой: отец Нафанаил — уютный, как старичок-лесовичок, с седой бородой и чуть близоруким взглядом голубых глаз очень тактично выслушал историю Ксении Нечаевой, посочувствовал потерям, согласился с тем, что папенька оставил меня в очень сложном положении и работа на Фрола Матвеевича, благодетеля моего, это лучший выход в данной ситуации. И то, что с бумагами пока катавасия получилась, ввиду пожара в имении — не удивился. Тем более, что информация о трагедии в распоряжении епархии была.

Грехи отпустил, благословил и теперь на год я свободна.

* * *

Весь апрель и половину мая я усаживала свою пациентку на кровати и пробовала разминать ей ноги. За год неподвижности мышцы изрядно ослабели, так что я возилась с ней как с младенцем — крутила руки и ноги, разогревала мышцы, до визга радовалась реакции на щекотку. Та мычала и тоже улыбалась моему восторгу, а особенно — Фролу.

А в конце месяца Фрол Матвеевич засобирался в путь.

— В Вольск надобно заехать. Там еще у батюшки должники оставались. И в Хвалыньск загляну — там один из его партнеров дело закрывает, авось что и куплю подешевке.

Шанс — один на миллион. Сама я туда вряд ли незаметно доберусь, а вот с шефом... Я долго думала, а потом вечером, как стемнело прокралась в его комнату и бухнулась в ноги.

— Фрол Матвеевич, возьмите меня с собой. Ну очень надо. Сон мне был, что бумаги мои там.

— Где? — оторопел начальник, доселе не видевший меня в таком смятении.

— В селе Малая Федоровка... Дом крестьян Гавриных. Там еще живут Иван, сын его Алексей, брат Гурьян. В амбаре над дверью тайник, а там все мои вещи.

— Диво-то какое — такие сны видеть... — задумчиво протянул начальник. — На кресте подтвердить сможете?

Я выдохнула.

— Вот Вам крест, что не видела их наяву ни разу, и не бывала там, и лишь знаю, что там мои документы.

— Малая Федоровка... Это ж кулугурское село.

Я пожала плечами.

— Вот что, Ксения Александровна. Слово мое такое будет — я сам туда поеду и все разузнаю. А Вам как раз пока с Анфисой Платоновной догляда хватит, да и в лавке глаз да глаз нужен.

Штирлиц был не просто близок к провалу — этот самый провал приближался с каждой секундой. По здравому рассуждению, Фрол был прав. В замкнутой старообрядческой деревне странную девицу без роду-племени встретят настороженно, а проводят в лучшем случае недобрый словом. Попросить достать свое добро будет очень глупо, а любая попытка украсть обернется катастрофой.

Но даже если Фролу удастся добыть мои сокровища, то обстоятельства их обнаружения окажутся еще более дикими. По всему выходило, что надо бежать, но куда? Как?

* * *

Сразу после отъезда Фрола я пошла к скупщику, которому впарила свои часики. За необычность конструкции и китайское происхождение удалось выручить десять рублей. Вот теперь мне точно труба — с десятью рублями в чужом перешитом платье и с жалкой сумочкой новую жизнь точно не начнешь. Бежать некуда, придется как-то выкручиваться. Есть универсальное средство — слезы, значит буду реветь и ничего не помнить.

В момент, когда решение было принято, меня немного отпустило, и я решила напоследок заняться добрым делом — и попробовала поставить Анфису Платоновну на ноги. Дело это оказалось непростым, старуха плакала, махала руками, но мы с Феклой все же попробовали поставить ее вертикально. С небольшой поддержкой она смогла продержаться больше минуты, и для первого дня это был прорыв. Наутро я заметила, как она сама ощупывает ноги, пытаясь понять, можно ли им доверять. Я протянула руку и поддерживая больную, провела от постели к креслу. Четыре шага практически верхом на мне, но это уже шаги. Весь день мы упражнялись в выносливости и к вечеру она уже смогла делать несколько шагов, опираясь на стул впереди себя. Она, мокрая от перенапряжения, плакала от радости. И я тоже.

Наутро кликнули плотника, который закрепил деревянный брусок вдоль стены, чтобы ей можно было передвигаться с большей уверенностью. Сам плотник качал головой — тут после удара женщины уже не околемивались.

Еще два дня — и вот Анфиса Платоновна, причесанная, в домашнем платье, опираясь на стул выбралась в переднюю. И не важно, что весь путь — три шага до дивана, и что испарина по спине у всех участников — мы с Феклой счастливо обнимались, и даже Никитишна выбралась из кухни, чтобы припасть к ногам барыни и расплакаться.

— Шшш...с-с-сын. — вдруг выдала купчиха и за моей спиной раздался грохот: Фролушка, этот огромный медведь, с размаху упал на колени и зарыдал.

Я под шумок скрылась в своей комнате и стала ждать приговора. Мои достижения оставляли слабую надежду, что сразу не выгонят... Ну так, шанс как при авиакатастрофе — иногда там тоже бывают выжившие.

Про меня забыли до вечера. Но когда пришло время подавать ужин, раздались тяжелые шаги у двери.

— Барышня. — тихо позвал Фрол. — Ксения Александровна, я войду?

— Да-да, конечно — кротко согласилась я.

— Что ж Вы тут в темноте-то сидите? — он споткнулся о порожек. — Ужинать пора, праздник у нас. Без Вас бы не получилось этакое чудо.

Я тяжело вздохнула. Он ответил тем же.

— Был я там. И дом видал. И с кулугуром поговорил. — Он полез за пазуху и протянул мне помятый паспорт. — Вы, Ксения Александровна, так больше не делайте. Грех большой. Вас Господь от смерти отвел, теперь жить надобно... А письмо то я порвал и выкинул ко псам.

Я самым позорным образом разревелась, выплакивая все напряжение последних дней. Ума не приложу, что выяснил Фрол, но самое вероятное объяснение — что Гурьян признался в мародерстве, а Фрол решил, что покойница была не столь уж мертвой. Хорошо, поверим в это все.

4. Лето нашего покоя

Как показала практика, Анфиса Платоновна обладала характером сильным и непростым. И отсутствием наблюдательности не страдала.

— И откуда же тебя к нам Бог принес? — спросила, как только освоила голосовые связки.

— Я, Анфиса Платоновна, родом из Симбирской губернии. Там у папеньки именье было. Потом он разорился, усадьба сгорела, папеньку схоронили, а я вот... — привычно выдавила слезу.

— А ты вот к молодому мужчине в услужение нанялась. — закончила за меня старуха.

— Это так случайно получилось.

— Ты не сомневайся, я за исцеление век буду Бога молить за тебя, но насчет Фролки даже не думай.

— Я и не думаю. — Это мы с ней очередной круг по гостинной наворачиваем в обнимку.

— Ему не такая жена нужна. — вещала старуха.

— Совершенно верно.

— Ты ж ему голову заморочишь и бросишь. — продолжала она рассуждать сама с собой уже.

— Это вряд ли.

— Ты-то? — она вьедливо уставилась в глаза придерживая мой подбородок сухонькими пальцами. — Да таких своевольных я ни разу за всю жизнь не встречала.

— Зато будь я менее упертой, Вы бы так и лежали.

— И то верно. Но Фролку тебе не отдам. — сварливо заключала она.

— Хорошо, Анфиса Платоновна.

И вот в подобной тихой дружеской беседе мы постепенно освоили лестницу вниз, а к Покрову уже выбирались на улицу.

Лето выдалось очень жарким, и прогулки мы устраивали сразу после раннего завтрака, остаток дня посвящая вышивке, до которой Анфиса Платоновна была большая охотница, а я оказалась удивительной бездарностью. Единственное, что нам удалось совместными усилиями — чехол для зеркальца из черного бархата с ягодками по периметру, за которым я спрятала телефон, права и коронку ключа жука — мои самые ценные артефакты.

5. Беда

Как обычно это и бывает, несчастье случилось не там, где его ждали.

Осень в тот год пришла неприятная. Строго в середине августа (тогда я еще вела учет по новому стилю — 1 сентября), зарядили обложные дожди. Резко заохлодало и летнее пекло сменилось собачьим холодом. У крестьян на корню гнили яровые, мельники ходили сердитые, торговцы мукой ждали повышения цен.

Фрол съездил в Москву и вернулся простуженный. То есть я-то поняла, что к чему уже днем, потому что вернулся он поздно, от чая отказался и сразу лег. С утра в лавке мы переживали наплыв покупателей, так что отсутствием начальника я озаботилась после обеда. Авдюша отпросился к матери в деревню, а Данилка побожился, что Фрол Матвейча не видел и лишь тогда я отправилась наверх. Пощебетала с Анфисой Платоновной, которая увлеклась чтением и теперь домучивала «Преступление и наказание». Я уже нашла ей романчик полегче, «Петербургские трущобы» Крестовского, но она еще старалась. Каждое событие в романе она переживала близко к сердцу, подолгу обсуждала поступки персонажей. Я же еще в школе возненавидела всю эту гоп-компанию во главе с Раскольниковым, но раз старой купчихе они заменяли сериалы...

У комнат хозяина я уже услышала кашель и вошла без стука. Совершенно мокрый Фрол в одной рубахе стоял у открытого окна.

— Жарко мне, Ксюшенька, душно...

— Да что же Вы, Фрол Матвеевич!

Я бросилась к окну, закрыла. Отвела хозяина в его спальню, крикнула Феклу и вдвоем мы перестелили мокрое белье, переодели хозяина, несмотря на его вялые протесты в чистое, и вызвали врача.

Доктор Скакунов долго осматривал пациента, а потом вынес вердикт, что у него лихорадка. Прописал кровопускания и хинин. Как в этом городке еще не передохли все жители, я не понимаю.

Всю ночь я не отходила от постели больного, обтирая его простынями с уксусом, заливая чаем с малиной и ежеминутно молясь о его выздоровлении. Впервые поймала себя на мысли, что Фрол мне дорог не только как гарантия стабильности, но и как близкий человек. Пусть брата у меня никогда не было, но по-моему, я начинаю понимать, что к нему могу чувствовать. К вечеру прибежал Рябинкин, у которого удалось выклянчить салицин. Аспирин еще не придумали, от салицина блевали, но жар начал спадать.

Я и задремала-то лишь на вторые сутки ненадолго, но этих двух часов Анфисе Платоновне хватило, чтобы, посидев у ложа сына, подцепить то же самое.

Следующую неделю я продержалась на кофе и животной ярости. Фрол уже вставал на ноги и почти уверенно спускался по лестнице, чтобы там руководить мальчишками, а вот Анфиса Платоновна не смогла: на фоне высокой температуры случился второй инсульт, который полностью ее парализовал. Через шесть дней она скончалась на руках у безутешного сына.

Я слегла в день похорон.

Полагаю, что грипповала я дня четыре, и это были очень долгие и тягостные дни. Вымотанная стрессом, усталостью и безысходностью, я вяло лавировала на границе между горячечным бредом и сном. Фекла меня удивила — она повторяла все, что я делала с

Фролом, и мне, изрядно похудевшей и ослабевшей, удалось выжить. Вирусы в это время поядренее будут, чем в двадцать первом веке.

Как только я смогла сохранять бодрствующее состояние более чем на полчаса, зашел Фрол.

— Фрол Матвеевич, извините, что я... — пристроила хотя бы голову в вертикальное положение.

— Оставьте, Ксения Александровна. Вы со мной-то возились, когда я куда хуже был. — Он осунулся, постарел за эти дни, а ведь на пару лет младше моего биологического возраста.

— Как Вы? — я коснулась его сухой, прохладной ладони.

— Ничего, Ксения Александровна, ничего. Образуется все... — он помялся и продолжил. — Может Вам надо чего?

— Спасибо, теперь только отлежаться нужно будет.

Он посопел и глядя в одному ему ведомую точку на полу, продолжил.

— Я вот что спросить хотел.... Сказать.... Спросить... — помолчал, посопел, потом опять продолжил. — Вы теперь-то что думаете?

— Теперь-то? — я побарахталась в подушках и все же попыталась сесть. Со второго раза получилось, значит к вечеру пора вставать.

— Ну раз маменька... Нет больше маменьки...

Ой, черт! Точно. Куда ж мне теперь, когда зима катит в глаза?

— Да, компаньонкой мне теперь не быть... — И даже рекомендательное письмо после такой скандальной истории я не получу.

— Не уходите, а? — Он бухнулся на колени перед кроватью. — Я придумаю что-нибудь, только останьтесь.

Я даже растрогалась.

— Хорошо, Фрол Матвеевич. Все наладится.

* * *

Фрол думал основательно и не на сухую. Я только рискнула встать к столу, как он, с мокрыми от утреннего туалета волосами и заметным перегаром возник на пороге столовой.

— Я, Ксения Александровна, предлагаю Вам стать моей супругой.

Ну, тут, в общем-то, можно и тушить свет.

Осторожно нащупав стул и осев в него, я просипела.

— Фрол Матвеевич, а Вы сами-то этого хотите? — По глазам видно, что он сам не знает, как еще умнее поступить. — То есть, это для меня большая честь, и я с удовольствием составлю Ваше счастье...

Что я несую?

— Но я же бесприданница. Для Ваших коллег это будет... Неприемлемо. И, хотя я привязана к Вам всей душой, сделаю ли я Вас счастливым?

Мой ненаглядный тускнел на глазах. Не говорить же в глаза то, о чем мы оба знаем, но что обсуждать нельзя. Я, конечно, могла бы стать чудесной женой для прикрытия, но Фрола бы заклевали другие купцы. Да и женитьба на бедной перезрелой девице с потрепанной репутацией — это совсем не то, что содержание любовницы-дворянки.

— Вас оскорбило, что я — купец? — это, видимо, из внутреннего диалога.

— Нет, меня опечалит, если Вы вступите в брак на всю жизнь с той, к кому не лежит сердце. — Я мягко улыбнулась. — Вряд ли брак со мной упростит или облегчит Вашу жизнь.

Он молча кивнул, развернулся и ушел к себе. Весь день и ночь продолжал сосредоточенно думать. Фекла носила еду, задумчиво косилась на меня, а пару дней спустя я официально стала счетоводом в лавке за 60 рублей в месяц, крышу над головой, стол и платье.

Счета — это легко. В общем-то, Фрол не был туповат, просто не всегда расторопен, поэтому обязанности мои оказались необременительны. И я, наконец-то, смогла в полной мере развернуться с маркетингом.

6. Лавочница

Началось все с залежалого по всем признакам ящика корицы весом в два пуда.

— Фрол Матвеевич, а как Вы относитесь к благотворительности? — спросила раз за завтраком я.

— Ну... Нищим грех не подавать. — не сразу понял идею начальник.

— Я предлагаю устроить конкурс пирогов с корицей, купленной у нас. Лучшему пирогу приз какой... Подешевле... И пироги пожертвовать приюту.

— А... Зачем это все? — сипло спросил шеф, когда откашлялся.

— Про такое напишут в газете, и будет нам реклама. Продадим все запасы корицы. Заодно и еще что толкнем.

Я смотрела на Фрола призывно и уверенно. Он же обдумывал эту мысль дня три, прямо серьезно обдумывал, сопел, что-то считал у себя по вечерам, и, наконец согласился. А потом понеслось! Мы повесили объявление на дверях и напечатали крохотное объявление в газете. Потянулись желающие, которых оказалось более, чем прилично. Пришлось обращаться к полицмейстеру за разрешением на тент на улице. Каждое действие стоило денег, и шеф уже нехорошо косился в мою сторону — но мы распродали в ноль не только корицу, но и большинство наших запасов. Практически обнулили подвал. К нам заглядывали любопытствующие с разных концов города и снова покупали или делали заказы.

В исторический день нам принесли 79 пирогов. Полицмейстера Тураева, представителя гильдии купца Печатникова, отца Нафанаила и газетчика Тимохина назначили в жюри, выбрали победителей — очень чопорная мешанка получила в подарок чайничек, а еще три — грамоты, которые я рисовала накануне. Пироги отвезли по приютам, где Фрола разве что не облобызали. Он краснел, конфузился, но был страшно горд.

«Саратовский Листок» с хвалебной статьей мы повесили в рамку напротив входа в лавку. А через пару недель Фрола пригласили Коммерческое собрание, где князь Мещерский лично пожаловал ему Благодарственное письмо.

Конкуренты давились от зависти, купцы первых гильдий наперегонки устраивали то же самое, но в таких делах нужно быть первым. К нам потянулись гости и конкуренты, даже сваха заходила пару раз, но ее Фрол как-то сам завернул.

Во всей этой суете я старалась держаться в тени. И хотя меня безумно распирало желание посмотреть на живого князя, осмотрительность брала верх. Я всегда была приветлива с посетителями, игнорировала косые взгляды купеческих жен и дочерей, отшучивалась от двусмысленных предложений их спутников и ждала завтраков, за которыми мы с Фролом могли побыть наедине.

— Вот уж не думал, Ксения Александровна, что эта ваша идея так откликнется. — он подстригся по моде, справил новый костюм и выглядел почти что столичным франтом. Рябинкин ревновал, но пока исподтишка.

— Вот Ваши родители-то радуются на Небесах. — добавила благочестия я.

Фрол перекрестился и мечтательно улыбнулся.

По горячим следам первого маркетингового успеха я протолкнула новую идею кондитерского Хеппи-мила — когда в наборе конфет находилась игрушка, но какая — неизвестно, и можно было бы собрать коллекцию. Эту самую коллекцию я выставила в окне, которое уже давненько хотела использовать в рекламных целях, но все как-то не

складывалось. В качестве подарков мы взяли железные дороги для мальчиков и семейства игрушечных зверят для девочек.

На четвертый день Фрол сам поехал в столицу за конфетами и игрушками.

Вернувшись, подсчитал выручку, пристально посмотрел на меня и спросил:

— Ксения Александровна, а Ваш папенька точно не из купечества будет?

— К сожалению, нет. — потупилась я.

Недели три нас осаждали дети и их родители. Потом ажиотаж спал, но мы решили периодически обновлять коллекции, что сулило немалые барыши под Рождество и Пасху.

* * *

Третий моей проект был посложнее, но именно на него я делала ставку с самого начала своей торговой карьеры. И пришлось окучивать сразу двоих.

Тем вечером я выворачивалась наизнанку, собственноручно приготовив ужин для Фрола и Антона, даже спела для них что-то слащаво-романтическое.

— Дорогие мои, Фрол Матвеевич и Антон Семенович! Вы оба торгуете тем, что есть и у других. Поэтому цены вынуждены держать около конкурентов, и прибыль особо не велика. Но что если попробовать продавать то, чего у других нет? Тогда и доход может быть больше, и интерес тоже.

Антуану это было не очень интересно. Отчего он пошел в лавочники, я так и не поняла: предпринимательской жилки не было, порошки свои он делал из-под палки, даже окна мыл не часто. А Фрол выслушал внимательно.

— Так то ж верно, но где такой товар-то взять, которого у других не будет? — он огладил бородку, как поступал в раздумьях. Этот жест я замечала и у других купцов, а вот мои современники такой медитации были лишены, что само по себе забавно.

— Да, это самая серьезная загвоздка, но у меня есть идея! — я, сияя, как новогодняя елка, извлекла лист, на котором давно уже зарисовала мегапроект.

— Это что? — они оба уставились на рисунок.

— Это новое слово в женской гигиене. Антон Семенович может запатентовать, а мы производить. Прибыль пополам.

— Я все же не понял. — повторил Фрол, пытаясь уложить в голове мою непростую мысль.

— Раз в месяц женщинам необходимы дополнительные средства гигиены. И вот мы можем им предложить аккуратное решение, которое крепится за вот эти резинки к корсету. Низ — непромокаемой, внутри вата. Чисто, аккуратно, красиво.

Судя по лицам моих собеседников, в Саратов прокладки придут лет через шестьдесят. С боем.

Я поникла, собрала свою презентацию, попрощалась и пошла к себе. Ну не получится у меня больше ни с кем кроме них, а как быть то?

* * *

Утром за завтраком Фрол смущенно шептал.

— Ксения Александровна, ну срамное это... Как же такое продавать — засмеют.

— Фрол Матвеевич, это природа. Еще государыня Екатерина Алексеевна в своих мемуарах о таких вещах говорила. Вы только подумайте — каждая женщина с 14 лет и до 40 ежемесячно в этом нуждается. Рано или поздно додумается кто-то. Нельзя же простынками обвязываться до бесконечности. — этот момент меня саму выбешивал до невозможности: и так состояние сомнительное, да еще жара, кокон между ног, а работу никто не отменял. — И мы сможем быть первыми. Запатентовать это, а потом продавать патент сами. Тем более, кто засмеет-то? Я предлагаю это в аптеке продавать. Деликатно. В коробочках.

Фрол был смущен и темой разговора, и тем, что ему нашептал Антуан.

— Ну не расстраивайтесь так, Ксения Александровна. Я поговорю еще с Антоном Семеновичем.

* * *

Поговорил. Результат разговора получился так себе. Теперь мне разрешили еще подрабатывать в аптеке («Приглядишься, примелькаешься») после обеда и попросили что-нибудь другое придумать.

Я придумала манекен сестры милосердия в витрине поставить, чтобы хоть так клиентов привлечь. Манекены — очень дорогое удовольствие, так что мы обошлись только парикмахерским, а остальное — это сложная конструкция из говна и палок, папье-маше с моей фигурой и одежды.

Это самое произведение лепили в лавке ночью мы с мальчишками — их очень заинтересовало изготовление человека. Торс мне помогла слепить Фекла, которая вышла на шум и хихиканье, отругала парней и помогла обмазать меня гипсом. Гипсовую форму заполнили мокрыми старыми газетами, просушили и закрепили на деревянной основе. Руки лепили аналогично, но тут уже мальчишки освоили, да и не было особого позора в изготовлении слепка предплечья.

Получилось неожиданно хорошо, особенно если не трогать. Нашу Нюсю рассматривали часами. Даже полицейские сменили маршрут так, чтобы полюбоваться на наше творение. Конечно, сиськи я ей накрутила шикарные, а талию уменьшила до предела. Секс бомба с красным крестом на груди. Мальчишки со всего города бегали смотреть на это чудо, равно как и более взрослые граждане. Но тем было неудобно стоять у витрины, так что приходилось заходить внутрь, где я уже успевала их убедить что-то купить. К вечеру язык отказывался шевелиться и сил даже на еду не хватало.

Скрепя сердце Антон начал доплачивать мне 10 рублей в неделю.

* * *

И все равно нужны деньги. Свои собственные. Идея с прокладками пока не особь выстрелила, да и зависеть от доброй воли веселых голубков мне как-то не хотелось. Мысль оставалась у меня одна, но крайне сомнительная, даже для двадцать первого столетия.

Восстановление девственности — процедура скользкая в моральном плане и рисковая при кустарном воплощении. Люська была одержима темой удачного замужества,

подозрительна к посторонним и патологически прижимиста. После нескольких дней практики в известной косметической клинике на четвертом курсе она приволокла домой набор инструментов и усадила меня перед экраном ноутбука. Только чудом и хорошими антибиотиками я объясняю то, что мы обе пережили ту зиму. Попыток сделали восемь, прежде чем до Люси дошло, что в век соцсетей скрыть кое-что из прошлого не получится.

Конечно, изготовление кетгута из бараньих кишок и подручных антисептиков — та еще лотерея, но в свое время та же Люська писала курсовик по истории медицины и много экспериментировала дома. Так что за пару недель я ухитрилась в обход начальника заказать глазные хирургические иглы, иглодержатель, зеркало и нахимичить с нитями.

* * *

Но тут напрямую я уже предлагать не стала. Ходы кривые роет, подземный умный крот, нормальные герои всегда идут в обход.

— А отчего Вы, Фрол Матвеевич, не торгуете свадебными сладостями? — С новыми идеями всегда было непросто подъехать, но хозяин мой умел обдумывать, даром что такой эмоциональный.

— Так на свадьбах я как-то... Другие у нас этим промышляют. — опешил начальник.

— А может попробуем?

7. Ласточки

Послеобеденные часы я стала проводить в аптеке. Похожую я помнила по своей прошлой/будущей жизни. В самом раннем детсадовском возрасте такая аптека с деревянными прилавками, массивными шкафами и смесями порошков в толстой коричневой бумаге была самым главным аттракционом по пути домой. Она даже пахла особенно. И пол был покрыт такой же метлахской плиткой, желтовато-коричневой. Я научилась солидно вышагивать вдоль прилавка шурша муаровой юбкой, и почти уже полюбила свою новую жизнь.

Заплаканная девица и нервная мать выделялись более обычного. По-моему, моя целевая аудитория. Но как к ним подъехать... Это вам не на Авито объявления размещать или сайтики кропать на коленке.

— Чего изволят сударыни? — я поднесла к ним тарелку с сухофруктами.

— Капель анисовых. — нервозность матери, дородной купчихи явно не в первом поколении, была почти спрятана, но у сумочки ручку менять придется к концу недели, если так ее тербить.

— К Вашим услугам весь выбор лучших европейских и отечественных поставщиков. — Я щедрым жестом метнула не только анисовые капли, но и успокоительные сборы. — Может чайку сразу заварить?

— Ну отчего ж не попить... — растерялась клиентка.

Пока я отходила за чайником, дамы успели пошептаться.

— Убьёт же, как есть убьёт. — сорвалась на крик невеста.

— Замолчи ты. — шипение и звук пощечины.

Мои девочки.

— Невеста-то у Вас какая красавица. — я подлила в чай старшей гостье немного коньячку, нагло украденного у Фролушки.

— Да, управил Господь, свадьбу через две недели справим. — степенно согласилась гостья.

И тут невеста наша захлебнулась чаем и зарыдала в голос.

— Перед свадьбами всегда так, волнительно. Вот чаек с пустырником — очень помогает. — И в сторону купчихи отправилось еще несколько пакетиков.

— И жених-то хороший, небось? — я напустила наивности и тупости во взор.

— Да отца нашего, Федора Никитыча, компаньона сын старший. С образованием, в самой Москве учился. Почитай пять годков дома не бывал.

— Да, женихи сейчас требовательные, особенно столичные.... В чем не угодишь — ославят, и лишнего порасскажут. А уж свекрови-то.... - и я пододвинула еще одну рюмочку.

— Да что говорить-то, коли невеста хороша — чуть агрессивнее, чем нужно для нейтральной беседы и быстрее, чем для добропорядочной ответила Матрена Саввишна.

— Вот и я говорю, что невестато у вас хороша, любому на зависть. Не то что нынешние девицы, которые хвостами крутят перед парнями, а потом стыд весь после свадьбы вылезает...

Я избегала прямых взглядов и потихоньку заворачивала покупки.

— Сделанного не воротишь. Доктора-то руки-ноги вправлять могут, а вот дела женские им без интересу.

Матрена Саввишна забыла как чай глотается и тонкая струйка текла по подбородку на шелковые оборки.

— Ведь мало кто учился таким искусствам, только заграничные, швейцарские дохтора (ой, что я несу!). А наши-то так, лишь куражатся да деньги берут. — я взяла долгую паузу. — Ну да что об этом, пустое все... Вам, Матрена Саввишна, и Вам, Агафья Федоровна, желак доброго здоровьичка, да хорошего дня.

Дамы переглядываясь удалились, а я выдохнула. Клиент наживку заглотил и повелся.

Вечером я подбила кассу, подмела зали уже готовилась закрываться, когда нерешительно звякнул колокольчик.

— Доброго здоровьица, Матрена Саввишна. Али забыли чего? — наивность моего взгляда можно отрезать и продавать карточным шулерам.

Купчиха почти незаметно перевернула табличку на двери на «Закрыто».

— Да вот разговор наш все из памяти не идет, Ксения свет Александровна.

Я выгадила из-под прилавка поднос с рюмочкой. Такими темпами разорюсь раньше, чем начну зарабатывать.

— Чем могу служить? — подобострастие и лесть, лесть и подобострастие.

— Али правда, коль с девицей какая беда приключилась, то помочь ей можно? — бусинки зрачков уцепились за меня, как утопающий за корягу.

— Ну мы же к примеру говорим, да? — я дождалась кивка и продолжила. — Вот если с девицей случай какой произошел, что жениху объяснять неуместно, а скрыть не получится, то помочь можно. Повитухи пузырь с кровью предлагают, так про то женихи уж знают. Деревенские суриком натираются, а потом родить не могут — что тоже тайна невеликая. А вот заморские операции есть... Там все можно сделать, как до случая было... Если случай тот через месяц на нос не полезет, конечно.

— Нешто ножом резать? — испугалась, а пугаться-то не надо.

— Резать там уже нечего, до нас все раскрыли, там сшить надо. Особой иглой да особой нитью. И станет девичество как новое и нарушится в брачную ночь как положено.

Я протянула гостье пирожок и замолчала.

— А... Откуда ты про то знаешь?

— Батюшка мой, царствие ему Небесное, пока не разорился, год иностранного доктора в именье держал. Тот меня биологии и химии учил. Ну и так, по мелочи хваталась.

— Хороша мелочь...

— Так она для женщины судьбу сломать может, а мужчины-то друг за друга всегда... — я наполнила рюмки и задумалась, что идти мне по морозной улице, а переломы тут лечат даже без рентгена.

— Да, мужчины друг за друга... — она машинально дотронулась до скулы и я поняла, что огребут мои дамы обе от супругов, коли дело наше не выгорит.

— И ты можешь... вот это вот все... — она изобразила это все руками и тут мне стало казаться, что зашивать нужно как минимум Марианскую впадину.

— Могу. Только нитки особенные, раньше чем через неделю не придут. За три дня до венчания операцию можно провести, накануне живот очистить и потом три дня есть только бульоны, ничего твердого, ходить осторожно и молчать. Про все это молчать. Ни отцу, ни мужу не говорить. Исповедаться ежели решите — то потом, не своему священнику.

Матрена Саввишна кивала, как китайский болванчик у Фролушки в кабинете.

— И дорого ль возьмешь? — ну вот наконец-то включилась купеческая жилка, а то я уж

думала не очухается.

— Нитки, говорю, особенные, дорогие. 80 рублей. — Глаза округлились, но удар сдержала. — Шелком-то шить — потом из самого интересного места нитки повалятся — совсем неудобно выйдет. А эти особенные, растворяются. Даже врач не определит (вот тут вру, потому как вменяемый врач это рукоделие определит, а вот то, что Люська от щедрот в свое время наваяла мне — не определил. Поэтому теперь я реально побаиваюсь секса, дома к гинекологу с подобным сходить все откладывала, а теперь вот...)

— Недешево, сударыня.

— Недешево, — согласилась я и долила остатки настойки. — Так мне с этого что? Еще 30 рублей за операцию. Вам особую скидку даю, как очень душевной клиентке, с другой бы и сто рублей взяла. — Душевная клиентка чуть покраснела. — И еще за 20 рублей забываю про все, о чем мы тут разговаривали.

— Как забываешь?

— Да вот просто помню, как Вы травки успокоительные покупали. Про жите-бытье мое спрашивали, и жалели сироту.

Клиентка мялась и страдала.

— Матрена Саввишна, давайте поступим так. Вы заплатите только за материалы, а мое вознаграждение принесете после свадьбы. — очень рискованное предложение, но нужен рекламный агент и эта купчиха мне подойдет.

— И прямо здесь что ли? — Она огляделась и уставилась на окно. То самое, в котором кукольная медсестра подавала страждущим поднос с пилюлями.

— Ну что Вы. Я у купца Калачева, Фрола Матвейча, благодетеля моего, комнатку снимаю, туда и заходите с утра. Мы с девицей побеседуем, а Вы шоколад можете выбрать для стола.

* * *

Дамы пришли к самому открытию лавки и были необычайно бледны. Матрена Саввишна уже домучила прежнюю сумочку и теперь блистала новой, цветным бисером вышитой. Мы с Агафьей пошли наверх.

— Раздевайся.

Агафья оглядела мои апартаменты и поджала губы.

— Вот поэтому нужно выходить замуж и убедить мужа, что ему за счастье обеспечивать тебе роскошное жите. — пробормотала я.

— И то правда.

— Тяжела ли ты матушка?

Та головой замотала. Ну ей виднее.

— Укладывайся на стол. Да, прямо на стол и на эти подушки. Вот, ноги так и так...И давно ли срамные дела были?

— Так как к Вам приходили....

А, ну это уже попроще будет.

А теперь эфир под нос, шторы чуть одернуть, кисею оставить, инструменты из шкафа достать и вперед, с песней.

Два года прошло, а руки-то помнят. Напевая кое-что из песенок моей юности, я чуть

было не прослушала стук в дверь.

Вот что за нахер, а?

Я прикрыла натюрморт на столе ширмочкой и подошла к двери.

— Ксения Александровна, пустите на два слова. — полушепотом бляяла мать пациентки.

Я молча открыла дверь, приложила палец к губам и завела ее к себе. Дышать стало тесно. Отодвинув ширму и зажав вскрик купчихи, я тем же шепотом пояснила картину.

— Вот эти четыре шва создают *hymen*. На латыни так девство зовут. В брачную ночь оно все снова порвется и все будут счастливы.

Ну кроме невесты, само собой. Она и от наштагыря-то не обрадовалась. Слезть со стола я ей помогла, одеться тоже, и вот скоро она поймет, что боль останется надолго. Про то, что крови будет еще больше на свадьбе я ей говорить не стала.

Пока мы наверху предавались вышиванию крестиком, купчиха Прянишникова набрала недельный запас шоколада, так что Фрол Матвеич смотрел на меня с умилением.

— Хорошая у Вас, Фрол Матвеич, помощница в делах. Не хуже любой родни будет.

— Да уж, Бог послал.

* * *

В четверг с утра в лавку заехала чета Прянишниковых. Я сидела за конторкой максимально сливаясь с интерьером, потому как Фёдор Никитыч был из тех купцов, что двух быков на спор узлом свяжет. И не факт, что хвостами. Но зашел он к нам в настроении хорошем, принял многословные поздравления с удачной свадьбой, пожелал угоститься конфетами с ананасным марципаном, купил на пробу еще несколько коробок лакомств, а супруга его передала сиротинушке кулек орешков со свадебного стола. Я счастливо разулыбалась, поблагодарила щедрую гостью, и лишь у себя рассмотрела, что среди орешков серьги с аметистами лежат. Оно, конечно, подороже 50 рублей, но наличка бы тоже не помешала. А... Купюры вложены между слоями бумаги. Предусмотрительная женщина.

* * *

Матрена Саввишна хранила секрет недели две. А потом пришла в аптеку с высокой, тонкой как жердь дамой с поджатыми губами. Не в пример уютной и какой-то домашней Матрене, та была наряжена в элегантный парижский туалет, чем несколько выделялась из купеческой массы, которая до сих пор еще носила налет крестьянского происхождения. Как я поняла, часть купцов втайне гордилась тем, что произошла из незнатного сословия, а теперь может себе позволить куда больше, чем иные князья. Другие же мехом внутрь выворачивались, чтобы стать неотличимыми от дворянства. Так что ко мне принесло даму из другого лагеря.

— Чем могу Вам помочь?

— Доброго здоровьюшка, Ксения Александровна! — Матрена Саввишна чуть раздурманилась от смущения.

— Извольте чайку?

— Да, чайку будет в самый раз.

* * *

И потянулись в дом купца Калачева матери семейств с дочерьми на выданье. По будним дням сложился особый ритуал, когда с утра пара взволнованных грядущим торжеством дам проходили в мою комнатку, откуда через час-полтора выходили бледны, но довольны собой и увозили корзину шоколада. Спустя несколько недель я пришла к выводу, что пора расширять линейку товаров, так как узнаваемый шоколад на столе становился нездоровым маркером для посвященных. И мы перешли на продажу нижнего белья. Заодно и себе кое-что прикупила. Какое-то особое очарование есть в этих кружавчиках, но панталоны с открытой попой — жуть.

Не сказать, чтоб широкой колонной шли, но на новый гардероб к Рождеству уже хватило. Поначалу заглядывали купчихи, а потом потянулись и барышни в вуалетках. С этими было посложнее, но тариф я увеличивала — товар брали не всегда, а хозяину прибыль приносить надо. Не все имели возможность тряхнуть родителей, так что копился у меня и запас девичьих украшений — жемчугов, браслетов эмалевых, брошек, шпилек с камушками... К Масленице я была морально и материально готовой невестой с сундуком приданного.

— Неугомонная Вы, Ксения Александровна, — повторял Фрол, подбивая к вечеру кассу.

— Дурная, но доходная. — я никогда не спорила с очевидным.

1. Пасхальные подарочки

16 апреля 1894 года мы с Фролом возвращались с пасхальной всенощной вдвоем... Аптекарь простыл и не рисковал высовываться на холод.

Исповедь и причастие после поста дают совершенно особенное настроение, когда хочется быть лучше, совершать добрые поступки, любить...Моя вторая Пасха здесь. Обживаюсь потихоньку.

Мы не торопились — после смерти Анфисы Платоновны нас особо-то никто и не ждал, так что прогулка обоим показалась кстати. Шли молча, аккуратно неся в себе праздник. От Ильинской площади с ее храмом до нашего дома в моем девичестве я добегала минут за 15, но здесь и сейчас дорога вполне могла занять и час. Иногда мимо проезжали возки, в которых горожане с улыбками ехали домой. Каждый в ладонях нес кусочек воскресения Господнего, и струйки крохотных огоньков растекались по улицам. Мы миновали кладбищенскую ограду, прошли овраг, пересекающий Ильинскую улицу и потихоньку пошли вверх. Каждый встречный, независимо от сословия, говорил «Христос Воскресе!» и мы отвечали с легким полупоклоном «Воистину Воскресе!». Что-то праздничное в двадцатом веке было безнадежно утрачено.

На углу Петинной улицы нам наперерез сложным зигзагом шел офицер. Невысокого роста, щуплый, большеглазый. По всему видно — из веселого дома шел: расхристанный, шинель кое-как накинута, в руке револьвер.

— Пресвятая Богородица.... - перекрестился Фрол. — Нешто и в святой день блудят?!

— Христос Воскрес! — проблеяла я.

Офицер поравнялся с нами, сфокусировал взгляд на мне, поклонился и с тихим «Не надо, не могу, хватит!» приложил дуло к виску.

Вот это поворот.

— Нет! — я бросилась на него, рука дрогнула, пуля ушла в небо, а мы с несостоявшимся самоубийцей упали на землю. Хорошо хоть подморозило — не в грязь. Все трое задумчиво смотрели на дымящийся ствол.

— Воистину Воскрес! — договорил Фрол.

— А давайте чайку выпьем. Праздник же. — на автомате предложила я и умоляюще уставилась на Фрола. Как-то сложилось, что эта формула срабатывала в других ситуациях, повезло и сейчас. Фрол помог встать мне, как кутенка поднял и оттряхнул впавшего в ступор военного, и бодро, едва ли не вприпрыжку мы отправились домой.

Агафья накануне еще отпросилась к родным, наготовив всего, лавка по случаю праздника была закрыта, и нам никто не помешал. Расположились в столовой.

Мы усадили все еще глубоко погруженного в себя офицера на диван и отошли.

— Ксения Александровна, что делать-то думаешь? — долгим взглядом уставился Фрол.

— Ну не бросать же его. — я как-то не подумала изначально о подводных камнях ситуации. — Оклемается — домой отправим.

— Пистолет-то куда дела?

— Вот. — Оказывается, это настоящий Смит-и-Вессон.

Я про них только в книжках читала, а тут в руках держу. Случились у меня очень непродолжительные отношения с коллекционером оружия, по итогам которых я научилась двум вещам: обращаться с оружием и убегать от одержимых всех мастей, так что разрядить

его я с четвертой попытки сумела.

— И это умеешь?

— Чуть-чуть.

Он стоически вздохнул, снова не задал ни единого вопроса и переложил пистолет поближе к задремавшему офицеру. Спящий, он выглядел совершенно безобидно. Темные волосы, чуть кудрявые на концах, длинные ресницы, пухлые губы под едва пробившимися усиками. Не такой уж он и низкий — просто рядом с Фролом все кажутся щуплыми. Через 20 лет будут командовать полком. Если повезет — успеет эмигрировать. Или нет.

Мы совместными усилиями сняли шинель, укрыли одеялом и оставили в покое.

Рассвело. Я накрыла на стол, и мы сели завтракать, тихо, по-семейному. К обеду ожидали Рябинкина, возможно, другие соседи заглянут, а тут у нас этакий натюрморт.

Мы похристосовались, обменялись подарками — я подобрала шефу новое перо, а мне перепало нарядное платье. Офицер спал.

После недолгих препирательств решили перенести его в мою новую спальню.

Фрол был в принципе против, ибо неуместно и срамно, на что я снова упомянула об отсутствии всяческой репутации, и он обиженно засопел.

* * *

Гости шли чередой. Все-таки формально мы еще пребывали в трауре, так что большого приема делать не стали, но яиц и куличей нам принесли немало. Гость продолжал спать, и я уже пару раз проверяла у него пульс.

К вечеру пришел Рябинкин с друзьями и Фролушка сел с ними за стол. Я немногo поразвлекла честную компанию и удалилась к себе.

Занять себя было определенно нечем. После смерти старой хозяйки обязанности у меня стали более рутинными и выполняла я их быстро. Поэтому покопалась в конфетнице, нашла любимые марципаны и устроилась в кресле у подсвечника с гитарой. Праздник же, значит можно и с ногами залезть. Я тихо.

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,

Оттого, что лес — моя колыбель и могила — лес,

Оттого, что я на земле стою лишь одной ногой,

Оттого, что я о тебе спою и никто другой.

Я тебя отвоюю у всех других, у той одной,

Ты не будешь ничей жених, я ничьей женой.

И в последнем споре возьму тебя, замолчи,

У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Я тебя отвоюю у всех времён, у всех ночей,

У всех золотых знамён, у всех мечей.

Я закину ключи и псов прогоню с крыльца

Оттого, что в земной ночи я вернее пса.

Всегда до слез. С детства.

Я уже почти доиграла, когда со стороны кровати послышался шорох. В сумерках на белоснежной коже лица темные глаза особенно ярки.

— Христос Воскрес, сударь! — я улыбнулась ему как родному.

— Воистину Воскрес!

— Вам, пожалуй, стоит одеться.

Ну до чего восхитительно, когда мужчина умеет краснеть! Есть в этом времени какая-то невинность. При этом она локализована по разным сословиям — уличные дети тут лет с восьми уже ничему не смущаются, а вот люди благородного происхождения зачастую впадают в краску. Трудно им придется.

Я прихватила гитару и отправилась к гостям.

— Ксения Александровна, Ксения Александровна, сыграйте нам! — ко мне подсел почтовый чиновник Катусов. Этот взъерошенный худощавый шатен вряд ли когда станет героем Рябинкину, но в революцию уйдет с ушками.

— Ах, господа, разве я могу вам отказать.

Мне нравится, что вы больны не мной,

Мне нравится, что я больна не вами,

Что никогда тяжелый шар земной

Не уплывет под нашими ногами.

Мне нравится, что можно быть смешной —

Распущенной — и не играть словами,

И не краснеть удушливой волной,

Слегка соприкоснувшись рукавами.

В дверях показался офицер. Он ошарашенно посмотрел на наше собрание, щелкнул каблуками, произнес «Честь имею», развернулся и ушел.

Гости его даже не заметили. Мы с Фролом переглянулись, я пожала плечами и продолжила.

Мне нравится еще, что вы при мне

Спокойно обнимаете другую,

Не прочтите мне в адовом огне

Гореть за то, что я не вас целую.

Что имя нежное мое, мой нежный, не

Упоминаете ни днем, ни ночью — всуе...

Что никогда в церковной тишине

Не пропоют над нами: аллилуйя!

Спасибо вам и сердцем, и рукой

За то, что вы меня — не зная сами! —

Так любите: за мой ночной покой,

За редкость встреч закатными часами,

За наши не-гулянья под луной,

За солнце, не у нас над головами, —

За то, что вы больны — увы! — не мной,

За то, что я больна — увы! — не вами!

Аплодисменты — это всегда приятно.

Потом гитара перешла к Рябинкину, у которого получалось куда лучше, чем у меня.

Минутная краса полей,

Цветок увядший, одинокой,

Лишен ты прелести своей

Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:
С тебя листочек облетел —
От нас веселье отлетает.
Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье.
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.
Смотри... очарованья нет;
Звезда надежды угасает...
Увы! кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?

И я не доживу до рок-музыки. Иногда это непереносимо.

Дальше все читали стихи. Я даже выступила со своими собственными. Имела успех.

Потом мы долго прощались с гостями, Фрол отправился их провожать, позже долго провожался с Рябинкиным и вернулся, когда я уже спала. А я лежала в кровати вдыхая запах незнакомого мужчины. Позабытое чувство, вызывающее странное томление в душе и теле.

* * *

Утром я распахнула портьеры солнечному весеннему дню. На лице блуждала улыбка, и мир казался каким-то чарующим, готовящим приятные сюрпризы. Один сюрприз я увидела у подсвечника — несколько купюр. Несколько минут смотрела в недоумении, а потом поняла — он же помнил, что пришел в бордель. Стало смешно, но еще немного горько, как от несостоявшейся сказки.

Мы позавтракали с Фролушкой, ни словом не упомянув вчерашний инцидент и вернулись к нормальной жизни. На Святой неделе лавка работала полный день моими заботами — это давало существенный прирост выручки, так как соседи наши уходили в праздник с головой. Мальчики работали, я подбивала счета, когда вошел очередной посетитель.

Посыльный из цветочной лавки принес букет белых лилий.

— Вам, барышня, велено передать. — выпалил конопатый мальчуган лет 10. Младше наших.

— Уверен? — я угостила его конфетой, которая была принята с благодарностью.

— Да! Его высокоблагородие так и велели барышне с зелеными глазами передать.

И сбежал. Я же осталась наедине с охапкой одуряюще пахнущих цветов. Мальчишки переглядывались и хихикали.

Со вздохом пришлось отнести это великолепие наверх, потому как аромат заполнял все помещение. Нашла вазу, поставила букет. Красиво.

До вечера я непроизвольно улыбалась. А с первыми сумерками в наши пенаты заглянул Катусов. С книжкой.

— Ксения Александровна, добрейшего Вам дня! — он аж заикаться начал. — Я был потрясен вчерашним вечером и вот принес Вам удивительнейшую книгу. Молодой автор, но уже известный.

«Иванов». Вот за что мне этот курс школьной литературы?

— Антон Павлович Чехов мне очень нравится, Дмитрий Денисович. Особенно пьесы у него удаются.

— Вам тоже так кажется? — и он говорил, говорил, говорил. Еле проводила.

* * *

За ужином Фрол долго глядел то на меня, то в тарелку.

— Ксения Александровна, я вот что спросить хотел...

— Да? — не люблю, когда он так мнется.

— Вам тут не скучно со мной?

Ой ты ж... Это к чему такое? Неужели Рябинкин, собака, таки ревнует?

— Нет, Фрол Матвеевич, мне очень интересно. Я люблю свою работу и очень благодарна за все, что для меня сделали. И Вы и матушка Ваша....

Он засопел, покраснел.

— Что-то случилось? — кто и что ему наплел? Отравлю гада без излишней щепетильности. — А насчет офицера этого — ну не буду больше людей подбирать на улице, если Вы против...

— Да что это.... Греху не дали случиться — дело богоугодное. — отмахнулся он. — Я ж понимаю, что Вам в обществе надо бывать, общаться с образованными, культурными.

Я выдохнула, подбежала к нему и обняла, поцеловав в макушку.

— Мне Вы — дороже любого общества.

Он хрюкнул и неловко обнял меня в ответ. Жаль, что мама не родила мне брата в свое время. Мы бы ладили.

— Да вчера вот сидели, беседовали... Я ж столько не читаю как вы все, песен не знаю, стихов не пишу. Как бревно с глазами.

Ой, а у нас комплексы. Кто же их так умело пестует-то?

— Фрол Матвеевич, при всем уважении, эрудиция не заменяет ума. Прочитать модный роман и прихвастнуть этим куда проще, чем делать свое дело, обеспечивать благополучие других людей и быть достойным человеком.

— Ну скажете тоже.... — Сдается мне, Фрола особенно никто и не хвалил. Мать была суровой, отец, видимо, тоже не успел, все время совершенствовал придирками, а любезный Антуан помывает, как умеет.

— И скажу, и повторять буду покуда не поверите.

И воцарился у нас мир и благолепие.

* * *

Утром в лавку снова принесли цветы. На этот раз дюжину чайных роз.

Фрол с подозрением оглядел букет, пунцовую меня, хихикающих мальчишек и посыльного.

— Любезный, кто же у нас такой щедрый?

— Их вскблагородие....

— Вот значит, как. — Он нахмурил брови и рявкнул — Пусть сами придут, а не посыльных гоняют.

— Ну зачем Вы так, Фрол Матвеевич.... - робко квакнула я из-за конторки.

— А то взяли моду, уходить не прощаясь, а потом цветочки слать. — пробурчал он себе под нос, но так, что я услышала.

После обеда я отправилась в аптеку, и пропустила историческую встречу. О ней мне рассказал прибежавший впопыхах Данилка.

— Ксения Ляксандровна, там в лавке такое!!!! Там к Вам офицер пришли, а Фрол Матвеевич его с лестницы грозятся спустить!

Вот год я не была никому интересна, а тут за пару дней полный аншлаг.

Непросто сохранять достоинство, когда душа в пятках. Я закрыла аптеку на ключ, повесила табличку «Перерывъ» и посеменила домой. Не успела все равно. С черным мундиром я столкнулась на выходе из лавки.

Офицер был сердит и несколько смущен.

— Позвольте представиться. Татищев, Пётр Николаевич, поручик Его Императорского Величества шестой резервной артиллерийской бригады. — и даже каблуками щелкнул.

— Нечаева, Ксения Александровна. — теперь я уже умела протягивать руку правильно.

И он тоже умел правильно ее целовать.

— Ваш... опекун рассказал о моем неподобающем поведении намеренно. Я должен лично принести извинения Вам.

Опекун? Это самая тактичная форма того, что люди говорят о моих отношениях с купцом Калачёвым. А вот пауза намекает, что и о других версиях Пётр Николаевич тоже осведомлен.

— Это не страшно. Вы были не в себе, но все прошло. — Я не знаю, как быть еще деликатнее в данном вопросе. — Уходя, Вы оставили некоторые вещи...

Не можем же мы выбросить его уставное оружие. А он правильно понял, ибо побагровел.

— Сможете подождать?

— Сударыня, я к Вашим услугам.

— Я позволила себе разрядить Ваш револьвер...

В салфетку были завернуты отдельно патроны, деньги и собственно оружие. Он чуть подрагивающими пальцами зарядил револьвер, уложил его в кобуру. Деньги увидел, покраснел, брат не стал.

— И снова я Ваш должник, Ксения Александровна.

* * *

Наутро я опять получила букет. На этот раз ромашек. То ли поручик Татищев поиздержался, то ли эти цветы что-то означают. Я покопалась в семейной библиотеке, но не нашла ничего вразумительного, зато обнаружила чудесная книжица «Правила хорошего тона на все случаи жизни». Прочитала, прикинула, покраснела и закрыла. В обеденный перерыв решила выбраться в большой мир, взяв в провожатые Данилку. Авдей книжки не любил и внятного ответа о местоположении соответствующей лавки не дал. Мы дошли почти до Волги, посетив наконец первую книжную лавку Саратова, открытую еще в

начале XIX века купцом Вакуровым. Тут я прикупила себе за огромные 2 рубля книжицу «Азбука цветов», а проводнику своему за усердие «Этюд в багровых тонах» малоизвестного английского писателя.

— Ксения Ляксандровна, а офицер к нам так и будет ходить? — парня разрывало от любопытства и те два дня тишины он просто превозмогал себя.

— Не знаю, Данилушка, не знаю. — я потрепала рыжие вихры. — Думаю, быстро ему надоест.

Давненько я так не ошибалась.

2. Гулянья

В книжице моей, кстати, говорилось, что лилии — это к извинению, розы — к симпатии, а ромашки — к невинности. В общем, понимай как знаешь.

Всю Святую неделю я получала букеты. К субботе терпение Фрола лопнуло.

— Вечером гулять пойдём, Ксения Александровна.

Я аж перо выронила.

— Извозчика возьмем и поедем в городской парк.

Опаньки. Прошлой весной у всех крыша устойчивее была, а сейчас прямо чудят наперегонки.

— Фрол Матвеевич, мы с Вами вдвоем поедем? — может и мне по погребку-то погулять в поисках чего покрепче?

— Нет, Антона Семеновича возьмем. Или Вам еще кого пригласить хочется? — неожиданно сурово спросил он.

— Нет-нет. Пойду собираться. — я тихой мышью скользнула наверх.

* * *

Вот он, мой первый общественный выход. За год я не так уж много времени провела в обществе. Помимо визитов в церковь и полузабытых прогулок с Анфисой Платоновной несколько раз ходила с Феклой на рынок, да по магазинам, остальное же время паучихой сидела в лавке и строила наполеоновские планы, где особо одеждой не заморачивалась. То есть одевалась я скромно, чопорно, соблюдая нормы траура по папеньке, потом по Анфисе Платоновне. Носила глухие темно-серые платья без избыточной отделки. А тут прогулка!!!

Я полезла в любовно собираемый сундук, где хранила свои сокровища, откопала чудное лиловое платье из шерсти с драпировкой спереди и фееричным нагромождением ткани на попе. Этот всплеск дизайнерской мысли венчала тальма густого черничного цвета с лиловым орнаментом по подолу. Судя по всем рекомендациям из книги о хорошем тоне, именно такой наряд и пристало носить сиротке из хорошей семьи. На голову шляпку фантази того же цвета с брошкой из закров — вот они у меня были в дефиците, потому как стоили огромных денег, заказывались задолго и смысла я в них особого до сих пор не видела. Особенно вот в этом изящно смятом куске бархата, который только волей Провидения и четырьмя заколками держался на затылке. Не забыть бы сумочку и перчатки.

Мое преображение не было столь уж радикальным — прическу кардинально менять не получалось, да и роскошно выглядеть не стоило, но Фрол, наряженный в тот самый губернаторский костюм, долго смотрел на получившийся результат, потом хмыкнул, достал батюшкины часы из жилетного кармана, щелкнул крышкой и скомандовал.

— Едем, Ксения Александровна!

Да практически «В Яр, к цыганам!».

Городской парк претерпел очень много изменений за свою полуторавековую историю. Это я и так понимала, но не увидеть колеса обозрения при входе оказалось очень непривычно. Из знакомого я только каналы и пруды нашла. Парк намного просторнее, чем мы привыкли, нет еще шумных аттракционов, высоток, загораживающих небо, и асфальта,

зато белочек — в изобилии.

В честь праздника выстроены деревянные карусели, на помостах еще какие-то увеселения, а мы чинно прогуливаемся втроем. Антуан переживал самые сложные чувства. С одной стороны, я вообще мешала ему в общении с Фролом, с другой — оказалась забавным развлечением для его приятелей, и тут же блеснул шанс избавиться от меня навеки, сплавив замуж. Поэтому сегодня я слушала комплименты от него под сопение Фрола. Удивительным образом нам удалось встретить очень много знакомых, все же Саратов был большой деревней всегда. Практически весь пасхальный набор гостей, кое-кого из моих клиенток (те сдержанно кивали или вообще не удостоивали меня вниманием) и множество дорогих друзей Фрола, которые оценивающе пробегались по мне взглядом и явно калькулировали затраты.

Улыбка уже окостенела на лице, особенно от того едва уловимого пренебрежения, с которым нашу группу встречали добропорядочные преуспевающие горожане. То есть среди разночинцев мы еще терпимо смотрелись, а вот для купцов первой гильдии — явно вульгарно.

Появление поручика Татищева не упростило мое положение, но оживление точно внесло.

— Приветствую Вас, Фрол Матвеевич, Ксения Александровна! — Он кивнул шефу, прикоснулся губами к моей ладони. Поцелуй получился чуть более долгий, чем в первый раз, а прикосновение явно более нежным.

Хоть Фрол и напрягся, но пришлось знакомить офицера и с Рябинкиным, и с прочей компанией. Но он словно не замечал неловкости, окутывавшей наш коллектив, взял букетик ландышей у подбежавшей девочки-цветочницы, который я с легким смущением приняла. Положительно, я не знала, как себя вести. То есть в свое время я бы сходила с ним в любимый клуб, возможно, не один раз. А тут любой жест трактуется неизвестным мне способом, и я уже явно совершила множество ошибок. Да и что ему от меня нужно?

— Сударыня, не согласитесь ли Вы на лодочную прогулку? — это он мне, серьезно?

В парке, как и в 2015 году, практиковалась аренда лодочек, но на Пасху — это как-то рановато, или нет? Я вопросительно посмотрела на Фрола, тот нахмурился.

— Петр Николаевич, разве уже открыта навигация?

— Ради Вас, Ксения Александровна, я ее сам открою. — и пошел в сторону пруда.

Я обернулась к «опекуну».

— Что мне делать? — прошептала так, чтобы слышал только он.

— Решать Вам, Ксения Александровна, только вот лодку он, похоже, нашел. — Фрол вопреки желанию слегка улыбнулся. А я ошеломленно смотрела как несколько подсобных рабочих тащат лодку, весла, открывают причал. Отступить некуда.

* * *

От воды шла нездоровая свежесть, но активно гребущий поручик ее не ощущал, а я радовалась, что все эти проклинаемые мной юбки сейчас хоть кое-как, но сохраняют остатки тепла. Фрол с сотоварищами сидел в беседке на берегу водоема и пил чай из самовара с пирожками. Горячими.

— Ксения Александровна, Вам удобно? — поручик с тревогой посмотрел на мои

посиневшие губы.

— Да-да, Петр Николаевич. Вы очень хороший капитан. — проклацала я.

— Я еще не встречал Вас в такой обстановке. — осторожно начал он. — Вы редко бываете в обществе?

— После смерти папеньки я соблюдала траур. — потупилась я. Врать надо правдоподобно. — Потом Фрол Матвеевич предложил мне работу бухгалтера. Это занимает много времени, да и не очень хорошо сказывается на моем положении в обществе.

Мой собеседник чуть порозовел.

— Поэтому беззаботной глупенькой барышни из меня не получилось. А в другом статусе здесь не гуляют.

— Простите мне мою нескромность, а как же Ваша семья? — он какой-то слишком настойчивый.

— Маменька умерла, когда я была совсем крошкой. О папеньке Вы, возможно, уже слышали. Позапрошлой осенью он разорился и... не смог этого пережить. Я перебралась из Симбирска сюда и попробовала начать новую жизнь. Одна.

По его лицу пробежала тень, но я решила добить все вопросы в зародыше.

— Пётр Николаевич, мы с Вами современные люди и можем говорить открыто. Для бесприданницы, даже из очень хорошей семьи, вариантов немного. Или замуж за того, за кого в здравом уме не пойдут более благополучные, или какая-то честная работа или... иная судьба, которая хуже смерти. — экая я сегодня трагичная.

— Не говорите так, сударыня. — Он давно уже перестал грести, и мы замерли посреди пруда. Одни, как метеориты в тундре. Почему-то с ним мне не хотелось лицемерить — у нас были общие секреты, что делало нас заговорщиками, да и в остальном он очень располагал к себе.

— Петр Николаевич, я выбрала то, что сохраняет мне самоуважение и честь, хотя, как подозреваю, не все со мной согласны.

— Вы удивительная. Первый раз вижу столь современно мыслящую особу, которая не пытается быть как другие, и при этом не скатывается в эпатаж.

Это он всерьез? Что вообще творится с людьми этой весной? Или я так погрузилась в мелочное выживание, что не замечала их особенностей раньше. Или все же сословные границы определяют куда больше.

— А Вы, Петр Николаевич, ничего не рассказываете о себе.

— Да и нечего очень-то рассказывать. — он снова взялся за весла и греб отрывистыми, широкими взмахами. — Моя тата умерла тоже очень давно. Отец вскоре женился, потом появились дети. И я тоже решил достичь чего-то сам, понимаете?

— Да, когда получаешь что-то извне, это дар. И он до конца принадлежит тому, кто его сделал. А если чего-то достигаешь сам, то это полностью твое.

— Вот! У Вас так хорошо получилось оформить эту мысль в слова!

Он так обрадовался моему красноречию, что чуть не перевернул лодку.

Мы еще потелепались по пруду, но к первым сумерками таки причалили обратно. Поручик галантно помог мне выйти и сдал с рук на руки Фролу, который уже распрощался с большей частью компании. И лишь Катусов с трагедией во взоре следил за этим цирком.

— Надеюсь, мы еще увидимся, Ксения Александровна. Честь имею. — и откланялся.

Домой мы возвращались опять же ни словом ни обмолвившись о водных видах спорта.

За ужином Рябинкин был в ударе: сиял, острил, даже со мной хором спел. Я еще хорошо помнила саундтрек к «Петербургским тайнам», а он увлекался стихами Баратынского.

Не растравляй моей души

Воспоминанием былого.

Уж я привык грустить в тиши.

Не знаю чувства я иного.

Играли в фанты, смеялись — как нормальная семья. В отсутствии телевизора и интернета есть определенные преимущества.

Утром заявился Катусов с тенями под глазами. Видимо не спал, думу думал.

— Ксения Александровна, я имею честь пригласить Вас в театр.

Бог мой, только не в этот клуб художественной самодеятельности, где все так активно переигрывают, а примадонна — курпулентная дама постбальзаковских лет увлеклась ролью маленькой девочки.

— Дмитрий Денисович, разве у нас случилась премьера?

— Очень-очень трогательная постановка господина Островского. — Он требовательно смотрел на меня.

Вот даже в двадцать первом веке в доме повешенного не принято говорить о веревках. А тут меня носом тычут в мое бесприданничество и проституцию с богатым купцом. Хамство это.

— Боюсь, трагедий в жизни и так достаточно, чтобы их со сцены смотреть. Когда «Сон в летнюю ночь» Шекспира поставят — я с удовольствием потрачу на них свое время, Дмитрий Денисович. — Я порылась в конторке и извлекла одолженную книгу. — И благодарю за чтение.

Гость принял том назад и поинтересовался моим мнением.

— Мне лично ни один из персонажей, на которых опирается автор, особенно-то и не понравился. Ну девочку, жаль, конечно. И жену тоже. Но та, бедняжка, вообще оказалась пострадавшей.

— Но как же?! — аж подпрыгнул чиновник. — Иванов тонко чувствующий рутину жизни человек... А доктор Львов...

— Доктор Львов полез не в свое дело, а главный герой поступил со всеми плохо.

— Вы еще слишком молоды, Ксения Александровна. Мужские переживания Вам непонятны.

— Вот об этом я и говорю. — я свернула разговор на природу и погоду.

Катусов помаялся-помаялся, да и ушел, раздраженный суетой в лавке. Мы готовили конкурс фигурной выпечки, было совершенно не до гостей. А тут вообще раздражают философствующие бездельники. У них страна через считанные годы рассыпаться начнет, а они так и будут искать высший смысл в невнятных телодвижениях.

Цветов больше не приносили.

День, другой, третий — мои букеты уже заметно подвяли, господина поручика на горизонте не появлялось, зато Катусов зачастил в компании с Рябинкиным и газетчиком Тимохиным. После очередной вечеринки с уже дежурным пением, пока я пошла на кухню заварить новую порцию чая, он подкрался ко мне в коридоре и жарко забормотал подлинную чушь.

— Ксения Александровна, такая женщина, как Вы не должна прозябать в подобных условиях. Фрол Матвеевич не женится на Вас, Вы же понимаете... Да и после такого ровня Вас не примет... Неужели быть на содержании ограниченного малограмотного купчишки лучше, чем строить светлое будущее с честным достойным человеком, желающим Вашего спасения? Я готов забыть об обстоятельствах Вашей жизни ради нашего счастья. Наша любовь, свободная от этих мещанских условностей...

За время этого монолога он успел опуститься на колени и прижаться к моей ммм... Куда неприлично, короче говоря. Но и по морде в такой сцене не схлопочешь, умно поступил.

Я аккуратно опустила чайник на балюстраду и поступила так, как не пристало поступать не только скромной дворянской дочери, но и благополучной купеческой содержанке — резко приподняла сжатую в колене ногу и пока мой поклонник ловил ртом воздух, прихватила его за ухо.

— Купчишка, говоришь, малограмотный? — я шипела, методично проворачивая руку вокруг своей оси. — Да ты его ногтя не стоишь, тебе под этой крышей находиться не стыдно, спасатель недоделанный?

С тонким писком поклонник отправился считать ступеньки, а я подняла глаза. В дверном проеме молча стоял Фрол.

— Ой, Фрол Матвеевич, что делается!!!! — фальшиво заверещала я, бросаясь на шею хозяину. — Убился же!!!!

Остальные резво выбежали из гостиной, ощупали пострадавшего, вызвали ему доктора.

— Несчастье какое!

— Жив, жив!!! — вот же, досада.

— Да как же так вышло-то?

Все суетились, приехавший доктор диагностировал перелом левой руки, вывих лодыжки, сотрясение мозга и разрыв ушного хряща. Вот эта травма его заинтересовала куда сильнее, но загадку прояснить не удалось.

Я не сразу поняла, что держу Фрола за руку, как, впрочем, и он не спешил одергивать ладонь.

Друзья уволокли жертву верхней ступеньки, а мы остались наедине. Фрол помог мне убрать со стола, шумно дыша.

— Фрол Матвеевич, я, пожалуй, пока воздержусь от посиделок с господином Катусовым. — максимально нейтрально проговорила я.

— Пожалуй, господин Катусов не появится у нас более. — хрипло согласился он.

— А Антон Семенович не будет против?

— Не будет.

Я вздохнула без особой грусти.

— У Вас не будет проблем из-за этого... инцидента? — осторожно попыталась я в конце. Все же вряд ли Катусов заявит на меня в полицию, но я еще не очень сильна в

тутошной юриспруденции.

— Нет, Ксения Александровна, чего-чего, а проблем не будет... — он придвинул к стене последнее болтавшееся посреди комнаты кресло. — Вы только не переживайте. И это.... Хорошая Вы...

И быстро ушел к себе.

* * *

— Ксения Ляксандровна, а что, букеты больше не носят? — прицепился с утра Авдей, явно наущаемый приятелем.

— Старые еще не все выкинули. — вяло огрызалась я.

— Ксения Ляксандровна, а, Ксения Ляксандровна, а правда у нас в лавке вчера человек убится?

— А ну-ка прочь пошел. — раздача подзатыльников от шефа случалась редко, но щедро.

— Неправда, Авдюша. — я много писала с утра и теперь разминала пальцы. — Если бы убится, я б его на заднем дворе прикопала. А так там чисто.

— Да ладно! — и подросток рванул за черный ход. Ужасающая наивность. Ну как такому в торговлю?

* * *

Приходил на обед Рябинкин, шумно сочувствовал Катусову и все выспрашивал, как же сравнительно трезвый приятель так удачно навернулся. Я отговаривалась своим испугом и девичьей беспамятностью, в которые не поверили даже сами собеседники. К вечеру выяснилось, что нашу трогательную беседу подслушала Фёкла, обсудила с Никитишной, что не прошло мимо мальчишек и теперь я в доме считалась маленьким героем.

А у героев всегда имеются последователи. Это выяснилось, когда наутро к нам заглянул городской, сообщивший что ночью неизвестные лица расколотили аккурат все окна в квартирке Катусова.

— И Вы, Архип Никифорович, всерьез полагаете, что это я под покровом ночи кралась по улицам с кирпичом в сумочке? — холодно уточнила я.

— Нет-нет, барышня, как можно.... - стушевался долговязый и донельзя флегматичный бородач лет тридцати пяти.

— Или Фрол Матвеевич, вместо почтенного отдыха так проводит свой досуг? Губернатор — тут я ненавязчиво отодвинулась, дабы благодарственное письмо было заметнее. — о нем лучшего мнения.

— Да как же... — тот аж перекрестился. — Я так, спрашиваю. Вдруг видали что...

— Архип Никифорович, от лавки до Грошовой улицы не докричишься, не то что увидеть что-то. — тоном умненькой мышки ответила я.

— Он на Часовенной квартирку снимает. — поправил погрустневший городской.

— Тем более. Полчаса идти, если поспешить. — Я предложила гостю чаю. — Вас-то кто надоумил у нас хулиганов искать?

— Ну... — помялся визитер. — Пострадавший, господин Катусов, то есть... сообщил,

что накануне в вашем доме покалечился. Вот и подумал, что...

— Что он подумал? Что с пьяных глаз на лестнице упал, а потом лестница сама за ним пришла? — Я рассмеялась и дождалась, пока полицейский не начнет смеяться следом. — Может он кому денег должен, али обидел кого на работе.

— Тоже может быть, сударыня, — вдохновился новой идеей городской и с церемонными поклонами удалился.

Я проводила дорогого гостя, заперла дверь лавки изнутри и пошла в заднюю комнату, где подозрительно затихли посыльные.

— И кто это у нас по ночам по чужим дворам гуляет, а? — в каждой руке у меня было по уху юных мстителей.

— Ааааа! — верещал Данилка.

— Уууууууу... - вторил Авдей.

— Я повторяю вопрос. — строго отчеканила я.

— Ксения Ляксандровна, а чё эта промокашка почтовая про Вас напраслину городит. Знаем мы, что Вы с ФролМатвеичем не валандаетесь. — угрюмо, ни на мгновение не раскаиваясь в содеянном, буркнул Данила.

— Во-первых, Данила, Ксения Александровна. Придет какая дама знатная, а ты ее назовешь неправильно — больше в лавку заходить не будет, и убыток случится. Во-вторых, про такое стыдно разговаривать. Господин Катусов... — сука он еще та. — заблуждался. Но уже понял, что был не прав.

— Таперича окна поменяет и надолго запомнит, что язык надо за зубами держать. — потирая ухо бормотал Авдей.

— А если бы поймали вас? — воспитательница из меня выходит пока никудышная. — Матерям-то ой какая радость вас в исправительном доме навещать.

— Ха, попробовали бы. Если из рогатки с соседской крыши, то там не видать. — поделились со мной профессиональными секретами, и прыснули в разные стороны.

Как про то прознал Фрол, я не в курсе, но откуда-то парни получили по рублю и отправились их тратить на каруселях.

* * *

Весна активно вступила в свои права. Цвела сирень, чей одуряющий аромат сочился сквозь окна, по утрам я просыпалась от птичьего пения, а по вечерам одолевало томление. Даже начала иным взглядом смотреть на Фрола — вдруг получится разбудить в нем бисексуальность и таки свить гнездо. Данилка пропадал по ночам и утром возвращался с зевотой и опухшими губами. Авдей сох по старостиной дочке и все заработки тратил на ленты и прочие сувениры.

В театре поставили «Ромео и Джульетту», но после четвертого представления юный гимназист и курсистка Мариинского института благородных девиц отравились мышьяком, и спектакль со скандалом закрыли. Теперь давали водевили. Провинциальное любовное сумасшествие охватывало все больше жертв.

В офицерской среде участились дуэли, благо теперь их официально разрешили распоряжением военного министра Ванновского. «Бельевых» заказов у нас было на весь май с избытком. И тут-то мне случилось встретить отца Нафанаила.

— Благословите, батюшка. — я прикоснулась к его руке, дождалась крестного знамения и проводила его к нам в лавку.

— Храни Господь, дочь моя.

Уж насколько легкомысленным бы не был священнослужитель, но этот визит был вопросом времени. И мне нужно было любой ценой не допустить оглашения подозрений. Пока мы молчим — догадки можно игнорировать.

Любой ценой, Ксюша.

— Отец Нафанаил, уж и не знаю, как начать.

— Да уж начинай, с Божьей помощью. — он отхлебнул ароматного чаю с имбирем.

— Вам не кажется, что эта весна как-то слишком сводит с ума жителей города? — я дождалась кивка, и с воодушевлением парашютиста продолжила. — В головах непонятно что, намедни вот почтовый служитель Катусов мне такого наговорил... — я пустила слезу. — Будто бы я... и Фрол Матвеевич... И он... меня... со мной...

Мне подозрительно легко стали удаваться крокодиловы слезы.

— И вы же знаете, что я никогда... И Фрол Матвеевич — достойнейший человек... А теперь этот Катусов слухи всякие распространяет...

Батюшка погладил меня по голове. Добрый человек, светлый. Грех такого обманывать. Поэтому просто переключим интерес.

— Бог милостив, все уладится. — приговаривал он, успокаивая.

Я шумно всхлипнула, промокнула платочком слезы и продолжила.

— В такое время нужно что-то основательное, серьезное, особенно детям. Вы же слышали, какая трагедия приключилась?

— Души свои бессмертные погубили несмышлениши. — горестно вздохнул мой собеседник. — И нет отныне ни им Царствия Небесного, ни родителям успокоения в молитве.

Мы дружно перекрестились.

— Скоро почитание святых Петра и Февронии Муромских?

— Да не скоро. Июня 25-го дня, сударыня. Да и святые они — местночтимые.

Конечно, доживи ты лет до ста восьмидесяти — увидел бы, как их в индустрию превращают по всей стране.

— Это ж какой пример подрастающему поколению — и любви, и брачной верности. — на мой взгляд, не самые трогательные персонажи, особенно князь, стремившийся увильнуть от брака, но работаем с тем, что есть. — Можно было бы устроить благотворительный спектакль с сиротками по житиям их. Только чтобы до Петрова Поста успеть. Как раз у людей мысли с глупостей на вечное переключатся.

— Да как-то это... - ошеломленно проговорил батюшка.

— А Вы подумайте — детки показывают сцены из жизни святых, у взрослых сердца умягчаются. Митрополиту может понравится... Со своей стороны, мы поможем с декорациями.

— После воскресной службы подойди ко мне, дочь моя, поговорим. — и ушел, погруженный в раздумья.

В общем-то не было у бабы забот — купила баба поросю. Но если мне хочется как-то

продемонстрировать свою добропорядочность, то пора.

— Фрол Матвеевич, к нам тут отец Нафанаил заходил. — как бы между прочим обронила я за ужином.

— Чего хотел? — нахмурился купец.

— Поговорили мы о падении нравов и общей весенней одержимости.

— О чем — о чем?

— Спектакль детский можно сделать по житиям святых. Я предложила декорации сделать. Мальчики помогут, если что.

— Это можно. — степенно проговорил шеф и вернулся к трапезе.

* * *

1 мая 1894 года я была представлена матушке Таисии, настоятельнице детского приюта. Нельзя сказать, что мы прямо сильно понравились друг другу, но общий язык найти смогли. Фрол Матвеевич с ней был знаком еще с первого нашего кулинарного конкурса, и сердце монахини растопил именно он, а вот идеи декораций были моими.

И вот мы с мальчиками принялись за дело. Купец Печатников пожертвовал нам рулон холстины, Фрол оплатил краски, так что с материалами повезло. Рисовали ветхий дом в деревне — тут неожиданно выяснилось, что у Авдея недюжинные таланты в изобразительном искусстве. Потом княжеские палаты в Муроме, монашескую келью. Добыли лодку и натянули сеть, имитирующую воду для сцены изгнания княжеской четы. Инокни Мария и Феодора, приставленные к написанию сценария, одобрили наши труды.

Параллельно с этой работой, выполняемой преимущественно по ночам, я продолжала тихо врачевать, промышлять в лавке, дремать в аптеке, потому что очень сильно хотелось спать. За неделю закончили, а я похудела килограмм на пять.

В воскресенье после службы пришел отец Нафанаил, и на заднем дворе мы демонстрировали свои достижения. Монахини привели полдюжины детей, мои мальчишки сыграли роли бояр, что особенно понравилось Авдею. Я вздохнула, распечатала закрома и пригласила фотографа на генеральную репетицию. Там сделали рекламные фотографии отдельных сценок, по одной потом отдали Авдею и Данилке для родителей. Те даже на Рождество так не радовались.

* * *

Я отдышалась только к сумеркам, подбивая итоги в лавке. Выручка росла не так, как хотелось бы, хотя в эти дни мы привлекали любопытствующих, но общая увлеченность постановкой не очень хорошо сказалась на основном деле.

Перо вконец измочалилось, а идти за новым было откровенно лень. Цифры сливались в единую массу, и я почти засыпала на своем месте, когда в закрытую дверь постучали. Мы не практиковали ночную торговлю, но я все же поднялась и подошла к тяжелой двери со стеклянными вставками. Силуэт на пороге кого-то мне смутно напоминал.

— Добрый вечер, Петр Николаевич, какими судьбами?

Он оглядел меня, испачканную красками, чернилами, с растрепанными волосами и

улыбнулся.

— Здравствуйте, Ксения Александровна. Вы рисовали? — он так осторожно убрал прядь волос со лба, что не коснулся кожи. И это куда эротичнее объятий, скажу я вам. Хотя в эту викторианскую по сути эпоху и с моим-то ритмом жизни я скоро сексуальный подтекст начну видеть даже в рисунке дерева на столешнице.

Вопреки первоначальному плану обидеться за почти двухнедельное забвение, я поймала себя на том, что рассказываю о нашей постановке, показываю холсты с рисунками, натягиваю сеть, изображая волны, а мой спутник кивает, увлеченно комментирует, позирует в боярской шапке, смеется. На часах уже явно за полночь и ему пора, но он не уходит. Мы продолжаем говорить о пустяках, погоде, его поездке в родное имение — именно поэтому его так долго не было, о разбитых дорогах и забавных попутчиках. Эта удивительная легкость не исчезает даже когда появляется растрепанный Фрол в ночной рубаше и криво завязанном халате. И вот мы уже втроем пьем чай, я пытаюсь развлечь общество песней и неожиданно засыпаю.

Не слышу, как Фрол уводит поручика на крыльцо, как они увлеченно общаются и возвращаются обратно — у Фрола синяк на скуле, у Петра оторваны несколько пуговиц на кителе, наливают выпить и довольно таки быстро приканчивают бутылку коньяка, расставаясь если и не друзьями, то более благожелательно настроенными людьми.

Фрол вздыхает, глядя на меня, поднимает на руки и несет наверх. Я все-все пропустила.

* * *

Утро было так себе. Я проснулась вспотевшая, во вчерашнем платье и с разбитой головой. Во рту как кошки порезвились, в зеркало лучше не смотреть. Кое-как сполоснулась из умывального кувшина, позвала Фёклу перетянуть корсет, который уже стал свободноват, но та не отозвалась.

Я нашла свое другое рабочее платье, гладко зачесала волосы, ужаснулась привидению с синяками под глазами, которое показывали в зеркале и пошла к столу.

Фрол встречал новый прекрасный день с ледяным компрессом на пол лица и огуречным рассолом.

— Ох, Господь Вседержитель, где же это Вы так? — ужаснулась я.

— А... Мелочи, Ксения Александровна, пустяк это. — отмахнулся он и снова приник к живительному рассолу. Пустяк сиял несколькими оттенками фиолетового.

Я сбегала на кухню, натерла моркови, завернула в салфетку и возложила этот оранжевый рулет на начальственное лицо.

— Фрол Матвеевич, я, к стыду своему, плохо помню окончание вчерашнего вечера... — я проямлила это с неподдельным смущением и осторожным любопытством.

— Да, утомились Вы, барышня, забегались совсем. Я Вас отнес в комнату, будить уж больно жалко было...

— Спасибо, Фрол Матвеевич. А господин Татищев?... — что-то мне нехорошо становится от догадок всяких.

— Этот-то сам ушел. Думаю, на днях заглянет. — ухмыльнулся тарелке с солеными помидорами Фрол и более не проронил ни слова.

Не прошло и пары часов, как на пороге с букетом, на этот раз белых роз, появился

поручик Татищев. Я, к стыду своему, в конторке держала справочник по цветам, быстро его перелистала, посмотрела одним глазом, затем двумя сразу, закрыла и покрылась нездоровыми пятнами.

— Доброе утро, Петр Николаевич! Очень рада визиту.

— Да. — Он как-то невпопад кивнул, вручил букет и уставился на меня. А я на него. На шее были заметны синяки, ровно от Фроловой ладони и головой мой гость шевелил с осторожностью. Что же было вчера?

Мы бы долго еще играли в гляделки, не выйди из недр дома Фрол.

— Может быть прогуляетесь, Ксения Александровна? — он осторожно отодвинул меня от стола и направил к лестнице наверх.

Я послушно прихватила букет и двинулась к себе. Там уже поджидала Фёкла, которая деловито помогла переодеться, перешнуровала злополучный корсет, причитая, как я исхудала и до чего довела себя с этой работой. Меня нарядили в жемчужно-серое платье с фиолетовыми вставками, которое подарил Фрол на Пасху. В нем я была более элегантной, чем обычно, но где бы еще уверенности в себе одолжить. Добавили сюда фиолетовую наколку в волосы и соответствующие перчатки, перекрестили меня и выставили вон. Вслед мне с осуждением взирал огромный букет роз, чье значение в толкователе букетов гласило «доверие, чистота помыслов и даже предложение руки и сердца».

Я шла, считая про себя ступеньки и не смея поднять глаз ни на кого. Молча протянула руку, не разбирая дороги вышла из лавки и пошла за своим спутником.

Тот тоже был несколько... рассеян. Мы вышли на Константиновскую и потихоньку двинулись в сторону Полтавской площади. Налево, мимо дома Миловидова, где размещалось начальство моего спутника, единодушно решили не сворачивать.

— Вы прекрасно выглядите, Ксения Александровна. — произнес он, исследуя какую-то точку на моем ухе.

— Благодарю, Вы слишком снисходительны ко мне сегодня. — да что же со мной происходит-то? Может тут в воду что добавляют...

— Я, Ксения Александровна, вот о чем хотел с Вами поговорить...

На горизонте показался удивительной красоты Княже-Владимирский собор. Его еще не достроили, но это поистине сказочное здание, об очаровании которого я раньше и не подозревала. Похожий разом на все сказочные теремки из мультфильмов и детских сказок, он манил меня с первого же дня в этой эпохе.

Мы устроились на скамейке, с которой открывался вид на царские врата. Хоть целый день бы тут провела. Захотелось остановить эту минуту, когда так тепло и ясно, ласковые лучи солнца напоминают мамины прикосновения, тишина вокруг.

— Да, Ксения Александровна, мы с Вами не так давно знакомы, но сошлись так близко... — продолжал свою, видимо заготовленную речь Петр Николаевич.

После близкого схождения я косо на него посмотрела, что как-то сбило общую патетику.

— Я не хотел Вас оскорбить, Ксения Александровна. — он покраснел. — Но Ваша искренность и непосредственность так удивительны... Я не так богат, я служу Отечеству и хочу продолжать это покуда Бог дозволит, поэтому не могу Вам предложить великосветских балов, которых Вы, без сомнения, достойны...

О чём он? Какие балы? Какой свет?

— Но я надеюсь, что Вы подумаете над моим предложением, и окажете мне честь стать

моей супругой.

И протянул кольцо — старинное, с зеленым камнем, которое заворожило меня, как удав кролика.

— Но... — что, блин, со всеми творится-то?

— Я понимаю, что все так стремительно... — он как-то по-своему истолковал мое выражение лица, которое вряд ли отличалось изяществом.

— Петр Николаевич, дорогой мой, Вы уверены в своих чувствах? — кроме сумасшествия других мотивов брака с собой я не вижу. Пусть сбываются мои первоначальные планы, но что-то все слишком просто.

— Ксения Александровна, я буду счастлив с Вами, чувствую. — он опустился на колени прямо на пыльную тропинку. — И сделаю все, что в моих силах, чтобы и Вы были счастливы.

В чем подвох? Не может же это быть правдой?

— Петр Николаевич, есть ли что-то еще, что я должна знать?

Пять умерших жен, семейная история шизофрении, уголовное преследование за политическую деятельность... У такого яблочка обязан быть червяк. И, судя по обстоятельствам нашего знакомства, немалый и упитанный.

Он склонил голову мне на колени. Наверняка это совершенно непристойно, особенно с утра — вон как две горожанки, идущие с рынка, косятся, но моей репутации терять нечего.

— Вы очень умны для юной барышни. Я прошу сохранить это обстоятельство в тайне, даже если вы мне откажете... — глухо проговорил он складкам моей юбки.

— Конечно. Обещаю. — вот он момент истины.

— Несколько лет назад. Я получил ранение... И теперь оно препятствует моему... Понимаете... Детям... — он чуть съезжился и только по пунцовеющим кончикам ушей было понятно его настроение. — Мы с Вами впервые встретились, когда я уже не видел смысла в своем существовании. Но теперь я точно знаю, что счастье может быть и со мной.

О как! Мне можно играть в карты — найти в глухом городишке в женихи гея и инвалида — надо иметь талант. Хотя медицина творит чудеса, и вряд ли все так плохо.

— И это единственное препятствие? — я погладила его волосы — шелковистые, густые, пахнущие одеколоном. — А как же мое... положение... Вряд ли Ваша семья мечтает о такой партии...

— О, Ксения Александровна, не беспокойтесь, батюшкино благословение я уже получил. Но после всего... Вы согласны?

Я погладила кольцо кончиками пальцев.

— Вы очень нравитесь мне, Петр Николаевич... И ради этого чувства, я прошу Вас подумать еще...

Пока я придумывала отговорку — все же подумать надо не только для приличия, но и для себя, он оказался на коленях, прижал к губам мои ладошки и посмотрел в глаза...

Да, я год живу здесь прожженной устрицей, использую любые возможности в своих целях, изворачиваюсь, попустительствую в обмане, лукавлю на исповеди, и способна убить ради собственного блага. Но с этим парнем (хотя какой он парень, здесь в двадцать даже самые наивные становятся мужчинами, способными отвечать за свои слова и поступки) я снова проживаю свои девятнадцать, те наивные, чистые и добрые девятнадцать, но так, как их надо было прожить, а не с пьяной вечеринкой, которая крепко потрепала образ тогдашнего рыцаря в белых доспехах и окончательно разбила сердце мне.

— Да... — губы шепчут это сами по себе, без участия рассудка, а он расцветает от этого звука, подхватывает и кружит меня. И я улыбаюсь наиглупейшим образом. Все-таки весна 1894 года в Саратове — удивительная.

* * *

А после мир завертелся каруселью: Петенька поймал извозчика, и мы отправились к отцу Нафанаилу, изрядно озадаченному таким поворотом судьбы. Были назначены оглашения — и теперь весь приход будет в курсе нашей свадьбы. Мой жених — как это странно звучит о мужчине, который даже ни разу не поцеловал меня — достает из-за пазухи какие-то бумаги, явно устраивающие священнослужителя, а я вспоминаю Бродского.

Я вышла замуж в январе.

Толпились гости во дворе,
и долго колокол гудел в той церкви на горе.

От алтаря, из-под венца,

Видна дорога в два конца.

Я посылаю взгляд свой вдаль, и не вернуть гонца.

Церковный колокол гудит.

Жених мой на меня глядит.

И столько свеч для нас двоих! И я считаю их.

Вот и я считала свечи у алтаря, покуда поручик Татищев семимильными шагами приближал мое супружество.

— Ксюшенька, ангел мой, если оглашения пройдут до 20-го, мы успеем обвенчаться перед постом.

— Да, — рассеянно соглашалась я.

— Нам не очень нужна пышная свадьба?

— Как Вам угодно, Петя. — свечей-то сколько сегодня...

* * *

— Петя, перед каким постом мы успеем обвенчаться? — я задала вопрос уже на пороге лавки — сегодня я соображаю медленнее носорога.

— Перед Петровым постом. 3 июня. — профессионально отчитался мой жених.

— А... да... — я уже вошла в двери. — Как 3 июня? Меньше месяца же осталось? Разве так можно?

Он рассмеялся детским счастливым смехом.

* * *

В лавке на меня испытующе смотрели сразу три пары глаз. Вместо ответа я стянула с руки перчатку.

— Вот это да!!!! — ухнул совой Авдей.

— Лоб подставляй, чудила, проспори́л. — буркнул Данила.

Из чулана слышались всхлипы Фёклы, а я уткнулась лицом в грудь Фрола.

— Что же я наделала, Фрол Матвеевич...

— Будет, будет, Ксения Александровна... — он после некоторого колебания погладил меня по голове и крепко прижал к себе. Жизнь необратимо менялась, и нам обоим было жутковато перед неизвестностью.

* * *

С вечера же меня вдруг начали опекать. Первой, как ни странно, выступила дотопе почти безмолвная Фекла.

— Барышня, Вы вот как хотите, а приданное надо справлять. Замужней то негоже, как монашке в келье жить.

Я аж опешила — она в лучшем случае здоровалась, а любую помощь оказывала без лишних слов.

— Ну у меня есть тут... — Я неопределенно махнула в сторону сундука. Там накоплено четыре летних платья, два визитных, два прогулочных. Белья еще несколько смен.

На меня посмотрели с укоризной.

— Да как же без посуды, полотна, рушников? У нас в деревне последняя девка идет под венец со своим добром...

И понеслось...

* * *

Мои жиденские накопления начали таять, как масляный торт на солнцепеке. Фёкла, ориентируясь исключительно на советы своих односельчанок, служащих в богатых домах, собирала мое приданное, как хорошая старшая сестра. Перво-наперво купили новый сундук. Туда отправились несколько (еле уговорила остановиться на трех) комплектов постельного белья с ручной вышивкой, пять подушек, одеяла, перина, нецензурное количество полотенец (здесь я уже сдалась и махнула рукой). Между ними разместили чайный сервиз (на 12 персон из приданного Анфисы Платоновны), столовый сервиз на 24 персоны от фабрики Кузнецова (200 рублей. Ненавижу эти старые добрые обычаи). Закончился сундук, купили новый. Туда складывали одежду, включая новую, по каталогу выбранную обувь (от 15 рублей за пару полотняных туфель). По зрелом размышлении и элементарных познаниях в истории родной страны, я пришла к выводу о необходимости пафосного траурного туалета. В лоб говорить домочадцам, что в октябре мы все наденем черное, не стоило, но запас карман не тянет.

О, сколько всего я слышала от портнихи, пока мы заказывали свадебное платье. Какая милая традиция, что за него платит жених.

Тем временем приблизился день нашего театрального триумфа. Ну или провала, к чему я была более готова. На премьеру спектакля, состоявшуюся на лужайке перед архиерейским домом, пришло больше дюжины незнакомых дам, держащихся явно вместе. По отдельности я уже встречала их в лавке, и, к счастью, не обслуживала в аптеке. А тут полковой женсовет заявился целым флангом. Свиньей, так сказать, шли.

Петя представил меня им, их — мне, а я так и не смогла запомнить, кто из них чья жена. Хорошо хоть сестер не привели.

После представления, имевшего, кстати, успех, особенно в лице архиерея, нас с монахинями удостоили аудиенции, на которой у меня хватило ума попросить благословения на брак. Умиленный священнослужитель не отказал, и на глазах словно объевшихся лимонов дам случилось наше внеплановое оглашение.

Вот по уму — все идет очень гладко. Мне сподобило брак с дворянином, сиротой практически, первоначальные задумки более или менее успешно воплощаются в жизнь, а — тревожно. Скорее всего это от того, что я в глубине души до сих пор жила на чемоданах, не обрастая связями сверх необходимого минимума — даже кошку не завела — и готовясь вернуться к себе в любой момент. А брак как бы предполагает несколько иной уровень привязанностей.

Но пора взрослеть и браться за ум и принимать тот факт, что теперь я живу здесь и сейчас, а постперестроечная Россия останется кому-то еще.

* * *

— Ксения Ляксандровна, говорят поручик Ваш на дуэли стрелялся вчера. — душным майским утром донес новую сплетню Данилка.

Мне как-то сразу помертвело.

— Ты чего несешь?

— Я не несу, я слушаю. Мамка моя у штабс-капитана Константинова убирается, так там господа говорили... — он обижался, когда ценнейшие сведения не вызывали доверия.

— И как? Почему?

— Знамо как, пол-уха отстрелил неприятелю. А тот промахнулся. А дуэль-то, говорят, из-за дамы-с. Это что, из-за Вас что ли? — сообразил маленький плут.

Я закручинилась. То, что из-за этого нелепого сватовства возникнут сложности, было понятно. Я ожидала проблем с семьей жениха, вспышек ревности со стороны выздоравливающего Катусова, но дуэль?!?! В мое время все разборки из-за девушек ограничиваются срачем в интернете или старым добрым мордобоем. Не учла я, что Прекрасная эпоха — закат рыцарства.

Мою попытку рвануть в голубую даль для разбирательств на корню пресек Фрол.

— Вы, Ксения Александровна, того дела не касайтесь. Петру Николаевичу виднее, кому, что и как объяснять.

* * *

Петенька навестил меня в прекрасном расположении духа. О произошедшем не упоминал, а я решила последовать мудрому совету и промолчала. До свадьбы оставалась неделя.

— Петр Николаевич... — начала я еще один непростой разговор.

— Мы же договорились. — укоризненно произнес он, играя кончиками моих пальцев. Сбивает с мысли.

— Петр, дорогой, а где мы будем жить?

Я уже уточнила у Фрола Матвеевича, что он не возражает против официальной аренды комнаты, но по статусу нам полагается более просторная квартира.

— Жить? Ах, да! Я же совсем забыл сказать — у меня назначение в Самару. — безмятежно улыбнулся мой нареченный.

3. Брачный обыскъ

По указу Его Императорскаго Величества Самодержца Россійскаго Саратовской Епархіи Церкви Св. Ильи Священно и церковнослужители производили обыскъ с желающихъ вступить въ бракъ.

1-е Женихъ Г. Поручикъ Петръ Его Сіятельства графа Николая Владиміровича Татищева сынъ православнаго вѣроисповѣданія жительствуетъ г. Саратовѣ имѣетъ званіе поручика Его Императорскаго Величества шестой резервной артиллерійской бригады.

2-е Невѣста Господина ротмистра въ отставкѣ Александра Дмитріевича Нечаева дочь, Ксенія Александрова православнаго вѣроисповѣданія жительствовала донынѣ г. Саратовѣ въ приходѣ Сѣй Ильинской Церкви.

3-е Возрастъ ихъ супружеству имѣютъ совершенный, а именно женихъ двадцати семи, а невѣста двадцати двухъ лѣтъ. Оба онѣ находятся въ здоровомъ умѣ.

4-е Родства между ими Духовнаго или плотскаго родства и свойства возбраняющаго по установленію Церкви бракъ нѣтъ.

5-е Женихъ холостъ. Невѣста дѣвица.

6-е Къ бракосочетанію приступаютъ они по своему взаимному желанію согласію а не по принужденію со стороны начальства и родителей своихъ.

7-е По оглашенію нашему дѣлаемому нами въ означенной Церкви сего года Мая 13-го, 18-го, 23-го числа препятствій къ сему браку ни какого и никѣмъ не объявлено.

8-е Жениху Г. Татищеву на вступленіе въ бракъ съ прописанною дѣвицею Ксеніей Нечаевой отъ Саратовскаго Военнаго Генераль Губернатора для безпрепятственности брака за Татищевымъ дано свидѣтельство которое при семъ приложено въ подлинникѣ.

9-е По сему бракосочетанію означенныхъ лицъ предложено совершить въ упомянутой Ильинской Церкви сего 1894 го года Іюня 3-го дня въ указанное время при постороннихъ свидѣтеляхъ.

10-е Что всѣ показанное здѣсь о женихѣ и невѣстѣ справедливо въ томъ удостовѣряютъ своими подписями какъ онѣ сами, такъ и три поручителя со стороны жениха Г. Коллежскій Совѣтникъ Владиславъ Варфоломѣевъ Завадскій, поручикъ Александръ Виктровъ Крузе и поручикъ Александръ Порфирьевичъ Левашовъ. Со стороны невѣсты Купецъ первой гильдіи Ѳома Петровъ Печатниковъ, Купецъ третьей гильдіи Фроль Матвѣевъ Калачевъ и Фармацевтъ Антонъ Федоровъ Рябинкинъ съ тѣмъ что если что окажется ложнымъ, то подписавшія повинны за то суду по правиламъ Церковнымъ и по законамъ гражданскимъ.

Къ сему обыску женихъ Поручикъ Петръ Николаевъ сынъ Татищевъ руку приложилъ.

— Петенька, — осипшим голосомъ я говорила с того момента, какъ краемъ глаза рассмотрела эту бумагу. — А ты граф?

— Да, милая. — чмокнулъ меня в високъ любезный женихъ. — Я былъ уверенъ, что тебе про это известно. А разве не такъ?

— Ну, в общем-то, теперь известно.

Джек-пот, милая. Графиня...

4. Особенный день

Накануне свадьбы я уговорила Петеньку пригласить часть дам (наиболее стервозных, как я смогла заметить) в кофейню, где почти ненагужно пообщалась с ними о нюансах жизни в гарнизоне. Мне же так был важен совет столь опытных и проницательных особ. Игнорируя завуалированные нападки, я старательно играла роль восторженной инженеру, которая полностью полагается на авторитет старших. Грубая лесть, поданная с обескураживающей искренностью, не то чтобы покорила моих собеседниц, но уже сдерживала от откровенной травли. А я все конспектировала и конспектировала в блокнот.

1-е. Нанять квартиру, и чтоб хотя бы две спальни и салон.

2-е. Кухарку только с рекомендациями.

3-е. Чайное суаре — не позднее второй недели.

4-е. Самара ужасающе провинциальна (эй, эти люди Самару вообще-то видели? Я вот до этой экскурсии бывала там регулярно и это последнее прилагательное, которое бы стала использовать), поэтому заказывать туалеты только по каталогам.

5-е. Няню... Тут на меня покосились, а я отмахнулась — нам вряд ли это понадобится прямо очень скоро. Дамы переглянулись в полном замешательстве. А то я не догадываюсь, чем они объяснили столь скороспелую свадьбу.

Было и 6-е, 7-е, 8-е...

При расставании мне хотя бы улыбались. Пусть и снисходительно.

* * *

За пару дней до свадьбы Петенька пришел мрачный и погруженный в себя.

— Что случилось, солнышко? — всполошилась я.

— Батюшка желает нас увидеть после свадьбы.

Все же мой будущий муж не совсем сирота, а то как-то странно уже.

— Это вполне естественно. — успокоилась я. — Ты же его первенец, надежда и опора...

— Нет, Ксюшенька, — он удрученно вздохнул. — Я давно смирился с тем, что не буду любимым сыном. А отец... Он... Сама поймешь. С ним непросто.

Я растормошила своего нареченного, но осадочек-то остался. Так что в Самару мы поедем через родовое гнездо Татищевых в Костромской губернии. Название-то какое забавное — Вичуга.

В ночь перед венчанием мы с Фролом сидели вдвоем. И пили.

— Ксения Александровна, ежели что не так — бросайте все и приезжайте. — после очередной рюмки сообщил шеф.

— Обязательно. — чуть растягивая звуки, отвечаю я. — И Вы тут без меня не скучайте. Я писаааать бууудуууууу...

— Ну ладно, перед свадьбой грех не поплакать, — утешал меня начальник, глядя по волосам.

— Как же я без Вас. — пьяно голосила я, размазывая слезы по его жилетке. — Я же столько еще не сделала в лавке... Идей-то полно... А времени ни на что не хватило...

— Вот и напишете. А мы уж тут как-нибудь....

* * *

С утра Фрол вошел в мою спальню, где за занавешенными окнами кто-то мучительно страдал от похмелья.

— Просыпайтесь, Ксения Александровна, благословлять Вас будем.

Он перекрестил меня иконой Богородицы, извлеченной из иконостаса Анфисы Платоновны. Небольшой, но с красивым резным окладом, старинной. После, во время завтрака, протянул мне лист толстой дорогой бумаги. Я читала и не могла понять.

— Это купчая на подвал? Наш подвал?

— Не дело Вам совсем бесприданницей за целого графа выходить. А так у Вас недвижимое имущество будет, которое я в аренду взял на 99 лет.

По-моему, этот подарок Фрола радовал более всего. И я вряд ли заслуживала подобное счастье.

— Спасибо, Фрол Матвеевич. Только в договоре аренды поставьте один рубль в год. По-другому я не соглашусь.

Первый раз в истории этого города арендатор набавлял цену, а арендодатель сбрасывал. Столкнулись мы на 1 рубле и 5 % от прибыли в год.

Так и не поевших как следует нас разогнала Фекла, которая начала меня собирать. Для прически был приглашен специально обученный человек, которой долго-долго наворачивал разнообразные кудельки на голове, пока я не взмолилась о пощаде.

Платье доставили накануне и я, признаюсь, не успела его рассмотреть. А рассматривать было что — двухметровый шлейф цвета деревенской сметаны, который таки подкалывался под тюнюрором, гладкая, почти прямая спереди юбка, впервые — декольте, пусть и затянутое кружевом, и нецензурной пышности рукава-фонарики, переходящие у локтя в почти обтягивающую атласную трубу, из-под которой опять же выглядывали кружавчики. Чудовищно звучит, да и выглядит на мой вкус так себе, но мода она такая мода... На голову фату до пола, в одну из повозок икону, в другую — мы с Фролом.

Ничего не могу запомнить. Это как быстрый сон, после которого вроде бы помнишь настроение, а подробности стираются быстрее, чем успеваешь их озвучить. Сегодняшний день я представляла себе совсем не так — с мамой, папой Серёжей и Люськой в свидетельницах. Чтобы куча фоток в Instagram, лимузин, голуби эти многострадальные, фотосессия у Ротонды и глумление над близлежащим памятником. А все вышло по-особому.

И вот у храма Фрол помогает мне спуститься, ободряюще пожимает ладошку и медленно ведет к алтарю.

Я стою у алтаря в своем роскошном платье. Сквозь кружева видны огоньки свечей, хор поет, священник нараспев читает молитву, а я не могу поверить, что все это — наяву. По всем законам жанра именно сейчас мне бы вернуться назад, домой. Но вот жених откидывает фату и слегка касается моих губ своими. Он отчего то счастлив.

— Благословен Бог наш.. Блажен всякий боящийся Господа, ходящий путями Его! Ты будешь есть от трудов рук твоих: блажен ты, и благо тебе! Жена твоя, как плодовая лоза, в доме твоём; сыновья твои, как масличные ветви, вокруг трапезы твоей: так благословится человек, боящийся Господа! Благословит тебя Господь с Сиона, и увидишь благоденствие

Иерусалима во все дни жизни твоей; увидишь сыновей у сыновей твоих. Мир на Израиля! Венчается раб божий Петр рабе божьей Ксении во имя отца, Сына и Святого Духа Аминь.... — Венчается раба Божия Ксения... Господи Боже наш, славою и честью венчай я!.. И сподоби нас, Владыко, со дерзновением, неосужденно смести призывати Тебе, Небеснаго Бога Отца, и глаголати... Отче наш, иже еси на небесе... помилует и спасет нас яко благ и человеколюбец...

Все поют молитвы, и я тоже пытаюсь, но голос предательски дрожит, как и свеча в руке. На пальце кольцо из белого металла с мелкими бриллиантами, заключенными в ромбики. В наше время обручальные другие, но здесь каждое можно носить как реликт.

И вот под колокольный звон нас осыпают рисом, звучат поздравления, в толпе я вижу Данилку, Феклу и Никитишну, по случаю праздника наряженных в новое, а колокольный звон уходит в бесконечно голубое небо. И почему-то хочется плакать. Без повода.

Сразу из церкви мы отправляемся на вокзал, где мои сундуки уже упаковали в багажное отделение. В чемодане только самое ценное — расшитая сумочка с поредевшим багажом путешественника во времени, дорожное платье, иконы.

Обманутая в лучших ожиданиях (не было на Российских железных дорогах тех киношных вагонов, где из каждого купе выход на перрон) я устраиваюсь поудобнее на диванчике.

Вот ты, Ксюха, и вышла замуж. По-настоящему, перед Богом и людьми.

* * *

Поезд тронулся и мы остались в купе вдвоем.

— Я так счастлив, моя милая, — прошептал мне в затылок муж и обнял. Я прижалась к нему и ждала продолжения, которое почему-то не следовало.

Вот уже и проводник застелил постели, мы отужинали.

— Тебе помочь?

Конечно-конечно... Есть столько вещей, в которых мне не помешает помощь! Он осторожно расстегнул мое платье, помог снять его, потом корсет, еще раз поцеловал и уложил в постель.

А сам лег на соседнюю!

Ошеломленная, я полночи созерцала потолок, и задремала, когда за окнами уже серело. Ну может у человека комплексы перед общественными местами.

Утром муж был бодр и весел, а жена озадачена.

Поездка проходила мило и трогательно. Петя оказался в высшей степени предупредительным кавалером, немного застенчивым, но хамства в жизни хватает. Он неплохо рисовал и уже успел сотворить несколько эскизов спящей жены. Неужели эта пьяная медведица может казаться милой, но он же не врал.

В Москву мы приехали поздним вечером и отправились в гостиницу — небогатую, но чистую. Мои сундуки за одним исключением малой скоростью шли в Самару, так что вещей было не очень много. Поужинали и отправились гулять. То есть Петя показывал мне Кремль и другие достопримечательности, а я искренне изумлялась, потому что несмотря на две-три недели в году, которые я раньше проводила в столице в командировках, ждало меня множество открытий.

Москва — маленькая. То есть не маленькая совсем, но низкорослая. С холмов видно горизонт, ничто не заслоняет виды, и высоток нет. Шокирующее открытие, ничего не скажешь. Заодно и многого другого нет, а особенно изумляют узкие улочки. Я, конечно, знала, что был в истории столицы период, когда передвигали дома, но никто не сказал, какими узкими улицы были до этого. А Кремль — бежевый. То есть в обозримом прошлом — Петя утверждает, что он даже застал это время — его белили, а теперь он немного облезает, но все равно воздушнее, чем терракота.

Петя гулял в мундире, я — в прогулочном платье — как с открытки из прошлого про наивную гимназистку. И невинную до сих пор. Как-то раньше этот вопрос решался проще.

Вернулись глубоко за полночь, радостные... Вообще, пребывание рядом с Петей вызывает у меня какую-то эйфорию, хочется смеяться, быть милой, наивной и трогательной. Я такой лет с пятнадцати не была, а тут вот привалило.

В гостинице у нас была общая постель, в которой муж обнял меня сзади, зарылся лицом в волосы и заснул. Я пошевелилась. Нужными частями тела пошевелила. Нет реакции. Дождалась пока дыхание станет глубоким, спокойным и начала ласкать его — нет реакции. Сердце билось, а вот в другие места кровь не доносило.

Неужели правду говорил? Я полагала, что проблема в бесплодии и в общем-то не особо стремилась к размножению... Но чтобы так...

Перед визитом к милым родичам Петенька настоял на заказе новой одежды. Я и сама понимаю, что выгляжу бесконечно провинциально в своем скудном гардеробе, но если вспомнить, с чего я начинала...

Мы оказались на Кузнецком мосту — теперь понятно, отчего его называли самой модной улицей — лавки и салоны одежды теснили друг друга, заманивая в свои недра. Платья мне выбрали скромные, но милые — желтое, розовое, мятное. Все такое летнее-летнее, нежное-нежное.

* * *

До окончательной подгонки нужно было подождать пару дней, которые мы посвятили прогулкам. Все-таки мой восторг от отсутствия автомобильных пробок в столице был несколько преувеличенным — конный транспорт процветал. Но до чего все было живописно — городские с бляхами, крестьяне в музейных почти нарядах, горожане...

— Ты так смотришь на все. — нежно произнес муж.

— Как восторженная провинциалка? — рассмеялась я.

— Нет. Просто ни разу не видел такого восторга от всего. Словно каждая мелочь для тебя — чудо.

Он проницательнее, чем я привыкла думать.

— Рядом с тобой — так и есть. — я чмокнула его в кончик носа.

* * *

А перед отъездом мы напились. То есть начиналось все вполне пристойно — утром Петя в глубокой задумчивости чистил оружие.

— Ксюшенька, я тебя оставлю ненадолго. У меня тут дело одно есть.

— Какое? — удивилась я. До сей поры мы разве что в туалет поврозь ходили, и Петя оказался первым человеком в обеих моих жизнях, который не напрягал такой близостью.

— Я бы хотел навестить могилу маменьки.

— Ты против моего присутствия? — удивилась я.

— Нет, но... Кладбище же... — смущенно залепетал муж.

Вот кладбище Симонова монастыря всегда ускользало от моего внимания, да и сохранилось ли оно в двадцать первом веке? Небось очередной бизнес-центр теперь тут. До чего же пафосно! Высокие памятники, изумительно выполненные скульптурные группы. Все так торжественно, что хочется кланяться каждому надгробию. А у моего мужа небедствующая родня — свекровь погребена в фамильном склепе размером с небольшой коттедж. Я принесла букетик цветов, Петя о чем-то шептал, стоя на коленях. Мы очень странная, но до того трогательная семья, что я сама не могу поверить в реальность происходящего.

Мы вернулись в несколько подавленном настроении — задумчивость Пети перешла и на меня.

— Может быть, выпить хочешь? — осторожно спросила я.

— Что? — встрепенулся он.

— Вина?

— Пожалуй, да. — согласился он и я отправила коридорного за тремя бутылками.

Потом еще отправляла пару раз, потому что у нас приключился день откровений.

— Маму я плохо помню — она много болела и жила здесь, в московском доме, а отец возил меня с собой. Но когда умерла, то о ней вообще перестали говорить. Поначалу я придумал, что это от большой любви... — Петя говорил лихорадочно, стремясь высказать все сразу, накопившееся за долгие годы. — А потом в разговоре с родственником, он обронил «Она из хорошего принесла мне только приданное и имя». Понимаешь, он никогда ее не любил. И никто ее не любил — даже замуж выдали по сговору... Отец жесткий, я для него не самая большая гордость. Вот если бы герой, вот если бы драгун, вот если бы чиновник...

Еще парочка бутылок.

— Я в армию пошел Отечеству служить, а не карьеру строить... А тут это испытание... Там непонятно было, что с пушкой не так... Двоих убило, Семенова и Артишевича, а нас семерых ранило... Меня-то еще ничего...

— Покажешь? — осторожно прервала поток становившейся бессвязной речи.

— Ну... Это стыдно... — замялся муж.

— Я теперь твой самый близкий человек. — жарко и не очень трезво шептала я.

Он нетвердой рукой начал расстегивать мундир, стягивать рубашку и я едва сдержала крик — низ живота был испещрен мелкими шрамами. Чудо, что он вообще выжил. Я уложила мужа на кровать и продолжила раздевание... Нет, кастратом он не был... Но и нормально функционировать с такими шрамами было нечему.

— Прости меня... — пробормотал Петя, стыдливо заматываясь одеялом.

— Не переживай об этом. — поцеловала я его затылок и глубоко задумалась...

Ну а что? С Фролом меня бы ждало что-то лучше? Там еще Рябинкин бы шел как друг дома... В конце концов, в подростковом возрасте все переживали околосексуальный опыт с ласками без проникновения. Вот у меня и затянется пубертат.

Я воспользовалась беспомощностью партнера и выяснила, есть ли хоть какой-то отклик на мои прикосновения. Оказалось, что реакция в отсутствие морального контроля есть, и если не ожидать бурного секса, то определенные ласки мы вполне сможем друг другу дарить. Мелкие радости, так сказать.

* * *

В Вичугу мы путешествовали дольше, зато дружнее. Теперь я была свободна от ожиданий и пыталась построить какие-то дружеские отношения с человеком, которого Вселенная послала мне в мужья. Мы шутили, смеялись, но чем ближе подбирались к пункту назначения, тем чаще на челе супруга отражалась обеспокоенность. На станции нас встречала карета с гербом, на котором смешались флаг, пушка, ворона и императорский орел поверх всего. И я тут. Когда в детстве слушаешь Золушку, ни одна душа не намекает на то, насколько неловко оказываться на чужом месте.

Несколько часов по тряским дорогам и вот оно. Дворец, а не деревенская усадьба. Пусть и два этажа, но глаз не хватает на все здание. Четыре белоснежные колонны поддерживают портик, обрамленный тройными окнами, боковые крылья уходят в белорозовую бесконечность.

Карета остановилась посреди курдонера, и мы выпорхнули в радушные родственные объятия. Ну то есть как в радушные — на крыльце нас встречал высокий мужчина с невероятными бакенбардами щедро тронутыми сединой и высоким лбом, переходящим в раннюю залысинку. Колючий взгляд из-под орлиных пушистых бровей ненадолго зацепился за меня и переключился на мужа.

— Стало быть женился... Ну, Бог тебе судья. — и круто развернувшись скрылся в коридорах.

Когда я решила, что челядь купца Калачева несколько прохладно меня встретила, то была не права. Люди там попались чуткие, гостеприимные. Надо было сразу за Фрола замуж выходить.

Петенька еще плотнее сжал губы, взял меня за руку и повел внутрь.

— Петя, если мы так обременяем твоих родственников, может и не стоит... — начала было шептать я.

— Стоит. Ты — теперь моя жена и тоже часть этой семьи.

Вот не была бы столь опрометчива в высказываниях.

С Петром здоровались слуги, сдержанно кланялись мне и я сбилась со счета — сколько же здесь народу проживает. Судя по всему, молодого барина любят, а вот упырицу, кинувшуюся на его свободу и счастье — не очень.

Разместили нас в нескольких комнатах, но я не стала рассчитывать на долгое гостевание — Петя заранее был настроен на пару-тройку дней, а судя по приему, выдвинемся в Самару после ужина. Чтобы разрядить тягостную обстановку, предложила погулять, на что он с радостью согласился.

День выдался жаркий, тихий, пахло сушеной травой и пылью. Петя, поначалу угрюмый, все больше погружался в историю усадьбы, демонстрируя полноводный ручей, парк с множеством самых разнообразных растений, большую часть из которых я вообще не узнаю. Парк огромен. Его можно обходить неделями, но все равно не запомнить, какой поворот к

ротонде, какой к охотничьему домику, где развалины оранжереи, а где просто укромный уголок, в котором можно целоваться, не боясь быть застигнутыми.

— Я люблю тебя. — и ведь почти не вру. В эту секунду я влюблена в своего мальчика.

А он улыбается, поднимает меня на руки, смеется.

— Мы будем счастливы. Счастливее всех.

— Обязательно. — я мехом внутрь вывернусь ради этого.

И мы счастливы вплоть до ужина.

За бесконечным столом с одной стороны расположился граф Николай Владимирович, его супруга Ольга Александровна и двое малышей — мальчик лет пяти и девочка чуть постарше. Ольга Александровна — идеальная хозяйка усадьбы — светлокудрая миниатюрная кошечка, затянутая в тугой корсет и розовые, в тон интерьеров шелка. Она правильно говорит, ровно держит спину и идеально подходит своему мужу. В двадцать пять и с таким семейным стажем это несложно, а в мои годы уже выйдет со скрипом.

Мы с мужем, словно последний потрепанный батальон проигравшей армии заняли другую сторону комнаты. Под столешницей я сжимаю его ладонь и от этого уже не так страшно. Меня словно не замечают все, а с Петей лишь перебросились приветствием. И перемены блюд не радуют, поэтому я медленно ковыряюсь в тарелке, раздумывая, отравят меня прямо сейчас или потерпят до завтрака. Ужин тянется томительно долго, почти час, и заканчивается непредсказуемо: граф с грохотом отодвигает стул, бросает мужу «Зайди» и уходит. Графиня собирает детей и бросив на меня презрительный взгляд следует за ними, а я остаюсь одна в этой огромной душной комнате.

Где-то в глубине дома летают пух, перья и предметы интерьера, грохочет граф и лишь изредка огрызается муж. И вот оно — распахиваются двери и гулкое:

— Сударь, не будь Вы моим отцом, я бы уже вызвал Вас за эти слова.

— Уж лучше бы ты не был моим сыном!

Поднимаюсь и иду укладывать вещи. Так в сумерках мы покидаем чудо-усадьбу и еще несколько часов гуляем у закрытого вокзала.

— Прости меня, милая, за эту сцену.

— Ничего, мы со всем справимся. — а как иначе-то?

* * *

В Самаре выяснилось, что так, а не иначе — очень не просто. У меня после свадьбы осталось около восьмисот рублей, а Петино жалованье — 41 рубль и 25 копеек в месяц. От семейных доходов мужа отлучили, и я догадываюсь, кто тому виной. Поэтому квартиру мы сняли очень простенькую, в две комнаты, за готовку приплачивали хозяйке, а уборку я пыталась делать сама. Вспоминая советы саратовских офицерш, я понимала, что многие моменты кажутся издевательством. Суаре, как же! Хотя несколько полковых дам меня навестили в первую же неделю, и мы неплохо провели время за чаем со все возрастающей пропорцией коньяка. Обещались приходить почаще и так женский алкоголизм навис над артиллерийской бригадой.

Петя целыми днями пропадал на службе, возвращался и практически падал в постель, поэтому к нему с претензиями было стыдно даже подходить, и я догадывалась, что относительно безбедного существования у нас будет месяцев шесть-семь, а дальше придется

осваивать какие-то источники заработка. Причем с частной гинекологической практикой придется завязать, потому что подобная репутация жены Пете точно повредит. Ладно, об этом я подумаю позже, ближе к зиме.

Раз Петя вернулся поздно, был изрядно нетрезв, зато притащил гитару.

— Ты откуда такой нарисовался? — я уже начала беспокоиться.

— Душа моя, тут у капитана Осеева именины были и я в фанты выиграл.

Ну хоть какая-то радость, и теперь я напропалую музицировала. Дни перестали быть бесконечными и тягостными, и к нам потянулись гости. К счастью, народ здесь тактичный и наше имущественное положение быстро перестало быть загадкой, так что приходили к нам чаще со своей выпивкой и закуской, а уж культурную программу я обеспечивала.

Чаще всего нас навещали молодые, несемейные подпоручики и поручики, так что обстановка царила самая непринужденная. А дамы постарше начали напрашиваться в гости с дочерьми на выданье. И это было великолепно — стать сводней.

— Ксюшенька, счастье мое, спой нам сегодня. — как бы между делом произнес муж за завтраком.

Я поперхнулась своей кашей.

— Что?

— Ну выбери на свой вкус. Вот это твое про соловья — очень недурственно.

Само собой, недурственно. Через 25 лет «Белой акации гроздь душистые» зазвучат в Париже, Риме, Ницце, Нью-Йорке, Шанхае как реквием именно по нашему времени.

— Хорошо, милый. На сколько персон ужин?

— Только свои будут. Человек 20.

Отдохнула, почитала, помечтала.

Какой-то странный контингент — суровые лица, часть из которых мне незнакома, а вот этот мужчина в очочках и непривычном темно-зеленом мундире с серо-синими брюками — вообще, как прыщ на попе.

— Ксюшенька, милая, позволь тебе представить инженера железнодорожной службы Федора Андреевича Фохта.

Лучезарно улыбаюсь, протягиваю руку для поцелуя, наблюдаю за его неуклюжестью — вот же человек, роняет все, что ни увидит, а затем извиняется, долго и сбивчиво, краснея кончиками ушей.

Всюду бегут дороги,

Всюду бегут дороги,

По лесу, по пустыне,

В ранний и поздний час.

Люди по ним ходят,

Люди по ним ходят,

Ходят по ним дроги,

В ранний и поздний час.

Топчут песок и глину,

Топчут песок и глину

Страннические ноги,

Топчут кремень и грязь...

Кто на ветру — убогий?

Всяк на большой дороге

Всяк на большой дороге —

Переодетый князь!

Треплются их отрепья

Всюду, где небо — сине,

Всюду, где небо — сине,

Всюду, где Бог — судья.

Сталкивает их цепи,

Сталкивает их цепи,

Смешивает отрепья

Парная колея.

Так по земной пустыне,

Так по земной пустыне,

Кинув земную пажить

И сторонясь жилья,

Нищенствуют и княжат —

Нищенствуют и княжат —

Каторжные княгини,

Каторжные князья.

Вот и сошлись дороги,

Вот и сошлись дороги,

Вот мы и сшиблись клином.

Темен, ох, темен час.

Это не я с тобою, —

Это не я с тобою, —

Это беда с бедою

Каторжная — сошлась.

Что же! Целуй в губы,

Что же! Целуй в губы,

Коли тебя, любый,

Бог от меня не спас.

Всех по одной дороге

Всех по одной дороге

Поволокут дроги —

В ранний ли, поздний час.

Несколько секунд после последних аккордов стояла тишина и лишь потрясенные глаза блестели в полусумерках, а потом комната взорвалась овациями.

— Ксения Александровна, это невероятно!

Инженер Фохт молча неотрывно следил за моими движениями. Как-то странно, я от подобного отвыкла после полета одного почтового служащего вниз по лестнице. Но вскоре беседа переключилась на что-то более важное, какие-то прокламации, с которыми я не была знакома, и мне удалось скрыться.

В передней, под вешалкой с плащами лежал промокший от дождя обрывок листа бумаги. Дешевой желтой бумаги с уже подтекшей типографской краской.

Помни же, молодежь, что изъ тебя должны выйти вожаки народа, ты должна стать во главѣ движенія, что на тебя надѣется революціонная партія! Будь же готова къ своей славной

дѣятельности, смотри, чтобы тебя не застали врасплох! Готовься, а для этого собирайтесь почаще, заводите кружки, образуйте тайныя общества, съ которыми Центральный Революціонный Комитетъ самъ постарается войти въ сообщеніе, разсуждайте больше о политикѣ, уясняйте себѣ современное положеніе общества, а для большаго успѣха приглашайте къ себѣ на собранія людей, дѣйствительно революціонныхъ и на которыхъ вы можете вполне положиться. Товарищи солдаты! Жадные имперіалисты пьютъ нашу кровь, посылаютъ на смерть для собственнаго обогащенія. Не будемъ же, братья товарищи, поддаваться обманнымъ рѣчамъ тѣхъ, кто насъ держитъ во тьмѣ невѣжества, будемъ стараться выяснитъ себѣ истину, чтобы идти къ освобожденію отъ теперешняго рабскаго состоянія. Силы наши велики, ничто не устоитъ передъ нами, если мы будемъ идти рука объ руку всѣ вмѣстѣ.

Вашъ товарищъ рабочій.

Пять букв. Одно короткое слово. Только одно, зато описываетъ все и вся.

Я дождалась пока накал страстей схлынет, а алкоголь в гостинной будет употреблен почти полностью. Вот голоса в прихожей стихли, и тогда я выползла из логова спальни.

— Ты, любезный друг Петруша, чем думаешь? — потрясала я обнаруженной уликой. — Это что за бредовые идеи и преступные провокаторы в доме?! Вы же ни один не думаете, кто и с какой целью промывает вам мозги. Такие, кто хочет разрушить страну, повергнуть в хаос общество, уничтожить миллионы жизней — обычных, благополучных жизней, Петя, не станут говорить и делать это впрямую. Им нужно пушечное мясо. Не получилось с народовольцами — будут пролетарии и вот такие мыслящие офицеры.

Я тыкала мужа в грудь, постепенно загнав к стене, а там продолжала орать. Безобразная сцена, я такого тут себе еще не позволяла.

— Ксюшенька, ты не разобралась... — пытался объяснить он.

— Тоже мне, декабристы. — меня несло, как ни разу раньше. — Те ни о чем не подумали, а ринулись на Сенатскую площадь. Ни один не думал, а что дальше? Вот убили бы Николая Павловича, и что потом? Были среди них экономисты, государственники, управленцы? Лишить страну лидера, уничтожить все государственные институты и ждать всеобщего благоденствия — гениально. Только вот обычно этим пользуются соседи, которые успевают оторвать куски от бедствующей страны.

— Ну успокойся, милая, это мужские разговоры. Они слишком волнительны для женщины. — он обнял меня, несмотря на сопротивление, и гладил по спине.

— А о семьях своих, о близких, кто думал? Это сейчас так романтично быть декабристкой. «Во глубине сибирских руд» и все такое. А на деле — родители с разбитыми сердцами, дети, выросшие в разлуке с родителями, десятки умерших во младенчестве из-за недостатка медицинской помощи. И что взамен? Не было, нет и не предвидится идеального государства, с себя нужно начинать всегда, а не с внешних врагов. — расплакалась я.

Это был первый реальный звонок из страшного мира террора и насилия. Я не идеализирую общество, в которое попала. Хруст французской булки вблизи весьма солоноват не только для изморожденных работой крестьян и служивых людей, евреев и староверов, студентов и правдоискателей. Мне невероятно повезло и за это везение нужно благодарить конкретных людей, и окажись Фрол менее приветливым, а Петр менее порядочным, я давно бы исследовала городское дно, но то, через что стране придется пройти, прежде чем стать моим миром, грустно и мрачно при изучении в школьном курсе истории, так же как и истребление городов монголо-татарами. Но если это же самое маячит

в обозримом будущем — хочется всячески оттянуть начало конца. И уж меньше всего мечтаешь обнаружить носителя революционных идей в собственной постели.

Мы так и заснули не раздеваясь. А утром в одном из кресел обнаружился донельзя смущенный инженер-железнодорожник. Тот краснел и смущался своей рассеянностью, страдал от выпитого и быстро ушел. Да и другие звезды вчерашней вечеринки у нас более не появлялись.

* * *

Что случилось в части, выяснялось долго. Кто первый решил, что офицеры не радеют за народ, так и осталось тайной, покрытой мраком. Подозреваю, что я видела автора сей находки, но что уж теперь-то. И пошли разговоры, пересуды. Якобы Петя, не пропустив мои слова мимо ушей, что-то этакое высказал о бестолковости борьбы ради борьбы. И у такого же мальчишки, поручика Анатолия Васильевича Кисловского, разыграл максимализм юношеский, что и привело к закономерному диалогу.

* * *

Тем утром я необычайно крепко спала. Я не слышала, как Петенька поднялся на рассвете, тихо оделся и ушел. Проснулась лишь когда лучи солнца пробились сквозь шторы. Я лежала на спине, разметавшись по диагонали кровати и ощущала себя удивительно пусто и покойно. словно из меня выкачали все тревоги, печали, огорчения, волнения и надежды. Была теплая и невесомая пустота. Я успела подняться, причесаться, надеть утреннее платье с голубыми розанами, когда у окон остановился экипаж. Дальше время шло скачкообразно, то ускоряясь, то замирая на долгие минуты.

Стук в дверь. Я иду, словно сквозь густую сметану. Бледный и скорбный поручик Шувалов мнетя на пороге. Потом все очень быстро — люди в мундирах, чьи лица я не могу рассмотреть или запомнить, втаскивают на носилках Петеньку. Тот бледен, губы плотно сжаты. Я долго, мучительную вечность смотрю на это лицо, с трудом узнаю и бросаюсь на тело. Кто-то зовет доктора, кто-то оттаскивает меня, я вырываюсь, приживаю к себе его руку. Она холодная, но пульс еще есть. Доктор прямо на этом диване пытается достать пулю, но уже слишком поздно. снова быстрая череда кадров — приходят люди, лица которых мне знакомы, но кто это? Они прощаются с мужем, тот изредка приходит в себя, а я в окровавленных розанах все сижу рядом, вцепившись в его руку, и твержу всем, что он поправится.

Ночью начался кризис. Я попыталась взять себя в руки и хоть чем-то помочь умирающему. Меняла повязки, которые слишком быстро пропитывались кровью, пробовала накормить его заплесневелым хлебом, на котором вот уже несколько месяцев успешно выращивала грибы.

День, другой, третий. Полковой врач озадачен и водит экскурсии, жены офицеров с жалостью пытаются примирить меня с неизбежным, однополчане мужа начинают смотреть пусть не с уважением, но восхищение появляется.

Горячка не наступила, и было ли это следствием моих фармацевтических

экспериментов, крепкого здоровья Петеньки или молитв, как знать, но и выздоравливать ослабевший организм не успевал. Иногда Петенька приходил в себя и подолгу смотрел на меня. Вряд ли зрелище было приятным — переодевалась я не часто, ела и умывалась тоже с перебоями, но он улыбался, и ради этой улыбки я была готова на все. Дважды уже приходил священник, проводил соборование, исповедовал, был стряпчий, заглядывал полковник Сергей Дмитриевич Балашов, поцеловал меня в лоб.

Порой мы часами сидели вместе. Он то засыпал, то приоткрывал веки, а я как заведенная бормотала истории о том, куда мы с ним поедем, когда он выздоровеет. Перебрала все европейские туристические центры и перешла на экзотику.

В конце недели кровотечение почти прекратилось, и я выдохнула. Петенька уже начал садиться, даже ел с аппетитом. А потом потянулся к бумагам и упал с кровати. Кровь пошла горлом и он скончался в считанные минуты.

Вдруг стало все равно.

* * *

Священник монотонно читал молитву, меня окружили полковые дамы — не чета саратовским, здесь ко мне душевнее отнеслись, когда распахнулась дверь и широкими шагами вошел мой свекор. Он остановил взгляд на столе, где покрытый кисеей лежал в парадном мундире Петенька, сжал губы и не глядя на остальных распорядился.

— Похороны в Вичуге будут. Выезжаем с утра.

И тут я разрыдалась — громко, некрасиво, истерично.

* * *

Петеньку хоронили зябким сентябрьским днем. С утра выглянуло солнце, пока мы месили грязь по пути к церкви, а за время службы зарядил мелкий осенний дождичек. Капли воды стекали по лицу, утратившему все обаяние жизни. Заострившийся нос, узкие губы, пергаментная кожа, по которой слезами стекали капли дождя. Милый мой мальчик, которого я так и не успела полюбить вовремя.

1. Трауръ

Год. Двенадцать чертовых месяцев будут спущены в унитаз. Из-за глупой мальчишеской ссоры. Я как-то сразу начала понимать Скарлет О» Хару. Мне не хотелось посещать балы, и нечего делать в свете, но траур в Викторианскую эпоху — это триумф самоистязания. Опять же, повезло, что мы в России, где правила хорошего тона позволяют погоревать полгода глубоко, полгода обычно, а потом некоторое время походить в полутрауре.

Одна радость остается — писать письма. Но мне и это делать особо некому. Благодарности за соболезнования полковым дамам я уже отправила, остается только лучший друг.

«Любезный мой Фроль Матвѣвичъ!

Послѣ внезапной кончины супруга моего, Петра Николаевича, я перебралась въ Костромскую губернію, гдѣ пока проживаю въ домѣ графа Николая Владиміровича.

Горе мое столь велико, что не позволяеть оставаться въ обществѣ и я предполагаю по исходу 40 дней отправиться по монастырямъ, дабы въ молитвѣ и постѣ поминать душу моего несчастнаго супруга.

Угу, свекор держит меня под пристальным контролем, дабы выяснить, не забеременела ли я, и, по-моему, чтобы предупредить возможное мошенничество в данном вопросе с моей стороны.

Нужды ни въ чѣмъ у меня нѣтъ. Николай Владиміровичъ создалъ всѣ условія, чтобы я могла пережить эти скорбные времена.

Ко мне приставлены две горничные, которые по очереди круглосуточно меня пасут. Одну я застала за обнюхиванием моего нижнего белья. Вообще ничего святого у людей.

Часто вспоминаю наше знакомство съ Петромъ Николаевичемъ. Помните, какъ мы встрѣтили его въ Пасхальную ночь? Въ Саратовѣ прошли самые лучшіе дни моей жизни, за которые я всегда буду благодарить Господа. Однимъ Вашимъ попеченіемъ стала возможна моя счастливая, хоть и короткая супружеская жизнь.

Фролушка, заberi меня отсюда!!!!!!

Какъ здоровье Ваше, Фроль Матвѣвичъ? Наступаютъ холода, а Вамъ стоитъ опасаться простудъ. Надѣюсь, прислуга заботится о Вашемъ благополучіи.

Остаюсь всегда Ваша, графиня Ксенія Александровна Татищева.»

Вот подавись, драгоценный родственничек, я себе это имя оставлю.

* * *

На исходе первого месяца вдовства меня пригласили в библиотеку. Исхудавшей вороной, шелестя тремя черными юбками я устроилась на неудобном стуле. Петенька рассказывал, что в детстве отец мог часами читать ему нотации и требовал неподвижности. Садист.

— Приветствую Вас, Ксения Александровна! — свекор сычом взирал со своей стороны стола.

— Доброго дня, Николай Владимирович. — я кротко сложила руки на коленях, не забыв достать траурный носовой платочек. Рыдать я собираюсь долго и с чувством.

— Как здоровье Ваше?

— Да Вашими заботами. — Я промокнула глаза платочком.

— Сударыня, я отвлек Вас от скорби дабы поинтересоваться Вашими планами о будущем. — И сверлит глазами. Сказать ли, что планирую прожить у него всю оставшуюся жизнь?

— Ах, какое у меня теперь будущее.... — Да и в самом деле, будущее пока что так себе. Все наполеоновские планы по освоению бизнеса придется отложить до конца траура, а на что жить — непонятно.

— Как я понимаю, доходов от приданного у Вас нет. — скорее обвиняя, нежели констатируя факт, произнес родственник.

— Скорее да, чем нет. — я всхлипнула. Ведь обидно, что все мои попытки обогатиться наталкиваются на бестолковость Рябинкина. Да нам с Фролом вдвоем было бы легче... Стоп, а что я так прицепилась к аптекарю... Нам же достаточно рекламы с нормальным доктором и можно начать почтовую торговлю. Заодно и проблема стыдливости отпадет. Тупик ты, Ксюша, раньше могла додуматься.

— Мой долг требует ознакомить Вас с условиями завещания моего сына. — отвлек меня от маркетинговой компании скрипучий голос. — Вам потребуется помощь стряпчего?

— Я умею читать, Николай Владимирович.

Мужчина нахмурился и передал мне бумаги.

Я, графъ Петръ Николаевичъ Татищевъ, поручикъ Его Императорскаго Величества шестой резервной артиллерійской бригады, находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти, поручаю мое имущество слѣдующимъ порядкомъ:

Въ случаѣ рожденія у меня наслѣдника внѣ зависимости отъ пола земли мои въ Костромской, Смоленской и Московской губерніяхъ завѣщаю ему; въ противномъ случаѣ — передаю ихъ брату моему Алексѣю Александровичу съ условіемъ выплаты дохода отъ земель въ суммѣ Тридцать тысячъ рублей въ годъ моей супругѣ Ксеніи Александровнѣ Татищевой пожизненно. Драгоценности моей матери завѣщаю моей супругѣ Ксеніи Александровнѣ Татищевой.

Оружіе мое прошу раздѣлить между однополчанами.

Дата. Подпись. Подписи свидѣтелей.

Что ж ты, Петенька раньше не сказал, что ты такой богатый Буратино? Я ошарашенно смотрела на человека впереди себя.

— Только не говорите, сударыня, что это для Вас новость. — презрительно усмехнулся родственник.

— Николай Владимирович, я не стану Вам ничего доказывать. Но вряд ли бы мы жили в столь стесненных условиях и тратились столь аккуратно, если бы рассчитывали на такие средства.

— Да, Петька гордый. Был.

Он помолчал, вспоминая что-то свое, о чем я уже не узнаю, и продолжил.

— Вы, сударыня, как я полагаю, не в тягости. — дождался моего сдержанного кивка. — Вы молоды, и вполне сможете вступить в новый брак. Я не хотел бы содержать Вас и Вашего нового супруга. Поэтому предлагаю вам отказаться от финансовых претензий в обмен на единовременную выплату. Скажем, вот такой суммы.

Я посмотрела в протянутый мне листок.

— Николай Владимирович, я планирую прожить куда дольше пяти лет. Более того, я

могу обратиться к Государю о назначении мне пенсии по утрате супруга. Это даст мне небольшие, но честные деньги.

Про оглушительный скандал я решила не упоминать, собеседник и так сообразил. Мы померялись взглядами и продолжили торг.

— Я полагаю, мы начали не с той ноты. Я казалась вам мезальянсом, и сейчас Вам хочется просто забыть об этом эпизоде жизни Петра. Но можно посмотреть на ситуацию иначе.

— Это как же? — Он откинулся в кресле.

— Одну минуточку.

Я встала и быстрым шагом направилась в свою комнату. Открыла сундук, достала фальш-дно и извлекла три папки бумаг, которые через несколько минут оказались на дубовом столе.

— Что это? — он лениво перелистывал страницы писем, таблиц, схем.

— Это архив Петра, который мне удалось спрятать от следователя. В нем, кроме всего прочего, давняя переписка с неблагонадежными сторонниками революции и потенциальными бомбистами. И записи с собраний некоторых из них.

Родственник посерел.

— Я собрала все, что нашла. Когда мы поженились, то всем этим лицам я отказала от дома. Сделала все, что было в моих силах, дабы избежать позора. Вы же понимаете, чем это ему грозило? И вот сейчас я передаю все его бумаги Вам, чтобы Вы распорядились ими по своему усмотрению. Лучше, конечно, растопить камин, а то холодает.

До сумерек мы вдвоем жгли Петины мечты и чаяния.

Утром я получила векселя от графа Татищева на триста тысяч рублей и увесистую шкатулку с драгоценностями. Кроме того, мне было позволено пользоваться семейным дворцом Татищевых в Санкт-Петербурге по необходимости. Лично меня бы куда больше устроил маленький домик, о чем свекор обещал подумать.

Милостивый государь, Фроль Матвѣвич!

Сердечно благодарю за Ваше письмо отъ 27 сентября. Настоящимъ сообщаю, что покидаю гостепріимный кровъ моего нареченнаго батюшки, Николая Владиміровича и отправляюсь на молебень въ Ризоположенскій монастырь въ Суздаль.

А если бы успела по срокамъ навигации, то оплатилъ бы поездку в Соловецкій монастырь. Какъ говорится, курорты солнечной Колымы ждутъ тебя, детка.

Могу доложить, что вдовья доля моя послѣ уступки земель въ пользу деверя моего Алексѣя Николаевичъ, составляетъ чуть болѣе чѣмъ мнѣ, по моимъ скромнымъ нуждамъ требуется.

Поэтому прошу Васъ рассмотреть возможность перехода во вторую гильдію и увеличенія моего участія въ нашихъ совмѣстныхъ дѣлахъ.

Остаюсь всегда Ваша Ксенія Татищева.

2. Суздаль

В славный город Суздаль я прибыла в повозке, выделенной мне любящим свекром. По далекой юности я критиковала УАЗики. И плохие дороги. Была не права.

Гостиница для паломников при монастыре радовала сквозняками и сыростью, меню оказалось очень просветляющим, жрать хотелось круглосуточно. Прогулки не спасали.

В первые дни я посещала молебны, оформила крупное пожертвование от имени всей семьи (на тысячу я бы прожила сама год припеваючи). Осматривала архитектурные находки — преимущественно старинные церкви. Вообще это меня до сих пор заводит — я вижу, трогаю, посещаю здания, которых больше нет. Общаюсь с людьми, память о которых уже стерлась.

Каждый день стал похож на другой. Я просыпалась, шла к заутрене, завтракала, гуляла в скорбном одиночестве по парку, шла к обеду, после запиралась дома и сидела в полутьме. Спала, на самом-то деле, но мнение в обществе обо мне сложилось однозначное — графиня безутешно скорбит.

В качестве развлечения иногда перебирала свои богатства — успела сфотографировать все украшения перед отъездом, когда отдала их свекру на хранение. Там такое.... В мое время я бы вообще перестала работать. Хотя и здесь графине было неприлично зарабатывать, но я и не буду. А что купец Калачев начнет процветать — так то одно Господне Провидение. Знали бы вы, как очаровательна парюра из изумрудов и жемчуга. А браслет из рубинов с перепелиное яйцо? Себе я взяла несколько нитей черного жемчуга с мой ноготь в диаметре и браслет Фаберже с бриллиантами и желтыми сапфирами, которые складывались в крохотные ромашки. Это в траур носить непристойно, но расстаться с таким волшебством не смогла и так и надевала его на предплечье, чтоб никто не увидел.

Неделю спустя подобный досуг начал утомлять. И черный цвет — тоже. Поначалу мне было комфортно в двух траурных платьях, и искренне хотелось проявлять скромность и аскетизм, но насмотревшись на то, с каким упоением и размахом скорбят столичные модницы, я задумалась. Итогом раздумий стал поход к местной портнихе и теперь у меня шесть траурных туалетов на все случаи жизни, ротонда, чулки, несколько пар перчаток и даже зонт в черных кружевах.

Плотная вуаль позволяла не прятать взгляд, рассматривая людей, но в целом траур угнетал.

Для начала я сменила жилье и из паломнического дома перебралась в квартиру. Громко сказано, но флигель доходного дома купчихи Прянишниковой — разбитой параличом старухи, меня вполне устраивал.

В один из дней в середине октября я совершала свой привычный моцион, добравшись до ротонды на берегу Каменки (не Волга, определенно не Волга), когда рядом со мной возник кончик трости.

— Доброго дня, сударыня. — низким простуженным голосом обозначил свое присутствие этот человек. Где вы, трогательные запотевающие очёчки, близоруко щурящиеся глаза, щеточка усов, нелепые кудряшки на голове? Без этого камуфляжа на меня в упор бесцветными, почти белыми глазами смотрел волк. С такими лицами у нас гестаповцев в кино показывают.

Я оторопела.

— Федор Андреевич? Какими судьбами? — этому-то к чему по монастырям шляться?

— Честь имею представиться. Федор Андреевич Фохт, чиновник по особым поручениям Отдельного жандармского управления.

— Ах, недолгой была Ваша инженерная карьера. — автоматически съязвила я, как-то задев собеседника.

— Сударыня, наш разговор является государственной тайной, поэтому призываю Вас быть серьезнее.

Я помедлила перед следующей фразой, судорожно вспоминая, где могла проколоться. По всему выходило, что много где. Но жандармское управление курирует политические преступления, заговоры и прочую суету, к которой я постаралась не притронуться. Очень хорошо постаралась.

Меня до сих пор потряхивало от воспоминания, когда в одной комнате умирает мой муж, по-своему горячо любимый, а в другой я ворошу его бумаги, пытаюсь отделить зерна от плевел. С минуты на минуту могли прийти следователи — все же дуэли, хоть и разрешили, но могли расследовать. Страшные часы.

— И чем же моя скромная персона могла заинтересовать столь важного человека? — надо как-то удержаться на грани высокомерия и хамства. Свекор и его близкие впитали талант к этому с рождения, а мне пришлось осваивать интенсив-курс.

— У меня есть информация, что Ваш покойный супруг мог поддерживать связи с некоторыми неблагонадежными личностями.

— Мой покойный супруг. — тут мой голос дрогнул, правда не от скорби, а от гнева. К чему сейчас трепать его имя. — был самым преданным Царю и Отечеству человеком, которого я знала (святая правда, особенно учитывая мой круг знакомств). Он честно и бескорыстно служил Родине, и, если бы не трагический случай....

Вот тут можно и порыдать, и помолчать.

На нас косились прохожие, сцена получалась безобразной.

— Оставьте меня и Ваши нелепые подозрения. Всего хорошего. — и с достоинством удалилась.

Хреновато складывается монастырская скорбь. И вот тут в первый раз я серьезно задумалась, что замужество выйдет мне еще большим боком.

* * *

Двух дней не прошло, как горничная сообщила, что в гостиной меня ожидают. Я только вернулась с обедни, настроение было вполне таки благостным, вот зачем было все портить?

— Приветствую Вас, Ваше Сиятельство. — вот откуда в нем столько язвительности?

Рыбьи глаза замораживали все живое на глубину в два локтя. И я сама сочла его не лишенным обаяния? Бред какой-то. Это ж сколько мы тогда пили, что любовь к ближнему затуманивала разум?

— Я наводил справки о Вас, Ксения Александровна. — пауза. Прямо-таки МХАТовская.

— Узнали что-то интересное? — я немного изменила позу, так как корсет при допросе — дополнительная пытка.

Выражение глаз не менялось, как, впрочем, и остальная мимика.

— Любопытно мне, как барышня, всю жизнь прожившая в деревне, в глуши

Симбирской губернии, получила столь неординарное образование.

— Батюшка мой, Александр Дмитриевич, Царствие ему небесное, журналы выписывал. — Эту историю я всегда выдавала с видом лихим и придурковатым, хотя сейчас, в трауре, лихой и придурковатый вид был как-то неуместен.

— И с каких же журналов провинциальная барышня научилась разбираться во внешней и внутренней политике?

Я кокетливо заулыбалась и покраснела.

— Да разве ж я эксперт? Я так.... Слушаю разговоры умных мужчин, сравниваю.

— Вы, Ксения Александровна, сами свои выводы мужчинам объясняете. Доступнейшим способом. Сам тому свидетелем был.

— Ах, это.... Семейная размолвка, так бывает.

И такая пикировка продолжалась больше часа. Кто бывал у нас в гостях? Да я и вправду не помню уже. О чем беседовали? Преимущественно пили. И пели. Чтобы снова выпить и спеть.

— Я еще вернусь. В субботу, скорее всего.

Я выпростала из широкого черного кружевного рукава ладонь и подтянула к себе принесенную гостем газету. Полистала и отодвинула.

— Федор Андреевич, Вам будет не до меня в субботу. У Вас появятся совершенно иные заботы.

— Ну это вряд ли.

* * *

Полагаю, до Высочайших новостей меня не навестят. Еще по здравом размышлении, писем Фролушке я пока решила не отправлять.

Утро двадцатого октября выдалось ветреным и солнечным. Я совершила обычный свой моцион, выслушала как в церквях читают здравицу императору Александру, поставила две свечи за упокой и пошла прочь. Вечером ко мне никто не пришел.

Наутро город так же безмолвствовал. В газетах все так же печатали сводки о здоровье Государя и выражали осторожную надежду, что все еще выправится.

А глубоким вечером, когда все уже давно легли, в нашем флигеле раздался стук. Даже не так, раздался СТУК. Выносили дверь. Я выскочила в одном белье, на ходу заматываясь в шаль и обнаружила господина Фохта.

— Я должен задержать Вас, сударыня. — немного нервно заявил ночной гость.

— На каком же основании? — безумно хотелось спать. Просто нечеловечески.

— По подозрению в государственном преступлении. — а как глазки-то меня буравят.

— Помилуйте, Федор Андреевич, ночь на дворе, какие преступления, а тем более государственные, я могу совершать? — ветер пронизывает даже вглубь костей.

— Вы имели преступный умысел против Государя!

И вот надо мне было лезть со своим языком?

— Ни разу в жизни.

— Откуда Вам было известно, что Государь скончается?

— Да Вы что?! — вот-вот, изумления и горя побольше и перекреститься неплохо. — Какая трагедия!

— Но Вы знали!

— Понятия не имела, Федор Андреевич. Просто предположила, что за несколько дней Вы найдете лучший объект для изучения, чем я. По пятницам сюда новая партия паломников приезжает, поэтому есть шанс, что кто-то попадется куда более близкий вам по роду деятельности. — и глазками хлоп-хлоп.

— Я Вам не верю.

— Ваше право. Но рассудите сами — задержите Вы меня, рапорт напишете, где сообщите, что приставали к скорбящей вдове, а когда она предложила поискать более серьезных преступников, обвинили в государственной измене. С меня-то спрос маленький, а Вы — государственный служащий, таким глупости по должности совершать не стоит. — да, глумлюсь. Но у меня появилась идея.

— Не выезжайте из города без уведомления полиции.

— И Вам доброй ночи. — пожелала я удаляющейся спине. И пальчиком помахала. Средним.

3. Крыса, бегущая с корабля

— Вы, Федор Андреевич, велели уведомлять о моих перемещениях. Так вот, я уезжаю завтра. — и в ответ на недоуменно приподнятую бровь — К свекру моему, Николаю Владимировичу.

— С чего такая внезапная поездка, Ваше Сиятельство? — язвительно осведомился он.

— Скоро у моего покойного супруга день Ангела. Я хотела бы провести это время с семьей.

— Графиня, именины Вашего супруга — несколько раз в месяц. И Вы не один из этих дней провели здесь. — он ухмылялся мне в лицо. Хам.

— Петр Николаевич говорил мне именно об этом дне. И я проведу его на его могиле.

— Хорошо, мы сопроводим Вас в Вашем путешествии.

— Извольте, сударь.

И ведь сопроводил.

Как оказалось, прямого железнодорожного сообщения между Суздалем и Вичугой не было. Я провела два незабываемых дня в почтовой карете. Тут недавно была критика в адрес семейной повозки Татищевых? Все ложь и грязные инсинуации — то был СВ с лошадьёю.

Радуется, что господин Фохт сам не стал утруждаться поездкой, а препоручил меня заботам пожилого дядьки с пышными до неестественности усами и бакенбардами, тот, должно быть, еще декабристов застал. Зато было кому мой сундук таскать. Я уже почти научилась без слов намекать людям, что мне, маленькой хрупкой вдове, требуется помощь.

До ворот поместья сопровождал, старый черт, еще и язвил, что не встречают дорогую родственницу.

Вичуга, действительно, встретила меня холодно и мрачно. Окна светились только в людской, но камердинер Николая Владимировича быстро сориентировался, прибежали лакеи, разгрузили мои вещи, а меня препроводили в библиотеку.

— Здравствуйте, Николай Владимирович! Я прошу прощения за столь поздний и внезапный визит...

Свекор был затянута в черное, и был ли тут только траур по нелюбимому сыну, или еще и по Императору — Бог весть.

— Сударыня? Не ожидал Вас увидеть... столь быстро...

— Ах, рара, это ужасное стечение обстоятельств. Я бы не стала Вас тревожить без должных оснований...

— Неужели деньги закончились? — изогнул породистую бровь родственник.

— Ну что Вы такое говорите. Я не трогала наследство практически. — надулась я. — Ко мне приходил жандармский чин и выпрашивал о знакомствах Петеньки. Неоднократно приходил. Я сказала, что проведу День Ангела Петеньки на его могиле.

— Так у него же летом?

— А что я еще могла сказать, Николай Владимирович? Вы — достойнейший член общества, дворянин, офицер, серьезный мужчина. Вас не тронут. А над беззащитной вдовой... - и тут я залилась горькими слезами обиды. Меня до смерти утомила поездка, были неприятны эти придирки дурацкие. И, как бы ни хотелось забыть Вичугу навеки, придется потерпеть.

— Вы помните имя этого чиновника? — граф смотрел на меня со смесью жалости и

недоверия.

— Фохт. Федор Андреевич. — я всхлипнула. — Он однажды был у нас в гостях, в тот вечер, когда я выгнала Петиных гостей. Этих самых.

— Фохт? Что-то же я слышал о нем..... - он походил по кабинету. — Бумаги все уничтожены?

— Я оставила нашу переписку, Ваши письма и счета... Иначе странно бы выглядело.

— А Вы, сударыня, умнее, чем хотите казаться. — с легким одобрением заметил мужчина.

— Стараюсь, Ваше Сиятельство. Рядом с Вами трудно соответствовать, но я учусь.

Он усмехнулся.

— Идите спать, ученица.

* * *

И вновь потянулись дни вязкие, как кисель. Холодные трапезы в огромном зале, отчужденность родственников и прислуги, прогулки на кладбище. От одиночества или еще по какой причине я начала беседовать с покойным мужем. При жизни планы и проекты с ним не обсуждала, а тут гляди — уже и жестикулирую, отстаивая собственную правоту.

Недели через полторы мне снова назначили аудиенцию.

— Сударыня, Вас больше не будет обременять интерес этого господина. Можете возвращаться.

— Есть ли что-то, что мне нужно знать?

— Сударыня уверена, что хочет забивать этим свою очаровательную головку?

— О, Ваше Сиятельство, для Ваших рассказов там всегда есть место.

* * *

Федор Андреевич Фохт имел прелюбопытнейшую семейную историю. Дед его, Иван Федорович, родился ровно сто лет назад. Подобно прочим наследникам мелкопоместных дворян пошел в армию, дослужился до штабс-капитана, и в 1824 от большого ума и неумной тяги к социальным контактам вступил в Южное общество. Дальнейшая судьба его оказалась немного предсказуема, и осужденный по VIII разряду^[2], наш герой прибыл в Курган, где страдал от цинги, туберкулеза и костоеда. Что мне особенно импонирует — промышлял содержанием аптеки и врачебной практикой (к чему такие глупости, как профильное образование? Человек без видеоуроков на YouTube исхитрился освоить медицину. Наш парень). Характер имел непростой и обидчивый — будучи обвиненным в поджоге оправдываться не стал, следователям хамил, а когда хлопотами друзей был освобожден, еще и перестал общаться с ранее дружественным к нему губернатором Горчаковым. Когда Высочайшим повелением некоторым декабристам было разрешено отправиться рядовыми на Кавказ (сохраняя шанс на возвращение дворянства воинскими заслугами), состояние его здоровья пришло уже в полнейший упадок, и в феврале 1842 года он был похоронен все в том же Кургане.

Но несмотря на перманентное умирание наш герой исхитрился заключить тайный брак

с нехоти забеременевшей дочерью местного купца, правда ребенком особо не интересовался. Андрей воспитывался дедом, а после его кончины, стараниями Ивана Ивановича Пущина был устроен в Университет, но к наукам особой склонности он не проявил, зато патриотизм и честолюбие явственно били через край, и, сдав экзамены за второй курс, Андрей Иванович поступил в армию. Шесть месяцев спустя прапорщик Фохт начал свой долгий и полный приключений путь. Целью своей жизни он поставил искупление отцовского проступка, который почитал предательством государства и Императора. С упорством муравья двигался по служебной лестнице и вскоре после Крымской кампании стал штабс-капитаном. Женился на хорошем приданном, обзавелся наследником. Схоронил жену. Поучаствовал в русско-турецкой войне. Дослужился до звания полковника. Женился снова, на этот раз на симпатичной мордашке и умер, оставив незначительное состояние вдове и память о верном слуге Царя и Отечества сыну.

Федор Андреевич появился на свет 1860 году в костромском имении матери своей, Анны Николаевны, урожденной Гловой. До получения отцом потомственного дворянства оставался год, что особенно обидно. Поэтому, когда Фохт-старший оставил наш бренный мир, его вдова сохранила социальный статус, а Федор Андреевич еще лет десять ждал высочайшего рескрипта.

* * *

Итого, мы получили ревностного государственника с комплексом исправления ошибок деда, рьяного следака с оттенком национального перфекционизма и, вдобавок, теперь еще получившего по рукам. Вряд ли это добавит мне популярности.

Наутро я оповестила родственников, что буду крайне признательна за позволение пожить в столичном доме. В тишине и безмолвии траура.

4. Каменная сказка

Чтобы не расслаблялась, меня отправили в повозке. И дорога на этот раз была очень-очень долгой. Управляющий Вичуги — мужчина лет тридцати, одетый с иголки, с напомаженными усами и красиво уложенными волосами общался со мной строго в пределах необходимости. По-видимому, челядь Татищевых еще не получила циркуляра о том приняли ли меня в семью или объявили врагом (впрочем, и я еще не определилась в этом вопросе), поэтому выжидала. Господин Евлогин обошелся бы без ненужного сближения, но *noblesse oblige*^[3]. А я занавесилась от всех креповой вуалью и дремала. День, второй. Ночевки в придорожных гостиницах, сомнительная еда, молчание за столом и вне его. Тягостно, но я уже почти привыкла.

Уже в Тверской губернии, на границе с Новгородской, я попросила остановить экипаж у небольшой деревенской церквушки, очень древней по виду. Напугала священника своей суестью, помолилась об упокоении раба божьего Петра и вразумлении рабы божьей Ксении. А когда распахнула дверь храма — вокруг все побелело — снег налетел внезапно и пошел крупными, с виноградинку, хлопьями. Красиво, как в сказке, но... Пришлось останавливаться, лезть в мои сундуки — теперь их стало уже три — доставать одеяла и скрепя сердце делиться ими с попугачиком. Холодало. Я намекнула на вариант свернуть к ближайшей станции железной дороги и как-то сменить транспорт, но, пусть с тоской во взгляде, Евлогин продолжал следовать инструкциям графа.

В столицу мы въезжали в сумерках, и прикашливающий управляющий сам общался с солдатами на заставе, сам пояснял дорогу к усадьбе и лишь у самых ворот повернулся ко мне.

Опять-таки спасибо вуали — мое остолбенение не так бросается в глаза. Это не дом, это Усадьба. Вот так, с прописной буквы и на Вы. Три этажа, уходящие в небо, колоннада, увенчанная портиком, имперские бело-желтые цвета, крыльцо на пару десятков ступеней, участок земли вокруг. И мы с Петей могли бы здесь жить... Ну не сразу, после определенных событий, и, если бы Петя не был столь общителен с сослуживцами, этот дворец мог бы стать моим. Ближе к пенсии я смогла бы тут гулять, ухаживать за садом, принимать гостей... отстреливаться от революционеров... К черту, пусть все идет, как идет.

Меня подвезли к парадному крыльцу и тут я почувствовала свое полное ничтожество на фоне великолепия ливреи дворецкого и двух лакеев.

— Алексей Трифонович, это вдова Петра Николаевича, графиня Ксения Александровна. Поживет тут пока. — снедаемый приступами кашля выдавил управляющий.

— Проходите, Ваше Сиятельство, жалость-то какая, что так свиделись. — чопорно ответил почти двухметрового роста жилистый старик.

Мои вещи как-то сами собой исчезли на просторах дома, и я едва успела им вслед попросить не распаковывать пока багаж.

Я не буду описывать жилище Татищевых, потому что в мое время так выглядят богатые музеи. Если коротко — то там было все — высоченные потолки, огромные люстры, мраморная лестница с вазонами, столовая человек на 30 — и это лишь Малая, библиотека с этой самой стремянкой, диваны, обитые бархатом, семейные портреты на стенах, камин, куда можно заходить в полный рост. Что ни вспомни из учебника искусствоведения — все есть. Пока только привидения не попадались. Мебель почти вся покрыта чехлами в

отсутствие владельцев, так что судорожно обживали помещения только для меня — столовую, библиотеку, спальню (с ванной). Как в фильме ужасов первый ужин — я одна в сумрачной столовой при одном подсвечнике ем пирог. Стол уходит во тьму, но застелен крахмальной хрусткой скатертью с вышитой монограммой Т.

Прислуга еще чудесатее, чем в Вичуге. Во-первых, я не понимаю, сколько людей в доме, а дворецкий особо не распространяется. В основном вообще никого не вижу, но иногда слышу шорохи, шаги и тихие разговоры. На меня ходят смотреть экскурсиями, так что самое ценное приходится спрятать в сумочку и все время носить с собой.

* * *

Единственный раз я заслужила некое подобие тепла от Алексея Трифионовича, когда попросила рассказать о портретах. После четвертого комплекта предков я сбилась, и просто шла, и кивала, рассматривая потемневшие лики. В пышных париках, золоченых мундирах, в перьях и бриллиантах. Высокомерные, с гордой выправкой, казалось каждый предок с недоумением и брезгливостью спрашивает: «Кто ты и что тут делаешь? Тебе здесь не место». Но я пять лет в офисе продержалась, какие-то мертвецы уже задеть не смогут.

* * *

Через несколько дней горничные шептались, что Евлогин слег с горячкой и уже не поднялся. И вот стоило это молодой жизни? Прислуга начала поговаривать насчет новой графини, что мужики рядом так и мрут. Лакеи забыли дорогу к моим покоям, а для прогулок стали выделять старого горбатого кучера Мефодия. И я даже не упоминаю, что лошадь явно запомнила Бородинское сражение. Впрочем, это меня явно не касалось, так как в случае чего решать все проблемы кучеру, но сам факт... На улицах иногда попадались трупы лошадей, ибо службу эвакуации с ломовыми тарифами придумали не в двухтысячных.

Да и сам город за границами дома выглядел по-разному. Живенько. Многие вещи, которые тут обнаружили, в учебниках истории не отражены, а зря. Начнем с того, что жизнь в Петербурге 1890-х была наполнена ароматами. Скажу больше — она была соткана из самых разнообразных, и не всегда вдохновительных запахов. И главные разочарования сконцентрировались ниже пояса.

Первое, то меня капитально подкосило — это гигиена. Дом Татищевых считался весьма себе уважаемым, так что у господских спален еще можно было найти ватерклозеты. Пусть я не сразу их идентифицировала, и смывать свое добро из кувшинчика — это не очень удобно, хотя и куда лучше, чем ночная ваза в доме Фрола. А вот у прислуги все было намного проще и для разных нужд народ использовал черную лестницу. А как я уже упоминала, прислуги в доме было много. Центральной канализации пока еще нет вовсе, так что нечистоты сливаются как есть в малозначимые речки или собираются золотарями. Эти герои перемещаются по городу в ночи, распространяя неперебиваемое амбре, собирают содержимое выгребных ям в бочки и снова едут в поисках работы. Так что я уже приучилась закрывать окно, когда шум телеги раздается во тьме. И это еще холода — летом будет интереснее. А ведь уже столько изобретено, но простую канализацию, известную еще со

времен Крито-Микенской культуры (четыре тысячи лет, на минуточку), внедрять не получается.

Во-вторых, лошади. Господа, я уже скучаю по двигателям внутреннего сгорания, потому что несколько десятков этих прекрасных животных рядом дают не только красивую картинку, но и три пуда продуктов жизнедеятельности за полчаса наблюдений. И эти самые продукты оперативно убирают только на Невском проспекте, а уже на разных малозначимых переулках бывает по-разному. Где-то домовладельцы предвосхищают теорию разбитых окон Уилсона-Келлинга и смыкают плечи в борьбе с мусором. А кое-где четыре дня подряд у обочины дохлая кошка пролежала, прежде чем ее навозом накрыло. Но претензии у меня больше не к лошадям, а к их собственникам — о ПДД понятия не имеет никто. Каждый поворачивается и едет так, как ему подсказывают внутренние порывы, так что регулярно можно услышать визг, крики и хрипы пешеходов, чьи намерения скрестились с извозчиком. Да, и подрезать друг друга начали не только когда я села за руль.

В один из самых ветреных дней я получила уникальное письмо. Первое от моей любезной мачехи.

Une chère madame Tatichtcheva!

En sympathisant de tout mon coeur avec vous dans votre chagrin, je crois possible de conseiller. À si temps pénible il est toujours utile d'avoir un côté à côté bon ami, qui pourra diviser les peines de la perte. L'apparition de l'associée dans votre maison deviendra le bon signe pour le beau monde.

J'ai l'honneur de recommander ma cousine Natali Tchernychova. Cette personne est octroyée de la multitude de vertus et deviendra votre bon ami.

Avec les meilleurs souhaits de l'Île O.T. [4]

Тихо матерясь, я перенабирала ее птичий почерк на телефоне, запершись в комнате. И ведь открытым текстом говорила ей, что знаю только английский. Перевела, прочитала. Вспомнила много всяких неприличных слов.

Но делать нечего, мадмуазель Чернышова появилась уже наутро.

Особа, обладающая множеством достоинств, оказалась мрачной молодой женщиной неопределенного возраста с бледной кожей, темными волосами, тонкими губами и лихорадочным блеском в глазах. Ростом еще мне по ухо, что вызывало неприятное ощущение Гулливера в стране лилипутов. Тут в общей массе народ мелковат, а я продукт акселерации, так еще и в доме теперь на такую наткаться.

— Чрезвычайно рада нашему знакомству. — максимально тепло при слабой кособокой улыбке протянула я. Книга о хорошем тоне советовала избегать улыбок, и особенно настороженно я вела себя с женщинами — мужчине-дураку легко заморочить голову, с умным несложно договориться, а тут — минное поле.

— Взаимно — сделала книксен гостья.

Мы расположились в шелковой гостиной — это комната, стены которой на самом деле были обтянуты китайским шелком с райскими птицами. В первые дни я еле дождалась, пока выйдет прислуга, чтобы изучить все узоры. Сногсшибательная тонкость работы.

После некоторого тягостного молчания я начала разговор.

— Вы родственница Ольги Александровны? — вот как узнать у человека, почто его мне навязали.

— Да, графиня была столь добра ко мне, после смерти родителей. — глухо произнесла гостья.

— О, я Вам сочувствую. Мои родители тоже на Небесах. — я мелко перекрестилась.

Мы еще немного помолчали. Ситуация становилась все тягостнее и нелепее.

— Чем бы Вы предпочли заниматься? — уточнила я.

Ведь в сущности все, что я знаю о компаньонках — обрывки фильмов и романов, которые не так уж много имели общего с действительностью. Компаньонка там — либо прыткая молодая особа, которая мгновенно выскакивает замуж за поклонника хозяйки, либо угасающая старая дева, или бедная материально, но чрезвычайно богатая духовно родственница. Недавно эта карьера могла стать верхом моих мечтаний, а теперь мне придется как-то пристраивать эту барышню. Причем занять ее надо с утра и до вечера, потому как соглядатай от любезной свекрови мне как-то не особо нужен.

— Чем Вам будет угодно. — так же бесцветно ответствовали мне.

— Вряд ли я сейчас лучшая спутница для развлечений. — обозначила свои планы я. — Обычно по утрам я посещаю молебны в память о моем безвременно почившем супруге. А после читаю.

— Я могла бы читать Вам вслух...

Театр у микрофона.

5. Этика и психология аристократической скуки

Жизнь потекла с пробуксовками. Мы с компаньонкой вместе завтракали, ходили в ближайшую церковь, читали газеты, не комментируя новости, молчали. Несколько дней такого великосветского комфорта — и я кукушечкой отъеду.

— Наталья Осиповна, может быть, Вы любите рисовать? Или вышивать?

— Как будет угодно Вашей милости — мгновенно отозвались с другого угла стола. — У меня нет особых предпочтений в рукоделии.

Ну вот куда мне ее теперь засунуть?

Эта женщина проникала в мою жизнь ненавязчиво, но настырно. И вот я уже гуляю только в ее компании, читаю одни и те же книги, причем она склоняется к провокационным и временами запрещенным изданиям. Обсуждаем народников, земских врачей и прочих идеалистов своего времени.

Вот не понимаю, зачем графу было устраивать мне такую проверку на вшивость? Поначалу я терпеливо выслушивала и сворачивала разговоры на нейтральные темы, а позже перестала стесняться монархических взглядов и жестких аргументов в пользу смертной казни и вертикали власти. Наталья Осиповна поджимала губки и сопела.

Но потихоньку, в Рождественский пост я начала замечать ослабевание интереса к своей персоне и порой госпожа Чернышева ускользала из Усадьбы, причем наивно полагала, что этого никто не замечает. Я малодушно радовалась и пользовалась ее отлучками чтобы успевать зарядить свою технику, да и просто отдышаться без тотального контроля.

В Святки, которые я тоскливо просидела взаперти дома, моя компаньонка ушла в загул, пропадая где-то всеми ночами и тихо дремля за вышивкой днем. Тайком поглаживала кулон, появившийся после Нового Года. Как-то удалось подсмотреть этот таинственный подарок — серебристый крест из двух молоточков. Странный символ. Я уже начала задумываться, что это рано или поздно должно вылиться в беременность и уж тогда-то я точно от нее избавлюсь, поэтому замерла в предвкушении, не задавая ни одного вопроса вообще. Шел январь.

Раз госпожа Чернышова отсутствовала до обеда, и тогда-то мне приспичило поискать у нее одолженный накануне альбом.

Комната не хуже и не лучше моей. А ведь это не так уж вежливо, хотя куда мне до приличий. На открытых горизонтальных поверхностях ничего похожего на альбом не наблюдалось, поэтому я заглянула под кровать, а потом в секретер. Открыла его, несколько минут рассматривала содержимое, потом закрыла и тихо-тихо вышла в коридор.

* * *

Ах ты, бесцветная немочь, нет у нее предпочтений в рукоделии. Бомбу, значит, сделать ей убеждения позволяют, и в чужом доме хранить — тоже можно.

Я сделала несколько вдохов и попыталась успокоиться. Изрядно потряхивало, так что пришлось отойти подальше от дома, к конюшням, где меня, зазевавшуюся больно ущипнула престарелая лошадь. И почему даже она меня ненавидит?

Отпрянула от меня и склонила голову, вывернув ее под неестественным углом, отчего

глаз закатился и в целом она перестала выглядеть жильцом. Из конюшни ковылял Мефодий.

— Ваше Сиятельство, не гневайтесь, соскучилась она.

Вот кто в такую чушь верит, а? Даже эта злыдня заржала.

* * *

Я пробежалась по усадьбе в сильном волнении. Попросила мажордома пригласить ко мне стряпчего и заперлась в библиотеке.

На всякий случай оформила завещание. И теперь, если я скончаюсь или от меня не будет вестей 5 лет, то половина моего имущества, накопленная к тому моменту, уйдет Фролу, небольшие суммы Фёкле и Данилке. Оставшаяся часть — Наташеньке Татищевой по достижении 19 лет, если она не вступит до этого в брак. Так у нее будут собственные средства, потому что отец вряд ли даст ей самостоятельность, а девочки должны помогать друг другу. Свидетелями стал сам мажордом и пожилой камердинер Николая Владимировича, которого я сама увидела впервые. У дядьки были такие бакенбарды, что хотелось их потрогать, чтобы поверить, что они настоящие.

— Алексей Трифионович, загляните потом ко мне. — попросила перед уходом посторонних.

Мажордом возник из сумерек, невозмутимый как скала. Он вообще хоть когда-нибудь улыбаться умел?

— Мне нужно передать письмо Николаю Владимировичу так, чтобы ни о письме, ни о посланнике не узнала ни одна живая душа. Полагаю, после этого он сам появится и даст необходимые указания, но сделать надо очень быстро. Есть ли у Вас здесь кто-то нелюбопытный и крайне исполнительный?

«Милостивый Государь! Особа, присланная въ Вашъ домъ, подвергаетъ опасности Ваше благополучіе и способна привлечь профессиональный интересъ челоуѣка, о которомъ я у Васъ справлялась. Необходимо Ваше срочное вмѣшательство. И будьте съ ней очень осторожны.

К.Т.»

Следующее письмо я написала для родственника и отдала камердинеру — тот оказался неграмотным, что крайне упростило мою задачу.

«Глубокоуважаемый Наставникъ!

Я постаралась соблюдать максимальную осторожность, и это письмо Вы получите только если она не поможет. Рекомендованная мнѣ особа, Н.О.Ч., оказалась участницей тайнаго общества со склонностями къ общественно опаснымъ дѣяніямъ. Мнѣ удалось обнаружить спрятанную въ домѣ взрывчатку и сегодня я планирую объясниться съ ней, дабы избавить Васъ и себя отъ послѣдствій ея губительныхъ поступковъ. Въ любомъ случаѣ, всё ужѣ какъ-то разрѣшилось. Такъ что спасибо Вамъ за всё, что для меня сдѣлали и Храни Васъ Господь.

К.»

— Голубчик, ты уж не забудь отдать, как только граф приедет, хорошо? Тебя Николай Владимирович сам отблагодарит за это.

— Сделаю. — степенно отвечал камердинер, убирая запечатанный сургучом листок за пазуху.

Незаметно следить за кем-то легко только в кинематографе. Поняв, что скрываться глупо и слишком сложно, я спрятала дерево в лесу.

— Наталья Осиповна! — я подхватила ее под руку. Не ту, в которой был небольшой кожаный саквояж, а другую, с маленькой книжкой. — Какая радость, что мы встретились. Я, знаете ли, тоже решила прогуляться... Погоды стоят замечательные, что дома киснуть?!

Судя по лицу компаньонки, она бы с удовольствием меня под камушек положила в капустную кадку, лишь бы я прокисла понадежнее.

— Да и скользко, не ровен час — упадете. Вместе-то веселее. — щебетала я. Эта роль мне удастся из рук вон плохо, но играю всегда до конца. Лучше выглядеть глупой, чем опасной. — А Вы гуляете или по гостям?

— По делу. — процедила Чернышова.

— Вот и славненько, я Вам и помогу, а то что ж только Вы мне...

Наталья Осиповна была раздираема противоречиями — неспроста она столько времени хранила бомбу, чтобы просто от нее избавиться. Но и я категорически мешала.

— Я бы с удовольствием познакомилась с Вашими друзьями.

И буквально потащила ее в логово людей новой формации. Любопытно посмотреть на такое вблизи. Цельный план в моей голове пока не сложился, поэтому пришлось импровизировать. Отлучать дурочку от дома чревато истерикой и взрывом родового имения. Убеждать голословно — бестолково, по себе помню. А вот прийти туда и осрамить компаньонку по полной, чтобы ее больше не звали — поначалу показалось вполне заманчивым ходом, и только по мере приближения к глухому складу на Лиговке вдруг стало доходить, что никто не узнает, где могилка моя. Да и вряд ли там собираются только чистоплюи-студентки, которым совесть не позволит убить женщину. И вообще весь мой замысел — какофония бреда, женская истерика, и надо бежать, бежать и не оглядываться.

Но Наталья Осиповна как-то увереннее себя почувствовала, когда от стены отделилась мужская фигура, а я сообразила, что бежать поздно. Попалась мышка к кошке в лапы... А ведь могла бы тихо и привольно жить в маленькой комнатке над лавкой, штопать бедовых девиц и флиртовать с городовыми. Так там хорошо сейчас, наверное, тепло. Никитишна ужин готовит, Фекла пристроилась рядом со своей бело-голубой чашкой и немногословной неспешной беседой, Фрол мальчишек уму разуму учит. За окнами замерзшая Крапивная улица, на которой никогда ничего не происходит. Почему-то стало понятно, что этого ничего у меня больше не случится. Вообще. Что бы я ни сделала, та жизнь ушла навсегда, и последний капли ее сейчас стекают вдоль позвоночника капельками панического пота.

— Чего гуляем, сударыни? — развязно обратился к нам молодой мужчина в потертом пальто с длинным шарфом на шее. Он глухо кашлял и я сначала подумала о действенности моей вакцины от туберкулеза, а потом опять же внутренний голос посоветовал не заморачиваться на мелочах. Туберкулез меня уже вряд ли озаботит.

— Лютик, это родственница моя. Познакомиться хочет. — деловито ответила Чернышова, на глазах превращаясь из бесцветной моли в энергичного борца за идею.

— Что ж, познакомим. — меня смерили с ног до головы и без малейшего перехода к романтике легонько приложили о стену. В общем, как дышать я вспоминала не одну и не две минуты, а перед глазами плыло... Чернышова быстро моим же шарфиком замотала глаза и

меня повели в народ.

Откуда в разночинной интеллигенции и рабочей среде крепла вера в пользу от убийства царя — мне неизвестно. В общем-то и фактически случившаяся бойня в доме Ипатьева мало кому принесла радость. Более того, значительная часть народа этого просто не заметила. И сейчас — народовольцы убили Александра II — получили более консервативного третьего. Вполне таки мягкотелый Николай позволил жить и процветать множеству неформальных организаций, что вряд ли допустил любой его потенциальный преемник.

Здесь компания идеалистов собралась почти карикатурная — помимо выдры-компаньонки и Лютика (вот же с кличкой не повезло товарищу), я слышала еще несколько голосов.

— Принесла? — требовательно спросил чуть ломающийся мальчишеский голос. И тут же возмущенное. — А это еще что?

— Простите, не могла избавиться. Это графиня Татищева, у которой я живу. — бойко отчиталась Наташенька. — Увязалась со мной по улице.

— И что теперь? — возмутился Мальчик.

— Ее искать не будут — убежденно твердила она. Вот где еще узнаю такие подробности. — Она семье своей поперек горла — еще и приплатили бы, коли пропадет.

Меня толкнули на стул и споро примотали к спинке. Делу уже некуда становиться хуже, но у дна всегда есть горизонты.

— Понятно. — это уже более рассудительный и взрослый голос, с хрипотцой застарелой чахотки. — Впредь умнее будь и осторожнее. А чуждый элемент, ты же говорила, что она монархистка?

Она еще и про меня рассказывала всем, кому не попадя? Что ж я одним письмом-то не ограничилась? Честь рода решила спасти... Как говаривала моя бабушка, и дурак-не дурак, и умным не назовешь.

— За царя она. Сколько раз оскорбляла наших павших товарищей и переживала, что нет на нас... Какое-то имя... Что, Ксения Александровна, расскажете, кого на нас нет? — засмеялась девушка.

— Иосиф Виссарионович с вами еще рассчитается. С теми, кто дотянет до смены строя. — прошипела я из-за повязки.

— Вот-вот, именно его и называла. Это в жандармерии кто-то новенький?

— Вроде не было... — протянул Старый. — Виссарион... Это армянин что ли?

— Грузин. — буркнула я.

— Нет, таких точно нет. — успокоился мужчина. — Небось из монархистов каких... не важно. Франт, успокой барышню — вот заодно и проверку пройдешь. А то что-то не нравишься ты людям...

— Успокоить? — бесцветно отозвался еще один мужчина издалека.

— А что, барышня у нас молодая, горячая. Ее бы и Лютый успокоил, да ему я верю. А ты пока белоручка. — с меня наконец сорвали шарф и я жмурилась даже на небольшую керосиновую лампу, освещающую просторную комнату без окон, стол, несколько стульев, кучу мусора. У Прянишникова склад похожий был, там Фрол раз свой товар хранил временно. Вот и двери в чуланы. Точно такой же.

Старик оказался совсем и не старым, чуть постарше меня мужчиной с редкими чуть тронутыми сединой пшеничными волосами, близоруко щурившимся слезящиеся глаза. Этот до Сталина, может, и доживет. В двадцатых боевых революционеров только начнут

пересчитывать, а в тридцатых — обнулят. Он как раз пенсию в лагере встретит. Или на Бутовском полигоне. Мальчик — просто классический студент-бомбист — худенький, с лихорадочным блеском больших выпуклых серых глаз под черными кудрями, поигрывал цепочкой с необычным подвесом в виде перекрещенных молоточков. Полагаю, Чернышова на тебя повелась.

А вот Франт... До чего же нелепая смерть... Нет, не пухлый обаяшка с гламурным маникюром и дорогим парфюмом, как один известный историк моды. Этот трогательный худощавый очкарик, нервно перебирающий в руках трость, со строгой стрижкой тускло-пепельных волос — ведь отросли же за пару месяцев, как и усики — с отстраненным любопытством энтомолога наблюдал за моим пленением.

* * *

Я открыла рот и... закрыла. Толку-то? Ну сообщу я всем, что Федор Андреевич Фохт — жандарм. Так обоих завалят.

— Она его знает. — вдруг проняло Чернышова. И откуда только взялась подобная пронизательность?

— Вряд ли. — спокойно ответил Фохт. — Но познакомиться мы точно сможем.

Он встал, отряхивая добротное черное драповое пальто с меховой оторочкой воротника, медленно натянул перчатки, достал откуда-то странный предмет — шнурок с двумя рукоятками, и направился ко мне. Гаротта — всплыло в памяти.

— Прямо здесь? — уточнил он, не глядя на старика.

— А почему бы и нет. — тот откинулся на стуле.

Нет, ну не может же он... Но по глазам видно, что может.

Он приблизился ко мне, поднял двумя пальцами подбородок.

— А могла бы еще жить и жить. — с каким-то циничным сожалением произнес он, проведя ногтем по шее.

Обошел стул со спины, наклонился, чтобы отогнуть воротник тальмы.

— Быстро падайте. — мне же послышался этот шепот? И тут же горло опоясала резкая боль, я схватилась за шею, успев почувствовать влажное на кончиках пальцев, и боль вдруг отступила. Но играть-так играть — я хрипела, но недолго и осела на его руки. Сука он, все-таки.

— А теперь унеси вон, в чулан. — медленно проговорил Старик.

Фохт хмыкнул, ослабил веревки, с легкостью перевесил мое тело на плечо и побрел к чулану. Уже открыл дверь. Ну и пыльно же тут...

— Стой! — окрикнул Лютик.

Он сделал несколько шагов к нам. В носу чесалось, да и пульс бил чаще обычного.

— Проверить бы надобно...

— Сомневаешься? — со смешком произнес Франт.

— Да. — Наталья Осиповна стояла над раскрытым саквояжем.

И тут я провалила все дело, оглушительно чихнув.

— Черт! — Фохт бросил меня вглубь чулана на ходу выхватывая пистолет, послышались крики, ругань, стрельба, нас подбросило, его тело накрыло меня и наступила тишина.

Сырая темная гулкая тишина.

1. Падение

— Федор Андреевич! — я даже не шептала, а каркала. — Вы здесь?

«Здесь» — это крайне сомнительного вида переулочек, в который мы неблагоприятно вылетели после взрыва. Шляпка моя, определенно, ни на что более не годилась, да и перчатки тоже шли на выброс. В голове шумело, но явных переломов заметно не было. Когда глаза привыкли к темноте, я нащупала кирпичный выступ и чье-то колено.

— Федор Андреевич! — дотянулась до головы, пощупала пульс и наконец-то услышала мычание. Жив. И то какое-то облегчение, хотя... Прости меня, Господи.

— Что....

Мы с трудом поднялись. Видок не очень, но его потрепало сильнее — рукав превосходного пальто порван, котелок смят, а трость сломана.

Тренькнул телефон и я не сразу обратила внимание. Снова тренькнул. Он ЖИВ!!!!

Дрожащими пальцами я открыла кармашек муфты, вытащила расшитый райскими птицами чехол для зеркальца и открыла край, за которым прятала остатки своей цивилизованности. Зарядки хватало еще на пару-тройку часов — сегодня мне нечего было фоткать — но была сеть. И несколько неприятных вызовов. И прямо сейчас пришло сообщение, что с 16.48 19 февраля 2015 (Пятнадцатого, Карл!) года я нахожусь в роуминге по России. На моих глазах автоматически пополнился баланс, и я заплакала. Я дома. С моего падения в чертов мельничный погреб прошло 3 часа. Или два года. Смотря как считать.

Я в безумном порыве бросилась к железным воротам с магнитным замком — изнутри дворика его можно открыть кнопкой, и опасно выглянула наружу.

В Санкт-Петербурге прекрасно все. Но никто и никогда не любил Лиговский проспект так, как я в эту минуту. С трепетом — и не было ничего страшнее — выбрала самый важный номер и услышала то, что ждала эти два года сильнее всего.

— Доча, здравствуй, как ты?

— Мама. — я не видела больше ничего, но это неважно. — Я тебя люблю.

— Ты плачешь, что случилось? — переполошились на том конце провода.

— Ничего, мам. Я в командировку уехала на пару дней в столицу. Завтра-послезавтра буду дома. Давай в кафешку сходим или в кино, хорошо?

— Дда... Точно все хорошо?

— Лучше не бывает, мам!

Шефу я написала смс, что встреча не состоялась и до понедельника нужно договориться о новой. А вот после этого обернулась к своему спутнику. Ну... Если бы я отрастила сейчас вторую голову и пару-тройку щупалец, удивлялся бы от вряд ли больше.

— Федор Андреевич! Имею честь пригласить Вас к себе в гости. Я только попрошу Вас помолчать во время поездки при посторонних, хорошо? — и даже имитировала кривенький реверанс.

Он как-то неприветливо посмотрел на меня, но бить не стал.

— Что происходит, Ваше Сиятельство? — очень холоден. Прямо-таки сухарь. Конечно, когда на скорбящую вдову орал на своей территории, был более уверен в себе.

— Вы так много на придумывали обо мне, Федор Андреевич, а все было куда проще и удивительнее. Я не авантюристка, не революционерка и не шпионка. Я просто моложе Ваших правнуков.

Я приоткрыла дверь и залюбовалась его лицом. В общем-то стоило испытывать жалость, но я в свое время прошла это одна, а он в хорошей, можно сказать, понимающей компании.

Он с непередаваемой смесью ужаса, любопытства и ошарашенности смотрел на проносящиеся (ну громко сказано про скорости в час пик, но все же) автомобили, спешащих и не обращающих внимания ни на что людей и почти вывалился наружу, когда я втащила его обратно.

— Это... что?

— Это Питер, друг мой, лучший город на Земле. А мы едем домой.

Вместо дальнейшей беседы мой спутник решил что-то свое и рванул к двери, из которой мы выпали. Это не подвал в Саратове, столица. Поэтому ему попался бак для отдельного сбора мусора.

Что я могу сказать? Федор Андреевич — человек долга и джентльмен, который умеет держать себя в рамках, хорошо играет разные роли, и вряд ли сам помнит, что такое искренность, а я увидела и услышала не должностное лицо, а живого человека. Наверняка матросы бы позавидовали.

— Ну как, полегчало? — я подошла к нему и погладила по спине. Все же сама-то ревела целую ночь. И это я еще хоть теоретически знала о таких приключениях и о времени, в которое попала. Хотя кто знает, что легче. Я вот жила почти тридцать лет и не ожидала, что Россия окажется втянутой в конфликт не только на юге, но и на западе. Было бы мне комфортнее в пятнадцать, если бы я знала, что по ночам будут взлетать в небо многоэтажки, в театре захватят заложников, а сентябрьская линейка выкосит почти целую школу? Пожалуй, свой ад есть у каждого поколения.

— Сударыня, если это Ваша очередная шутка, то она слишком затянулась. — он холодно отстранился от моих рук. Ой, какие мы гордые.

— Федор Андреевич, Вы же логик и здравомыслящий человек. Я не обладаю силой способной перестроить столицу за пятнадцать минут. На дворе две тысячи пятнадцатый год. Попробуйте это принять.

Я дала ему шанс прийти в себя.

— Федор Андреевич, нам нужно раздобыть денег. Подождите меня здесь, дверь полностью не закрывайте — мне тут через улицу буквально перейти надо.

— Вы грабить собрались? — практически уверен в ответе.

— Ну вот Вы опять за свое. — рассыпалась в смехе. Оказывается, это так легко — быть беззаботной на своей территории. — Нет, конечно. Я столько не награвлю. Буду возвращать свое, честно заработанное.

И на его глазах начала раздеваться. Конечно, подразнить его всегда было приятно. Сейчас это получится даже безнаказанно. Мне пришлось снять все нижние юбки и на уровне коленей укоротить верхнюю — она все равно немного порвалась, так что не очень жалко. Но любопытно, что пронеслось в голове у моего спутника, когда я совершила столь развратный поступок.

Мне жутко повезло, что телефон до сих пор жив. Вызвала такси, обрадовав водителя поездкой за полторы тысячи километров и крякнув от цены. Потом таки добыла деньги из воздуха. Благодаря приложению Сбербанк-онлайн, я сначала перевела на Яндекс-кошелек те деньги, которые хотела потратить совершенно иначе, а потом уже через бесконтактный (хвала высоким технологиям) банкомат Альфа-банка получила наличку. В родном городе

такое еще не прокатывает, так что хорошо, что мы попали именно в Петербург. Странно, правда, куда делись два года, но об этом я подумаю потом.

Я покосилась на гостеприимную подворотню, заглянула в ближайший супермаркет, купила орешков, шоколадки, минералку, чипсов и бутылку коньяка. Большую. Не удержалась, зашла в магазин косметики. На чуть-чуть всего. Замучилась краситься первобытными способами.

Пока переходила дорогу, подъехал знавший лучшие времена серый Focus с меланхоличным азиатом за рулем, который на ломаном русском попросил аванс. Я кивнула, отдала половину (ах, номинал такой суммы еще полдня назад позволил бы мне прикупить маленькую дачку) и нырнула в подворотню.

Федор Андреевич все-таки крепко сдал. Его и без того не шибко жизнерадостное лицо приобрело землистый оттенок, а под глазами залегли тени.

— Пальто снимите, пожалуйста. — попросила я. Все же надо тротуар пересечь без любопытства полицейских. У нас на двоих только моё водительское удостоверение, а этого маловато в смутное время.

Он безропотно выполнил мою просьбу, положил одежду в пакет, куда отправились и мои нижние юбки, я вознаградила его коньяком, принятым с удивительной благодарностью, и мы двинулись в путь. Впереди нас ждали 22 часа дороги.

Вопреки моим подозрениям, водитель хорошо умел пользоваться навигатором (я несколько раз пихала жандарма локтем, чтобы он перестал пялиться на приборы), и ехали мы бодро. Я благополучно задремала еще на окраине, но каждый раз, просыпаясь видела, что Федор Андреевич окаменев смотрит в окно. По ночи трасса не самый тур-объект, но попадались фонари, заправки, придорожные кафе.

В Валдае мы вышли подышать свежим воздухом, я буквально за руку проводила его в туалет, откуда он вышел весьма впечатленный.

— Как Вы, Федор Андреевич?

Он искоса бросил одичавший взгляд.

— Не могу сказать, Ксения Александровна. Все еще надеюсь, что это контузия. — он помолчал, и шок сменился подозрительностью. — Или Вы, сударыня, не Ксения Александровна?

— Ну что Вы, — я достала из чехла телефона права и он с минуту любовался моей не очень удачной фотографией.

— Но как?

— О, Федор Андреевич, это удивительнейшая история. Однажды я вышла из дома....

А краткий-то рассказ о моих приключениях куда веселее реальной жизни.

Возле Твери из-за аварии на трассе мы попали в пробку, а он наконец задремал, нечаянно склонив голову мне на плечо, а после сполз на колени. Странное ощущение абсолютной чуждости и, одновременно, близости.

Я пару часов сдерживалась, а потом все же дотронулась до его волос. От первого же прикосновения мужчина вздрогнул. Открыл глаза, и надежда на лице сменилась обреченностью.

Я погладила его по волосам.

— Все наладится, Федор Андреевич, все наладится.

Б..., как оно наладится? У него-то как? Я смогла чудом вывернуться с документами, с хорошей легендой, которую, положив руку на сердце, никто не захотел всерьез проверять.

Придумала себе работу (дай Бог здоровья Фролушке. Хотя какое ему сейчас здоровье?), вышла замуж, оказавшись настоящей Золушкой. А у нас ему, живому анахронизму, что делать? Он даже от любой заразы иммунитета не имеет.

Анахронизм тяжело вздохнул и уставился в окно. Я же, слыша урчание в обоих желудках, протянула ему предусмотрительно раскрытый сникерс.

— Благодарю.

Телефон благополучно сдох и мы ехали в полной информационной тишине, пока водитель не включил радио. Фохт резко вскинулся, начал озираться. Я прошептала ему на ухо:

— Не обращайтесь внимания. Это радио. Инженер Попов скоро покажет его в действии.

Звуки передаются на расстояние.

— Вот так просто? — сухо уточнил он.

— Ну, как телеграф, только звук. Вообще не совсем так, но Вам проще понять будет.

Новости не особо вдохновляли. США не могут определиться, уходят ли они из Афганистана (изумленный взгляд), Киев предаёт анафеме Донецк, оттуда отвечают взаимностью, санкции, Путин встретился в Кремле с ветеранами, Греция все еще продолжает уходить из Евросоюза.

На Федора Андреевича больно глядеть.

В Шацке остановились в придорожном кафе. Водитель быстро поел и пошел курить с дальнобойщиками, а мы ковырялись в сомнительного вида салатах, сидя в углу.

— Этот трактир — не подходит графине, — обронил Федор Андреевич.

— Федор Андреевич, графиня потерпит. — я пожевала фрагмент кальмара, и решила, что ровесников жрать неэтично. — У Вас ко мне будет много вопросов, но кое-что я предупрежу сразу: я не знаю, как вернуться обратно и почему это все случилось. Подобные истории и у нас, и у Вас считают сказками, как Рипа Ван Винкля господина Ирвинга.

Ой, надо как-то работать над словарем. Я так старалась подстроиться под язык Прекрасной Эпохи, что теперь затруднительно общаться с родной средой.

2. Приземление

Около четырех часов дня мы пересекли границу родной губернии, традиционные колдобины поздравили с этим куда доходчивее табличек, и в густеющих сумерках мы таки приехали к парковке, где под тонким слоем снега стоял мой жук. Мой жучок!!!!

Я расплатилась с водителем, вытащила наружу Фохта, достала фрагмент ключа, которым пусть не с первой попытки, но отключила сигнализацию и завела двигатель, выдохнула и гостеприимно распахнула дверцу. Хорошо, все-таки, что я заслуженная росомаха и храню прочие документы в машине.

— Поехали!

Он все-таки пребывал в оцепенении. Некому было рассказать, насколько в шоке была я, но мой стресс был в большей степени от разлуки с родными, а остальное казалось увлекательным, пусть и непростым путешествием. А у него как-то более драматично все переживается.

— Теперь мы можем открыто разговаривать. А то как-то почти сутки, а Вы меня не упрекаете. Непривычно мне.

Меня охватило какое-то безудержное веселье. Первый раз за два года можно не опасаться раскрытия, можно быть собой и не подстраиваться под требования общества. Это как праздник непослушания.

Он сел, аккуратно закрыв дверь — с третьей попытки в такси это освоил.

— Вы умеете управлять таким экипажем? — опасливо уточнил мой спутник.

— И безумно скучала по этому. — погладила приборную панель. — У вас-то еще ждать и ждать. А потом обнять и плакать те автомобили.

С места я трогалась очень осторожно — все же два года перерыва в вождении, два года в совершенно ином ритме, но мастерство не пропьешь. Тонна металла и пластика подчиняется любому движению ладони, тихо воркует радио, ненавязчиво светят дисплеи. Мой мир, в который уже не надеялась вернуться, который вычеркнула к чертям из памяти.

Мы успели проскочить мост до больших пробок и минут за пятнадцать доехали до дома. Даже парковочное место свободно было. Я полезла под коврик багажника, где на случай какой тревоги хранился запасной комплект ключей, с облегчением их достала и повела своего гостя в своё логово. Ну, во всяком случае, по его лицу читались именно такие эмоции. Он думал, что я не вижу его прикосновений к приборной доске. Мальчишка все-таки всегда мальчишка.

Новый повод для конфликта приключился еще на первом этаже. Распахнулись двери и мой спутник с изумлением уставился в недра антивандального металлического ящика.

— Это лифт. — пояснила я через минуту.

— Я не понимаю.

— Ну мы войдем внутрь, а потом выйдем у моей квартиры.

— Так зачем туда заходить, если нужно выходить?

Вот не поверите, так и пошли пешком. На девятый-то этаж.

— Федор Андреевич, неужели в Санкт-Петербурге нет еще подъемников в зданиях? — причитала я по дороге.

— Подъемники есть, я даже видел их пару раз. — ответили мне. — Но они точно не выглядят такой крохотной нелепицей.

В квартире я вошла, разделась и первым делом пошла в санузел. Гидромассажная ванна, как мне тебя недоставало! Быстро в кучу свалились лиф, корсаж, корсет, шемиза, панталоны эти глупые, растянувшиеся на коленках за путешествие чулки.

Но как только струи воды коснулись кожи я забыла обо всех переживаниях. Рассматривая россыпь галогенок на потолке я почти поверила, что утром ушла на ту дурацкую встречу, и просто задремала потом в пробке. Мне же всегда снились удивительные сны, обязательно цветные и со сложными сюжетами. Люська находила мне самые заковыристые диагнозы под такие симптомы, но я лишь отмахивалась всегда. Зря, наверное.

Над всей ванной нависает зеркало. Очень непрактично в уборке, зато весьма пикантно, если ванну принимаешь не в одиночестве. Тетка всегда мечтательно закатывала глаза, упоминая об этом факте. А мне проверить так и не довелось. Теперь нечего откладывать, надо жить, пока есть такая возможность.

Я подняла взгляд, очень надеясь обнаружить свое чуть запущенное каре и косую челку, но зеркало отразило отросшие за лопатки волосы, а на шее тонкой багровой полоской саднила отметина о моем чудесном спасении. Это кто ж мог подумать... Я смазала ее ранозаживляющим гелем — через пару дней пройдет. А натуралистичненько он меня душил.

Час спустя я обнаружила, что мой гость так и стоит в тесной прихожей. Что он, вампир что ли, чтобы приглашать отдельно?

— Заходите, Федор Андреевич.

Он долго молчал на кухне, созерцая приготовление мной ужина. Ну громко это сказано про перемещение полуфабрикатов из морозилки в микроволновку, но все же. Хозяйка я или нет?

— Прошу прощения за... — он коснулся своей шеи..

— Бросьте, Федор Андреевич. Иначе же никак... — отмахнулась я. Разве можно сердиться на того, кто мало что спас мне жизнь, так еще и вернул домой.

Он помолчал...

— У Вас странная планировка жилья.

— Это с непривычки. — да, не татищевские хоромы.

— А кухарка уже ушла? Ах, да — Вас же так давно не было...

Я аж хрюкнула.

— У меня нет прислуги. Мы тут научены обходиться сами. Прислугу держат те, кто работают 24/7 или в больших коттеджах.

— Вы совсем другая здесь... — чуть искоса посмотрел.

— Это Вы просто плохо меня узнали там.

Я вручила ему тарелку с паэльей и мы переместились в комнату.

— Может быть, хотя бы сюртук снимете?

Он неопределенно помялся, потом медленно расстегнулся, долго искал куда пристроить вещи... Со стороны было похоже на черепаху, снимающую панцирь. Впервые за полгода знакомства я увидела в нем беспомощность.

Мы ели молча и смотрели телек. Его включение уже почти не задело Фохта. Ну как не задело: он несколько секунд поднимал и опускал руку, пытаясь что-то сказать, а потом перестал и опустил на диван. По Культуре показывали новую версию Шекспира, где чернокожая лесбиянка и транссексуал китайского происхождения переписывались в Viber, охотясь за покемонами в разных командах. Свежо, ничего не скажешь.

— Это что?

— Ромео и Джульетта, Федор Андреевич.

Он помолчал, выпил еще немного...

— Вы живете в безумном мире, Ксения.

— Вы, как нельзя более точны.

Домучив еду — все же сто лет назад продукты были намного вкуснее, я развернулась к своему спутнику.

— Спрашивайте.

— Да я не знаю, с чего начать....

— Ну что уже заинтересовало?

— Вот это все... — он обвел рукой комнату. — Это уникальные артефакты? Или сейчас у всех так?

— Федор Андреевич, мир изменился, но не так кардинально. Я живу хорошо, так сказать, средний класс. Не бедствую, но и не роскошествую. Техника, которую Вы видите, в основном стоит меньше или около моей ежемесячной зарплаты. Машинка, на которой мы приехали — дорогая. Кредит за нее я выплачивала два года, и то тогда пришлось пахать за троих. При этом все вышеперечисленное, возможно, стоит дешевле моего браслета. — я погладила наследственную драгоценность.

— Я полагаю, нужно обратиться к полицмейстеру. — он это явно не только что придумал. — Мы расскажем о том, что случилось, документы из архива все подтвердят...

Я рассмеялась в голос, а он осекся и насупился.

— Федор Андреевич! Вспомните, как Вы приехали терзать меня в Суздале. Вот тогда я могла бы рассказать все как на духу. И про перемещение во времени, и про остальное. Вы же, конечно, сразу во все поверили бы и помогли устроиться на новом месте, верно? В доме для душевнобольных или на каторге.

Он опустил глаза.

— Вот. Это первая причина моего смеха. Вторая про архивы. Тут после нашего исчезновения такое было, что вряд ли они сохранились.

— Ну а если написать лично Государю... Личное прошение от дворянина.

Теперь моя очередь вздыхать.

— Нет больше государя, Федор Андреевич.

— Я... понимаю, все-таки столько лет. Ну Государыня, кто-то же есть.

— Федор Андреевич, сто лет назад никого не стало.

Я протянула руку за ноутбуком, открыла Википедию. С Первой Мировой начнем. Это как-то может его подготовить. Хотя...

— Если вот так подвести стрелочку, да-да, пошевелить эту штучку, и все получится, к выделенным синим шрифтом словам — узнаете подробности. Слева вверху стрелка назад — возвращает Вас к прошлому запросу.

— А что это?

— Это самый большой из архивов. Ну или огромная помойка. Каждый думает по-своему. Обращайте внимание на источники информации. Фильмы и художественная литература изрядно привирают. Ну и это... Я пока уберусь, а Вы уж сами почитайте.

Часа через два я заглянула в комнату, где в сумерках, освещаемый лишь экраном ноута, сидел мой компаньон. Раньше я не видела, чтобы мужчина плакал так, что это страшно. Слезы могли вызвать сочувствие, жалость... Здесь я испугалась. За него самого.

Все дела были переделаны, оставалось одно, самое гложущее. Я взобралась на

стремянку, достала с антресолей старую жестянку от печенья и открыла. Медали, документы, фотографии. Паспорт девицы Нечаевой. Тот самый, с расплывшимися от воды подписями. Здесь. И одновременно в Саратовском архиве там. И я здесь. Или там.

Это слишком сложная мысль и ее нужно было подумать позже и основательнее.

— Федор Андреевич! — я старательно смотрела в разные места, только не на него. —

Спать пора.

— Да, я пойду в свою комнату, — глухо ответили из-за монитора.

— Вы сидите на своей комнате.

Тут он отвлекся от чтения.

— В 1895 году в городах жила от силы одна седьмая населения. А сейчас наоборот.

Поэтому мы расселены очень компактно и комната у нас одна. Я сплю на кровати, а Вам постелем на диване. — я вытащила из шкафа гостевое постельное белье.

В свое время, когда я сюда только перебралась, то отгородила спальный угол тканым панно. Днем комната выглядела авангардно, а ночью текстильный абстракционизм открывал мое лежбище. Будь квартира моей собственной, устроила бы капитальный ремонт, но тетка вышла замуж в Германию, и никто не знал, сколько продержится этот брак. Прежние мужья могли продержаться как пару месяцев, так и пятилетку, так что загадывать было рановато, поэтому жильё не продавали и даже не рисковали сдавать.

— Но это непристойно!

— Федор Андреевич, говорят, что красота — в глазах смотрящего. А приличия — в поступках, тогда.

И задернула за собой штору.

3. Первый шаг

Пробуждение было удивительным. За два года я так привыкла к высоким потолкам — и у Фрола, и в Самаре, и в усадьбе Татищевых, и в Петербурге, конечно, всюду эти поднебесные выси, после которых 2.55 смотрятся коробочкой. Зато свой дом. Наверное.

Фохт так и заснул с ноутбуком на коленях, и, судя по всему, сны его посещали плохие.

Я аккуратно забрала ноутбук, накрыла одеялом горе-путешественника и отправилась в душ. В конце XIX века можно организовать ванну, но теплый душ с утра — это роскошь, которую люди нашего времени не ценят.

Первый день без корсета. Как-то даже голой себя чувствую. Нормальные трусы, джинсы, которые теперь свободноваты в талии, майка.... И рубашка поверх. Чересчур открытые вещи уже кажутся вульгарными. Некоторые привычки стоит сохранять.

Я заварила нам кофе, приготовила овсянку, сервировала стол.

— Федор Андреевич, извольте завтракать!

Он взвился, ошарашенный и грустный. Раньше он всегда был настороженным, собранным и холодным. Вряд ли очень приятный человек в непрофессиональном общении, но сейчас все еще хуже.

— Я бы хотел привести себя в порядок. — ох, он все-таки умеет краснеть.

Из закромов я выдала ему бритву, полотенце, мыло, свой безразмерный банный халат и приготовилась ждать.

Как и было задумано, утренний туалет моего гостя сопровождался падениями мелких предметов, тихими ругательствами и умилением на моем израненном сердце. Да, это детский сад, но сколько нервов было потрачено на его угрозы и придирки. Нельзя, нельзя такое прощать.

Наконец все стихло, но дверь оставалась закрытой.

— Федор Андреевич, Вы живы?

Тишина.

А ну и правда пропал — смылся во всех смыслах? Я теперь уже и не знаю, в каком месте можно провалиться в прошлое.

Нельзя сказать, что я вообще не думала на этот счет. Как только поняла, что тут я вообще ничего не потеряла, начала вдумчиво анализировать все произошедшее. Пока выходило, что перемещаться у меня вышло только при угрозе жизни. Хотя, когда меня в юности сбил престарелый автомобилист на пешеходном переходе, провалилась я только в «Скорую». Ну а вдруг там в подвале было опасно? В Петербурге же опасность была вполне реальной.

Если считать, что я волшебной удачливостью нашла порталы в прошлое, то почему они одноразовые?

И самое скользкое во всем — паспорт. После того, как с помощью Фрола мы его выщипали у будущих предков, он не мог вообще очутиться снова там, где мама бы его нашла.

Я пожалала плечами и решила погуглить моего гостя. Как ни странно, Федор Андреевич Фохт был знаком архивам российских газет. В частности, он обвинялся в участии в дуэли с поручиком П.Н. Татищевым в октябре 1894 года. В ходе той дуэли поручик был смертельно ранен, а жандарм подвергся служебному расследованию с последующим понижением в

чинах. Конфликт между моим мужем и спасителем возник в ходе следствия по обвинению офицеров 6 артиллерийской бригады в антиправительственном заговоре.

В дальнейшем господин Фохт служил на мелких должностях и погиб при задержании бомбиста в феврале 1895 года.

Меня начали терзать смутные сомнения. Род Татищевых в Википедии описывался поверхностно, но родовую усадьбу я таки нашла, как и сведения об эмиграции выживших. Графини Ксении Татищевой обнаружить не удалось. Стало ясно, что в понедельник я иду в областной архив изучать брачные метрики июня 1894 года.

Урчание внизу живота напомнило, что время идет, а гость уже запропал в ванной. Я еще раз окликнула, постучала и вошла. Федор Андреевич всем своим телом занял пол моей тесной ванной. Из носа текла кровь, а сам он пребывал без сознания. Я охнула и полезла за нашатырем — помогло, хоть и не сразу. Видно, что сосудики в глазах полопались. Определенно, сейчас он и меня не узнает. А нет, узнал. Неловко запахнулся и сычом смотрит.

— Что с Вами, Федор Андреевич?

— Да что-то дурно стало, пройдет. — он явно не из ипохондриков.

— И частенько ли Вам так дурнеет? — послал Господь припадочного.

— Редко. — он попытался встать, не смог. Пришлось помочь опереться на стену, чтобы сохранилась иллюзия самостоятельности. А ведь здоровый же тип, сантиметров на пятнадцать выше меня. Очень неудобен в транспортировке.

— С рождения этими припадками страдаете?

— Я не припадочный, сударыня.

— Конечно. Так вот, потери сознания с носовыми кровотечениями давно начались?

Он долго молчал, надеюсь, обдумывая вопрос, а не измышляя отговорку.

— Лет 7 уже.

— Вот просто в один прекрасный день началось само?

— Нет. — язвительно парировал он. — В один не самый прекрасный день я выслеживал бомбиста в императорском поезде.

— Вы видели то крушение? — да ладно, живой очевидец удивительнейшей истории.

Он горько вздохнул.

— Я в нем участвовал.

* * *

Время завтрака по умолчанию считают безопасным. Ну что может произойти за едой? Свита полусонно занимала места, Государь и Императрица улыбались старшим детям, когда идиллия закончилась. Вагон подпрыгнул, небо и земля сменялись местами. Первый удар, второй, уже тихий третий. Роскошный, сияющий вагон-столовая превратился в скомканную ловушку. Первым собрался Государь, и придерживая часть потолка своим мощным плечом, организовал выход остальных сквозь прорванную стену. Он оплатит этот подвиг болезнью и безвременной смертью, но спасет всех. Оглушенные придворные не сразу сообразили, что находятся почти в самом низу оврага. Из вагона обслуги слышались слабые стоны, но когда подоспела помощь, там спасать было уже некого. Молодой франт, жутко гордый от того, что может видеть весь двор на расстоянии нескольких шагов, в момент крушения был выброшен

из тамбура своего вагона и успел прикрыть грудью большеглазую девочку в серо-голубом платье, когда мимо пронеслась сорванная стальная крыша. Лишь потом он сможет поклониться Великой Княжне, а пока прижимает к земле ее трясущееся тельце.

Суета, крики, стоны. Императрица мужественно помогает раненым, лишь на несколько минут преклонив колени перед обезглавленным телом казака. Тот сопровождал ее больше 20 лет, всю ее российскую жизнь.

* * *

Я протянула ему мокрое полотенце, стерла кровь, и мы приступили к остывшему завтраку.

— Федор Андреевич, я тут отъеду на несколько часов: мне нужно встретиться с семьей. — Он с подозрением посмотрел на меня.

— У Вас есть семья?

— Да. Мама, отчим, сестра. Я дико скучала по ним все это время. — я повертела в руках ложку и отложила в сторону. — Наверное, Вам понадобится одежда. Более современная.

Он чуть неуверенно встал, дошел до сюртука и порывшись внутри достал несколько ассигнаций.

— Боюсь, они нас не спасут, друг мой. Сейчас в ходу совсем другие деньги.

Он сжал губы и побледнел чуток.

— Я не альфонс и не могу допустить, чтобы Вы меня содержали.

— Тогда могу Вам одолжить. — улыбнулась я. — Вы сами-то как видите свое будущее?

— Не знаю, Ксения Александровна. — он обреченно изучал свои ладони. — Вы проводите меня туда, откуда Вы попали к нам?

— Почему бы и нет? В понедельник, если все будет хорошо, я снова поеду к господину Углич-Спасскому, и Вы своими глазами увидите эту яму.

— Вот и хорошо. — Он выдохнул с облегчением. — Полагаете, стоит туда попасть — и я вернусь?

— Да понятия не имею. — я с трудом сдержала порыв добавить в кофе коньячку в пропорции 1:1. — Тут есть несколько непонятных мне моментов.

И я рассказала о паспорте, даже помахала оригиналом.

— Да, припоминаю. Я сам его держал в руках. — задумчиво протянул гость.

— Когда же?

— Ну... — он помялся. — Перед нашей встречей в Суздале. Только тогда в нем была запись о Вашем замужестве.

То есть это не тот, а другой паспорт. Вообще другой. И все это вообще можно списать на бред, не сидел бы посторонний мужик на моей кухне.

— Я тут посмотрела архивы некоторые. — неуверенно начала я. — Там нет графини Татищевой.

— Да? — вот она его фирменная ирония.

— Да. Зато есть печальная история графа Петра Николаевича Татищева, который в ноябре 1894 года вызвал на дуэль чиновника из Петербурга. Сам был смертельно ранен, а чиновник — осужден за дуэль.

Он все еще не догадывался.

— Чиновника понизили в должности и тот стал рядовым жандармом. И точно так же пошел на склады на Лиговской улице.

— А что же с ним.... Со мной... Стало?

Вместо ответа я молча протянула ему ноут с раскрытой статьёй.

— И что это значит?

— Это значит, что у нас есть две новости: одна хорошая, а другая — так себе. Мы не совсем в будущем и не совсем в прошлом. У нас есть рассказ Рэя Бредбери «И грянул гром». Там человек, попавший в прошлое, раздавил бабочку, а вернувшись в настоящее, застал мир совсем иным. А я в вашем времени уже много чем отличилась. Ваше время уже начало меняться, потому что я там появилась. Но, если мир не почувствовал этого, значит то прошлое — это параллельная линия. Поэтому то, что у нас случилось в 1894-95 гоах — оно не изменилось.

— Это хорошая или плохая новость? — вряд ли ему понравилось объяснение, но лучшего у меня нет и не предвидится.

— Хорошая. Для меня, во всяком случае. Не обязательно изменение будет улучшать жизнь. Предположим, Вы бы попали в Ваше прошлое и познакомили бы Вашего папеньку с другой женщиной. Он прожил бы совсем иную жизнь, а Вы бы не появились на свет. И все хорошее, что Вы делали — не случилось бы. Следовательно, и Вы не смогли бы их познакомиться. Классический временной парадокс. Мир — цепочка нелепиц и случайностей, на самом деле.

— Ну а плохое-то что?

— А плохо то, что у нас теперь нет свидетельств того, что Вы вернулись в прошлое.

— Но я же еще и не вернулся.

— Если бы все было predetermined, то мы бы уже знали, что один жандарм пропал, а потом чудесным образом вернулся и прожил достойную жизнь.

— Но и обратного утверждения нет. — он с внезапным аппетитом принялся за еду.

Когда завтрак был окончен, я собрала посуду и начала ее мыть. На кухне воцарилась тишина. Краем глаза я заметила точку интереса моего собеседника.

— Федор Андреевич, Вы что-то хотели мне сказать?

— Ксения Александровна, у вас так принято ходить дома? — заметил все-таки. Значит голова не сильно пострадала.

— Что Вы, я стараюсь не травмировать Ваше чувство прекрасного. Так у нас ходят вне жилища. А дома допустимо и в нижнем белье. — и мерзко захихикала.

Тот поджал губы и явно не поверил. Жаль не лето, а то сходили бы на пляж. Хотя.... Вот заодно и маму с Люськой развлеку.

4. Движение

— Федор Андреевич, а Вы плавать умеете?

— Я участвую в ежегодном заплыве Управления. — гордо заявил он, чем подписал себе приговор.

Десять минут мне понадобилось на организацию моих барышень и бронирование билетов в аквапарк. Полчаса на сборы и уговоры зайти за нормальной одеждой. Я помнила еще исподнее Фрола, мужа и догадывалась, что даже за большие деньги нас так не пропустят. Мы забежали в дисконт-центр мужской одежды, быстро нашли ему джинсы, шорты, несколько маек, свитер, толстовку, плавательные шорты и трусы, которые он долго вертел, пока не покраснел окончательно.

Я игнорировала его смущение, забившись в соседнюю примерочную.

— Федор Андреевич, я вынуждена взять с Вас два обещания.

— Каких? — безнадежно уточнил он, рассматривая свое отражение в зеркалах.

А неплохо вписался. Этаким менеджер среднего звена на досуге. Или преуспевающий молодой ученый, учитывая манеры и некоторую оторванность от мира. Все же образ делают в основном тряпки.

— Спокойно реагировать на одежду других людей. — пусть хоть попробует. — И при моих близких не называть мой титул.

— Но...

— Договорились?

— Даю Вам слово.

Ага, а теперь сдержи.

* * *

Я слишком часто в последнее время поступаю порывисто. Это обратная сторона чопорности последних двух лет — женщинам позволялось быть взбалмошными, наивными и восторженными, а в этом выделяться мне не хотелось. Теперь же я тащила на встречу с родней совершенно постороннего мужчину. И как его объяснить? «Мама, познакомься, живой жандарм — теперь таких не делают уже!» или «Люся, помнишь, в детстве ты искала кости мамонта на даче? У меня есть для тебя живой!». И вообще, если он не сумеет свалить завтра, то выгнать на улицу я его не смогу, а появление такого экспоната долго хранить в тайне не получится.

— Федор Андреевич, помните, Вы в нашу первую встречу были инженером?

* * *

Слава Богу, Люська заехала к родителям вовремя и нам не пришлось кружить по городу.

— Родные мои, как же я соскучилась! — даже прослезилась, когда обняла моих родных девочек.

— За неделю? — с подозрением протянула сестра. Она не изменилась совсем. Хотя да,

за неделю куда меняться. Все та же язвительная мелкая глиста с проволочными темно-рыжими волосами, россыпью веснушек по всему телу и зелеными глазами.

— Я так вас обеих люблю. — не обращая внимание на ее ворчание я не могла отпустить маму. Ее запах, ее взгляд... Я успела смириться, что уже не увижу ее больше.

— Ты пила с утра? — подозрительно обнюхала меня сестрица.

— Нет, вредина. Поехали купаться.

Я усадила маму рядом с собой, а сестра устроилась на заднем сиденье с господином Фохтом.

— Девушки, познакомьтесь. Это Федор Андреевич Фохт, наш партнер с Санкт-Петербургской железной дороги. Приехал на день раньше и согласился с нами отдохнуть. Федор Андреевич, это моя сестра Людмила, и мама Анна Степановна.

И тут он чуть приподнялся, насколько это позволяло сиденье и поцеловал им руки. Штирлиц как никогда был близок к провалу.

— Счастливы с Вами познакомиться, Анна Степановна, Людмила Александровна.

— Я не Александровна, я Сергеевна. — сразу расставила акценты Люся и начала окучивать столь галантного мужчину, рассказывая о себе все и немного больше. — Я от второго брака мамы. А Ксюша о Вас не рассказывала... Это так здорово, что Вы с нами. А откуда Вы? Из Петербурга, да? Я очень люблю там бывать. Очень-очень. А Вы в центре живете? Да Вы что, прямо на Итальянской улице?!!!! Это же можно на Невском каждый день гулять... Ах, да, работа. Но по ночам-то... А Эрмитаж... Вы часто бываете в Эрмитаже? Я вот еще не успела сходить, но очень хочу. А давайте мы сходим вместе.

— Лююююся. — мама умеет быть удивительно доходчивой.

В общем, дорога прошла в тихой семейной обстановке.

* * *

Аквапарк наш не чета Самарскому или Казанскому, но для Фохта сойдет. Мы чинно вошли в холл, получили магнитные браслеты, обращению которыми я едва успела научить гостя и оказались в раздевалках.

— Ксюша, это неприлично — тащить незнакомого человека в сауну. — вступила мама. Не то чтобы гневом пылала, скорее пожалела мужика. — Он устал, ночь не спал — ты его глаза видела?

— Мамуль, его надо как-то развлечь. Он сам согласился. И, Люсь, он только что прошел курс лечения от водобоязни. Не глумись, если что не так.

— Ксюш, у тебя нет сердца. — огорчилась мама.

Мы быстро переоделись и вышли. Фохт изучал потолок, пытаясь не видеть проходящих мимо девиц в бикини.

— На горки, да?! — заверещала сестрица и потащила его за руку.

— Он очень важный клиент? — задумчиво спросила мама, глядя им вслед.

— Не критичный. Рядовой аудитор. С ним лучше проявить гостеприимство, а на контракт раскручивать начальство. — судорожно додумывала я легенду гостя.

— А, ну тогда не жалко. — философски заключила моя маман и мы отправились к аттракционам.

Жаль, очень жаль, что чиновники Суздальского отделения жандармерии не увидели с каким лицом важный петербургский чин слетает с сорокаметровой спиральной горки.

— Ксюша рассказала, что Вы ни разу не были в аквапарке. Это так грустно. Зато теперь-то можно? — заткнуть Люсю под силу только одному человеку, но этот человек только что забрался в пузырьковую джакузи, заказал себе «Маргариту» и не планировал спасать чужака. Я тоже.

— У тебя необычное кольцо. — она взяла мою левую руку и рассмотрела обручальное кольцо графа Татищева повнимательнее. — Серебряное? Очень миленькое.

— Да, это необычное кольцо с очень долгой историей. Как-нибудь обязательно расскажу. — Я погладила тонкий ободок на пальце.

— Ты похудела? — мама озадаченно посмотрела на мою усовершенствованную двумя годами корсета фигуру.

— Слегка. А ты как?

— Вообще тихая неделя была. Сережа работал с утра до ночи. И сегодня уехал. Усиление у них, из-за всей этой обстановки. Люська в ординатуре тоже сутками торчит.

— Мы таки получим врача в семью. — рассмеялась я.

— Хотелось бы дожить. — улыбнулась мама.

А мне было все равно, что она говорит, что говорить мне, лишь бы она улыбалась и ее можно было коснуться.

— Ты такая тихая сегодня. — мама коснулась моего запястья. — не заболела?

— Нет, мам. Мне очень-очень хорошо.

— Ксюх, странный он, твой Федя. — Рядом плюхнулась Люся.

— Он не Федя, а Федор Андреевич. И не мой, а совершенно самостоятельный. — тоном занудной училки поправила я.

— Голубой? — огорчилась сестра.

— С чего ты взяла? — а вот с этой точки зрения я как-то не рассматривала проблему Фохта.

— Ну он на сиськи не пялится, от баб шарахается.

— А к мужикам лезет?

— Нет. Вообще с отвращением на все смотрит. Говорю же, странный.

— Нормально все. — я наблюдала, как он рассекает бассейн. Там, где располагались обыкновенные дорожки, особо толпы не было, и мой гость мог спокойно отдохнуть. А форма-то у него ого-го. Под 40 в 1895 — это преддверие старости, но выправка, мускулатура — моим ровесникам в этом бассейне фору даст. Я огляделась и поняла, что Люськиным тоже.

Он уже почти не стеснялся своих плавательных шорт, и вернул былую уверенность в себе. Я напряглась, когда к нему подошли трое мужиков, о чем-то заговорили, но вскоре стало понятно — начали гонять наперегонки. Опыт столетней давности не пропьешь, порвал

жандарм пивные животы как тузик грелку, и компания отправилась к бару. Оттуда вышел через полтора часа, изрядно повеселевший, нашел глазами нас и присоединился.

— Нравится Вам, Федор Андреевич?

— Да. Чрезвычайно, Ксения Александровна. Благодарю за приглашение.

Полупоклон вежливости в бассейне выглядит странновато, но к жителям Санкт-Петербурга в России особое отношение, поэтому старомодная учтивость только восхищает.

* * *

Потом мы собрались обратно, завезли моих родственниц домой и отправились к себе.

— У Вас очень теплые отношения с семьей, Ксения Александровна. — осторожно начал мой спутник.

— Да. Я очень скучала по ним там. — расплываюсь в улыбке я.

— Да, пожалуй, такой секрет я разгадать бы не смог.

Ооооо! Прямо победа на нашем углу ринга.

— Я же намекала Вам, что копаете не с той стороны.

Мы ехали по гололеду, так что получалось медленно, и Федор Андреевич смог насладиться пейзажем.

— Ваш город очень изменился. Как, впрочем, и весь мир. — снова ушел в себя.

Мужчины все же другие. Женщины имеют более гибкую психику, нам легче подстроиться под изменения. Им же легче идти выбранным маршрутом, но проще же и сломаться под давлением.

* * *

Поскольку еда — ресурс не бесконечный, мы заехали в О'КЕЙ. Вообще, если быть честной с самой собой, я глумилась над Федором Андреевичем. Аккуратно, иногда бережно, но глумилась. Это детская месть за все хорошее против всего плохого: и за его преследование, и за мои переживания в начале приключения, и за трудности ассимиляции. За все нес ответ один жандарм. А в царстве всеобщего потребления он завис, как устаревшая операционная система под новым антивирусом.

— Это выставка?

— Нет, это такой магазин. Вы же видели, небось, лавку Фрол Матвеевича? Вот то же самое, но побольше. — я выбирала замороженную пиццу с учетом мнения соседа.

Он оглядывал бесконечность рядов с суеверным ужасом.

— У Вас строятся огромные лавки, высокие дома, а Вы живете в столь тесной квартирке.

— Парадокс урбанизации, друг мой.

Скорее всего со стороны мы были похожи на обычных супругов, затаривающихся едой на неделю. С Петенькой у нас такого не было. Это уже парадоксы моей личной жизни.

* * *

Вечером мы трапезничали пиццей с пивом. Оно моего гостя не впечатлило от слова совсем.

— Ксения Александровна, я вот давно хочу Вас спросить — почему Вы это едите? — он укоризненно смотрел на яркую коробку.

— Это своего рода умерщвление плоти, Федор Андреевич. — с непроницаемым скорбным лицом ответила я.

Я подготовила письмо для Фрола, где сообщала о внезапном отъезде по монастырям на молебны, давала инструкции по ведению дел, приложила доверенность на его имя. Подумала. И написала письмо свекру с самой искренней благодарностью за все, что он сделал. Мой современник бы возиться не стал. Очень осторожно подбирая слова намекнула, что некоторым трупам лучше оставаться неопознанными, а всем приятнее поверить, что вдовствующая графиня с компаньонкой отправилась молиться о бессмертной душе поручика Татищева.

5. Разбег

Ранним утром мы собирались очень интересно. Обычно по понедельникам я просыпала, но теперь, с гостем в доме, приходилось блюсти порядок и с легкой ненавистью взирать на него — бодрого и свежего, красными глазами. А потом уговаривать одеться во вчерашний костюм. И не компрометировать себя в глазах моих коллег.

В офис прибыли первыми, что позволило тихо проскользнуть в мой закуток. Как аксакалу нашей конторы — я пережила уже пару полных смен состава — мне полагалась отдельная стекляшка. Там Фёдор Андреевич сразу устроился за чтением и конспектированием — видимо уж очень интересовало будущее, а я заглянула к шефу.

— Я договорился, там примут нашу презентацию, а потом уже решат, стоит ли встречаться с тобой. — величественно сообщил наш белый господин. Начальник шибко увлекается генеалогией и периодически находит в себе разные корни. Терпимо было бы, если бы примитивно купил дворянский титул, но ему нужно было все по-настоящему, и контора оплатила расшифровку ДНК. То есть до сих пор оплачивает по мере новых достижений в науке. И теперь мы все в курсе, где жили некоторые предки господина Гиляева в X веке.

— Хорошо, я завезу. — быстро ответила я и технично рванула в голубую даль. Последние полгода фирма переживала не лучшие времена, настолько не лучшие, что пришлось обновить резюме, так что бывать в офисе хотелось все меньше и меньше. — Мне еще в Саратове в пару мест заглянуть надо, так что буду на телефоне.

Я уволокла Фохта под изумленные взгляды подтянувшейся широкой общественности и скрылась за дверью.

— Ксения Александровна, я так и не понял, чем Вы занимаетесь. — осторожно начал мой спутник, убедившись, что в пробке мы обосновались всерьез и надолго. Оказалось, это явление ему знакомо по профессиональным поездкам.

— На работе-то? Да всем понемногу. Проводим анализы работы компании, разрабатываем стратегии развития, делаем из ничего конфетку, оцениваем и рекламируем. — я профессиональный швец, жнец и на дуде игрец. В девятнадцатом веке это не помогло мне найти работу, зато способствовало сохранению психического здоровья в экстренной ситуации.

* * *

Когда мы подъезжали к мукомольному комплексу, оба несколько напряглись. Я побаивалась, что меня опять поведет куда не попадая, он — что оставит на месте. Повезло девочкам. Рухнувшее дерево было видно издалека. Вековой тополь не пережил влажного снегопада и теперь его пенек вонзался в атмосферу острыми иглами годовых колец. А ствол аккуратно так накрыл и яму, и пару неудачно припаркованных автомобилей.

Я отловила одного из работников, тихо куривших за углом.

— Как у вас эффектно деревце-то легло.

— Прямо Тополь-М. - заржал мужик.

— И когда убрать обещали? А то мой шеф сюда собирается, а теперь к офису не

проехать.

— Эээ, теперь не скоро, пока страховщики все не соберутся, главный трогать не велел. Недели две-три пролежит.

* * *

На Фохта было больно смотреть, поэтому я быстренько занесла презентацию в приемную Углич-Спасского, ужаснулась дресс-коду — наша Фекла куда лучше одевалась, с достоинством, и рванула оттуда в голубую даль.

— Федор Андреевич, Вы, главное, не переживайте. За две недели яма не пропадет, а мы тем временем займемся чем полезным.

— Чем же таким полезным я могу тут заняться? — язвительно ответил он.

* * *

В диагностический центр я его завезла украдкой. Вряд ли можно было получить на это согласие, но здоровье постояльца меня очень беспокоило.

Надо было видеть лицо оператора МРТ, когда я выпрашивала разрешения сидеть рядом с пациентом. Но несколько месяцев титульного дворянства сделали меня убедительной, и вскоре мы остались вдвоем в этом сумрачном помещении.

— И что теперь? — произнес голос с каталки.

— Насколько мне известно, пациента помещают в этот прибор на полчаса и он ждет. Я буду держать Вас за ногу. — шепнула ему ободряюще и тут как раз это началось.

Процедура оказалась удивительно нудной, но прошла без эксцессов. А вот процесс анализа снимков, наоборот, принес неприятные открытия.

— Уважаемый Федор Андреевич! У Вас были травмы головного мозга? — этой даме бы допросы в Гестапо проводить — такая стареющая валькирия.

— Да, контузия.

— В ДТП, — подсказала я, заслужив неодобрительный взгляд медика. — 7 лет назад.

— Странно, что проглядели тогда. И шили-то Вас как-то странно.

— В райцентре. — прошуршала я снова.

— Ну тогда понятно. — удовлетворилась объяснением женщина. — У Вас интракраниальная аневризма височной доли. Веретенообразная.

— А это операбельно? — снова вылезла я.

— Да, но постарайтесь это сделать быстро. По-хорошему это показания к госпитализации...

— У него медполис забрали на переоформление. Спасибо, мы пойдем.

Я собрала все бумаги, за руку практически увела пациента и быстрее вышла на мороз.

Там отдышалась и набралась сил посмотреть на своего спутника. Тот выглядел озадаченным, не более того.

— Федор Андреевич, вы слышали диагноз?

— Ну да... Что-то с виском.

После недолгого совещания с всемирной сетью я выяснила, что проблема моего гостя

так себе, требует быстрого решения и остается лишь выбор метода операции. Лично мне больше нравилась идея эндоваскулярной эмболизации — без трепанации черепа и с малым сроком реабилитации. Но это не мой главный орган, принимать решение не мне.

— Федор Андреевич, один из сосудов Вашего головного мозга поврежден и его стенка медленно, но верно идет к разрыву. Прорыв аневризмы — это апоплексический удар, по-вашему.

Собеседник помрачнел. Уж как он решился мне доверять не знаю, наверное, ломать себя через колено пришлось, но хотя бы в вопросах моего времени споров не возникало.

— И сколько у меня... осталось времени?

— Этого Вам никто не скажет. Может год-два, может неделя. — Блин, да ты в любую минуту можешь уехать в край вечной охоты. — Но сейчас такое лечат. Можно вскрыть череп и удалить это хирургическим путем или через крупные сосуды сделать это изнутри.

— То есть как изнутри?

Я сначала пробовала показать на себе, но уж очень это его смутило. Пришлось обращаться к медицинским сайтам. Современные технологии шокировали моего гостя.

— И через все туловище в голову проведут что?

— Тонкий щуп, которым сделают заплатку на сосуде.

— И?

— И все. Отлежитесь и будете жить дальше. Возможно, даже без мигрени. При втором сценарии побочных эффектов многовато — провалы в памяти, нарушение координации движений, затрудненность речи.

— Я подумаю над Вашими словами. — завершил разговор Фохт и пошел вперед.

* * *

А я осталась бороться с сомнениями. С самого начала путешествия было трудно понять, что я с ним вожусь. Могла бы в одиночку уехать из Питера и черта с два бы Федор Андреевич меня нашел. Из обезьянника и психбольницы особенно. Но мне казалось правильным отплатить миру тем, что он сделал для меня, послав в свое время Фрола. И как купец, не задавая лишних вопросов, вообще не зная ничего обо мне, принял и поверил мне, так и я позабочусь об этом осколке чужого прошлого. Тем более, мужик мне жизнь спас — пора отвечать.

Я сидела за рулем, как и не поворачивая замок зажигания — смотрела прайсы частных клиник. Потом хмыкнула, и ознакомилась с государственными. Там расходы были на порядок меньше, а квалификация врачей подкреплялась не только рекламными фотографиями. По зрелом размышлении и обзвоне знакомых, пришлось выбрать железнодорожную клинику. Там бесплатно обслуживали своих и за деньги чужих, зато с документами можно будет пройти менее строгий контроль. Но, блин, деньги. Столько у меня не было, и даже если заодно вырезать на продажу почку у пациента, мы вряд ли выручим нужную сумму. Приходилось принять неизбежное, хотя и очень-очень жаль.

* * *

— Ефим Давидович, какая радость — слышать Ваш голос. Это Ксения, из «ИнфинитумКонсалтинг».

— Кисонька, помню-помню.

Да, уж, мы все тебя запомнили с восемнадцатью пересъёмками рекламного ролика. Тот режиссер вообще наши телефоны потом в черный список занес.

— Да, мне тоже очень приятно, что помните. Как Ваше здоровье?

— Ой, вэйз мир, какое здоровье может быть у старого еврея?! Я прихожу в больницу и мне кланяются даже уборщицы, потому что половина их зарплаты — точно из моих денег.

Милочка, старость не радость.

Да ты нас всех еще в линейку уложишь и оградку красить придешь.

— Вы мужчина в самом расцвете сил. Молодым и не снилось. Как Ваш бизнес?

— Да какой тут бизнес, сама понимаешь, кризис, одни долги. — привычно запричитал мой собеседник, а я, как наяву, вспомнила его ехидную улыбочку.

— Ну может, все-таки какой гешефт получить можно? Я к Вам человечка завезу, у которого есть кое-что на продажу. Вам понравится.

— Вези, кисонька, вези.

Человечек сидел напротив и воплощал отвращение от своей роли. Я понимаю, что именно ему на хлебником быть не хотелось. Но иных возможностей не было. Да и в любом случае, продажа моего сокровища — вопрос времени.

* * *

На прощание я сфотографировалась с этим браслетом, даже поплакала над ним.

— Вам так дорога эта вещь? — не выдержал Федор Андреевич.

— Это же Фаберже. — благоговейно прошептала я. — Мне его все равно не одеть, но даже шанс потрогать бы никогда не выпал.

Он изумился.

— В городе несколько магазинов торгуют их изделиями, и далеко не все из них стоят астрономических сумм.

— В вашем городе. В наших городах за яйцами Фаберже охотятся коллекционеры и все несколько десятков сохранившихся изделий хранятся в далеких сейфах у сверхбогачей.

— Фаберже?

— Ну как Вам объяснить... Вот представьте, что есть бриллиант с кулак размером бирюзового цвета. Таких в мире мало, а шансы их увидеть — ничтожны. И больше такого не добудут, потому что место добычи провалилось в бездну. Наше место добычи провалилось в бездну в 1917, заодно прихватив множество сокровищ и их владельцев.

Он хотел что-то сказать, но замолчал.

— Тогда не стоит это продавать.

— Не в том дело. Я все равно не смогу с ним... Но это же Фаберже... Я в детстве мечтала вот об этой штуке. — Быстро нашла в поисковике нужную картинку — пасхальное яйцо «Клевер». Его сделают в 1902 году. Красиво, правда?

Он неопределенно фыркнул.

— Обычно женщинам нравится, чтобы много бриллиантов...

— Чтоб «богато»? — рассмеялась я. — Такое бы вообще без драгоценных камней,

только с листками клевера — это было бы очень элегантно. Но подобных вещей точно история не сберегла.

Помните Вупи Голдберг в «Привидении»? Я с бархатным футляром расставалась почти так же. Но после небольшой заминки мы таки прошли в заурядный ювелирный магазинчик, где мечтательный продавец отвел нас в пыльную подсобку.

* * *

Если бы Ефима Давидовича не было, его бы обязательно придумали. Вообще, я подозреваю, что образ еврейского патриарха он эксплуатирует совершенно сознательно, и старые брюки зря скрывают астрономической роскоши туфли, а кудельки полуседых волос при необходимости можно уложить в прическу психически благополучного гражданина, но имидж — наше все.

— Доброго дня, Ефим Давидович!

— Здравствуй, кисонька! — меня трижды облобызали, сообщили, что похудела, повзрослела, и таки совершенно непонятно, куда смотрят эти поцы, кто не берет меня замуж.

— Познакомьтесь, Ефим Давидович, с моим давним знакомым Федором Андреевичем!

Его оценивающе осмотрели, и увиденное в стандарт не уложилось — гость мой уперся бараном и поехал в собственном костюме.

— Очень рад, очень рад.

Нас устроили на стульях, явно снятых с палубы Ноева ковчега и принялись рассматривать.

— Федор Андреевич хочет продать семейную реликвию. — начала издали я. — Браслет женский, вторая половина XIX века, Россия.

Мой спутник после небольшого пинка подал ювелиру наше сокровище. Тот сохранял невозмутимое лицо практически все время, пока гемтестером отщелкал все до последнего камушка, даже когда достал из закровов микроскоп. Только спина напряглась.

— Симпатичная вещица.

— Да, внезапно обретенный подлинник Фаберже не каждый день встретишь, верно? — безмятежно улыбнулась я.

— Ну не факт, что подлинник. — затянул тоскливую песнь наш хозяин.

— Подлинник. — Первый раз отверз уста мой спутник. И как-то так сказал, что возражать даже у меня бы язык не повернулся. Расслабилась я на своей территории, забыла, что это профессионал в работе с людьми.

— Ефим Давидович, аукционная цена на Sotheby's на такое начинается с полумиллиона долларов. Вы это знаете, я это знаю. У Вас будет товар в прекрасном состоянии, который не обязательно продавать открыто.

— Деточка, где Сотби, а где мы. — а в глазах работает счетчик, и это чудесно.

— Ефим Давидович, уж кто-кто, а Вы точно сможете на этом неплохо заработать. Сто пятьдесят.

— Нет, откуда такие цифры?! Даже на своем аукционе столько не отобьётся.

— Тогда восемьдесят, но быстро. Половину в рублях.

— Послезавтра устроит, кисонька?

— Замечательно, да, Федор Андреевич? — я обернулась к владельцу, который так и продолжал изображать невозмутимую фигуру на барельефе.

— Хорошо.

Мы распрощались и быстро покинули гостеприимное логово.

— Это не очень дешево? — уточнил мой спутник уже в машине.

— Моя зарплата за десять лет. Очень хороших лет. — прикинула навскидку я. Несколько автомобилей, пара квартир. Для наших целей вообще достаточно и половины было бы.

* * *

Через день Федор Андреевич вызвался пойти один, что меня чуточку напрягло, но была логика в том, чтобы не светиться лишний раз. Я дожидалась его в нескольких кварталах от ювелира, и через полчаса увидела, как он идет молодцеватой походкой, плечи расправлены, в глазах огонь. Тут-то и поняла, что все время здесь он не чувствовал себя полноценным мужчиной, подчиняясь моим решениям, моему выбору, моим аргументам.

Деньги мы разделили на несколько частей, кое-что убрали подальше, а с оставшимся капиталом двинулись по медучреждениям.

Доктор нам попался хороший, понимающий, что время от времени паспорта находятся на оформлении и вполне хватает копий (за небольшие деньги, кстати, понял), а что на копии возраст и фотография не очень сочетаются — так то издержки нездорового образа жизни. На этот раз я утащила копии документов Лёни и чуть-чуть поработала в фотошопе. Федор Андреевич уже с подозрением косился в мою сторону.

— Ну что?

— А почему нельзя обойтись без этого? — он брезгливо ткнул в несколько неудачных попыток познакомиться с 327 статьей Уголовного Кодекса Российской Федерации.

— Потому что без документов Вас в нормальной клинике не примут. И так-то нет гарантии, но лучше, чем вообще ничего.

— Вы обдумываете действия на несколько шагов вперед. — по некотором размышлении послышалось из его угла.

— Да. Так проще. — чуть-чуть и получится хороший скан.

— Это не пристало женщине.

— Так. — я откинулась на стуле. — Федор Андреевич, эмансипация женщин уже случилась, причем началась еще на Вашем веку. Сейчас женщины летают в космос, руководят правительствами и армиями и вообще делают много разного, для чего нужны мозги. А еще рожают без участия мужчин, кстати говоря. Это мое общество, и Ваши современники вскоре тоже вынуждены будут это принять. Если Вас так ранит подобное обстоятельство, попробуйте видеть во мне друга без признаков пола.

Обиделся. Патриархальный он слишком.

* * *

С больницей получилось настолько все гладко, насколько это вообще было возможно.

Ну если не считать того, что в ночь после операции Федору Андреевичу стало хуже и потребовалась экстренная вторая (еще минус несколько десятков тысяч). Рассвет я встречала в его индивидуальной палате (оплата посуточная, пребывание родственника — по тарифу при наличии флюорографии).

Утром он медленно открыл один глаз, затем другой. Молча сфокусировал их на мне.

— Воды...

Я резво бросилась за бутылкой, потом смотрела, как он жадно пьет — после наркоза и меня сушило несколько дней.

— Ну как?

Он осторожно пошевелил ногами, поочередно поднял руки, ощупал голову.

— Странно очень.

— Если очень странно — то это лекарства, пошутила вошедшая медсестра.

Он хорошо видел, прекрасно слышал, сохранил все двигательные функции, срезался только на одном вопросе.

— Какой сейчас год? — дежурно уточнил врач.

— Одна тысяча восемьсот девяносто пятый. — автоматически произнес пациент и все замолчали.

Полстраны проехали, множество людей встретили и все прокатило, а тут вот...

За спинами переглядывающихся медиков я показала пациенту кулак и деланно рассмеялась. Ко мне повернулись тревожные и недоуменные лица.

— Это у нас семейная шутка. Когда кто-то хочет сменить тему разговора, вспоминаем 1895 год. Тогда родился прапрадед Лёпочки — легендарнейшая личность в их роду, пламенный революционер, знаете ли. И как у некоторых есть фраза «словно и не было советской власти», так и у нас 1895-й.

Абсолютно бестолковое объяснение, но что можно придумать на ходу?

— Март, 2015-го. — хрипло отозвался мужчина в кровати.

— Вы бы, Леонид Борисович, не шутили так. А то и в третий раз на операционный стол уедете ни за что. — ответно съехидничал медик и ушел.

Я даже глумиться не стала — грех смеяться над больным.

* * *

После обеда его поставили на ноги и позволили сделать несколько шагов по палате, на третий день начали готовить к выписке. Лекарств прописали не так чтобы очень много, но где их взять в конце XIX века. Так что придется моему гостю бросить курить, завязать с алкоголем и вести здоровый образ жизни.

* * *

Дни потекли размеренные, почти семейные — я работала, а он целыми днями исследовал исторические сайты. Изучал историю страны и мира так подробно, что я устыдилась — в школе подобной основательности у меня не было. Порой мы подолгу дискуссировали о каких-то событиях, и я все чаще спотыкалась о нехватку знаний. Пришлось

купить себе новый планшет, и подыскивать аргументы прямо за разговорами. Особо яростно мы бились на тему личности Николая Последнего.

— Его Величество оказался в сложнейшей ситуации.

— Он упустил все, что можно, привел страну к пропасти и позволил горстке самовлюбленных идиотов захватить власть. И это я, Федор Андреевич, не о большевиках. Те взяли лишь то, что плохо лежало.

— Но эти министры... Вы же посмотрите, что за чехарда творилась на ключевых постах! — горячился гость.

И я только из трепетного отношения к его черепушке щадила Светлейшее самолюбие.

— Он был наделен абсолютной властью. И несет ответственность за то, как она была использована или не использована. Вступили в войну — надо было дожимать противника. С Японией позор вышел. Это же героизм в сражениях и крысятничество в Генштабе. Революция 1905 года — вообще апофеоз бездействия властей. Вон посмотрите любые новости — Украина показывает, что бывает, если власть попадает к улице и кого эта улица приводит.

И ведь смотрел. Ужасался и читал. Неделю изучал вторую мировую и просто мертвел над фильмами о Хатыни и блокаде Ленинграда. Хотя и Первая мировая тоже не особо воодушевляла.

Зато можно было всласть позлословить над крушением Британской империи, к которой мы оба испытывали единодушную тараканью любовь, посочувствовать судьбе Столыпина, пройтись гребнем критики по европейским политикам. Бывали, бывали вечера, когда я радовалась его соседству.

Ему понравилась идея стикеров и скоро холодильник и стена рядом с диваном покрылись ровным слоем пометок с ятями. Там были и напоминания, о чем меня спросить, и идеи, и советы. Еще страньше, чем с Фролом или Петей жили.

— Ксения Александровна, — окликнул он меня однажды в ночи. — Мне неловко спрашивать, но иначе узнать не получилось. И я прошу прощения за бестактность вопроса.

Я высунулась из своей норы в кровати. Это что же он этакое усмотрел?

— Давно хочу заметить, что в этой Вашей Сети попадаются непристойные изображения.

— Ну а где еще людям порнуху-то смотреть? — удивилась я.

— То есть Вы это видели? — ужаснулся мой гость.

Я откинулась на подушку.

— Федор Андреевич, вот ответьте честно — вы в детстве за голыми женщинами подглядывали?

— Это неприлично. — засопели с дивана.

— Вопрос звучал иначе. Смотрели или нет?

— Предположим.

— То есть интерес был. Вот и сейчас людям интересно. Кому-то еще и познавательно. Так что даже девственники могут в теории знать все техники секса. Да и иные потребности тоже можно удовлетворять. Вообще, если любопытно — посмотрите видео. Только звук потише, пожалуйста сделайте.

Утром он избегал смотреть мне в глаза. Забавный.

Несколько раз выбрались погулять по вечернему городу. Его изумляли огни, неоновые вывески, красочные рекламные экраны. Я же почему-то скучала по тишине. Раз прошлись по старой Ильинской улице, на которой все теперь не так — одна из важнейших магистралей города, вечные пробки. На перекрестке, где мы познакомились с Петей уже почти и не осталось тех домов. Дом, где была лавка Фрола, начинали сносить, и я не удержалась — поднялась наверх. Моя комната почти не изменилась, а вот гостиную разделили перегородкой. Я стояла и плакала по всему, что прожила, по всем, кого потеряла... Фохт тактично ждал на темной лестнице и, к моему облегчению, не стал утешать.

Побывали и в ночном клубе, откуда вынесли мигрень, легкое отравление неудачным коктейлем и выбитые барабанные перепонки.

— Что это было? — спросил он меня, когда выскочили за дверь как были, в майках.

— Ну у нас это вместо балов. — как еще обозначить место развлечений в жизни моих современников.

— Смеетесь надо мной? — он не поверил.

— Не сегодня.

В общем, не погрузился он в мир электронной музыки. Может и стоило сводить на какой приличный концерт, но моих любимых групп пока не было.

Но все кончается. Одна из вылазок в Саратов, когда я утвердилась в информации о холостой жизни поручика Татищева, а заполировала это данными домовой книги купцов Калачевых, гласившими, что Анфиса Платоновна была выписана еще в мае 1893-го, а Фрол как самоубийца — тремя месяцами позднее, дала зеленый свет нашему путешественнику.

Вечером мы вдвоем стояли у злополучной ямы. Брошенный вниз фонарик исчез, как и не бывало, так что проход работал. Не факт, что в то же место, но работал. Мой гость был сосредоточен, собран и погружен в себя.

— То есть просто прыгать туда? — уточнил в пятнадцатый уже раз.

— Полагаю, да. — кивнула я, не отрывая взгляда от бездны.

Он прыгнул, но недалеко и неглубоко. Выругался и с нескольких попыток с помощью моего автомобильного троса таки смог вылезти. На такой поворот мы не рассчитывали.

В ближайший час он несколько раз прыгал, падал и аккуратно спускался. Раз я его даже толкнула — а толку чуть.

— Это точно то место? — он больше уже ничего не говорил.

— Точно то. Фонарик же пропал.

Фонарик действительно, поступил с нами по-свински.

Он посветил в бездну моим телефоном.

— Ничего похожего на фонарик. Один мусор. — пробормотал зло.

— Какой мусор? — взвилась я. — Там же пустота.

— Откуда? Был я там. Яма как яма. Кирпичные стены, мусор какой-то. — проворчал жандарм.

— То есть Вы не видите того, что я, а я не вижу того, что доступно Вам. — констатировала я полный тупик и с размаху ударила по листу, прикрывавшему временную дыру. Гнев — это грех, и воздаяние мне случилось почти сразу же. Кровищи — хороший такой ручеек.

— Ну что же Вы, Ксения Александровна! — он перехватил мою ладонь, обмотал собственным носовым платком и прижал к губам. Не может быть!!!

— Не может быть!!! — произнес он вслух и рассмеялся. — Я вижу. Вижу ее.

Поднял меня в воздух закружил, поцеловал в щеку крепко-крепко.

— Спасибо Вам. За все. И прощайте.

Даже долгий взгляд на прощание не получился.

Тьма поглотила тело, словно и не было никогда на Земле этого путешественника между эпохами. На смену уже начавшей подсыхать мартовской грязи пришел пушистый снег, хлопьями кутающий город, и эти хлопья противно таяли на щеках. Они всегда так делают. Я же не плачу, верно?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Мери-Сью и Марти-Сью — герои, у которых под каждым кустом не по роялю, а по целому музыкальному оркестру, умеют все, знают еще больше, играючи преодолевая любые неприятности.

Лишение чинов, дворянства и ссылка на поселение.

Noblesse oblige [фр] — «положение обязывает»

Дорогая мадам Татищева!

Сочувствуя от всего сердца Вам в вашей печали, я считаю возможным дать один совет. В такое тягостное время всегда полезно иметь рядом доброго друга, который сможет разделить боль потери. Появление компаньонки в Вашем доме станет хорошим знаком и для высшего света.

Имею честь рекомендовать мою кузину Натали Чернышову. Эта особа обладает массой достоинств и станет Вашим добрым другом.

С наилучшими пожеланиями О.Т.